

ISSN 2307-1125

Издается при поддержке
Межрегиональной общественной организации
«Ассоциация работников социальных служб»

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ**

DOMESTIC JOURNAL OF SOCIAL WORK

№ 1

2026

Издательство «Социальное обслуживание»

Москва

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Научно-теоретический и научно-методический журнал

DOMESTIC JOURNAL OF SOCIAL WORK

Scientific-Theoretical and Scientific-Methodological Journal

№ 1 (104), 2026 год

*Издается с 1995 года
(в период с 1995 по 2000 годы выходил под названием
«Российский журнал социальной работы»)*

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Учредитель и издатель журнала:

ООО Издательство «Социальное обслуживание»

*Издается при поддержке
Межрегиональной общественной организации
«Ассоциация работников социальных служб»
(Президент А. М. Панов)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель редакционной коллегии

Фирсов М. В., доктор исторических наук, профессор Российского государственного социального университета, вице-президент МОО «Ассоциация работников социальных служб», г. Москва.

Члены редакционной коллегии:

Аникеев О. А. Ю., кандидат исторических наук, доцент Российского государственного социального университета, ученый секретарь ФУМО по УГСН «Социология и Социальная работа», директор Центра развития социального образования РГСУ, Москва;

Беличева С. А., доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Правления МОО «Ассоциация работников социальных служб», г. Москва;

Вдовина М. В., доктор социологических наук, профессор Российского государственного социального университета;

Гонтмахер Е. Ш., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой общественно-социальных институтов и социальной работы Российского государственного социального университета;

Грачева О. Е., кандидат экономических наук, доцент, заслуженный работник социальной защиты населения Российской Федерации, заведующий филиалом «Центр медиации и социально-правовой помощи» ГБУ города Москвы Центр «Содействие»;

Замараева З. П., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы и конфликтологии юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета;

Келасьев В. Н., доктор философских и кандидат психологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и практики социальной работы факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета;

Лельчицкий И. Д., доктор педагогических наук, профессор, действительный член Российской академии образования, директор Института педагогического образования и социальных технологий, заведующий кафедрой «Социальная работа и педагогика» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тверской государственный университет»;

Малофеев И. В., доктор социологических наук, доцент, член Правления МОО «Ассоциация работников социальных служб», г. Москва;

Мартыненко А. В., доктор медицинских наук, профессор, действительный член Российской академии образования, заместитель директора Научно-образовательного института социальных, гуманитарных и экономических наук им. А. П. Чехова, заведующий кафедрой социальной медицины и социальной работы Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет медицины» Минздрава России;

Панов А. М., кандидат педагогических наук, доцент, генеральный директор Издательства «Социальное обслуживание», президент МОО «Ассоциация работников социальных служб», г. Москва;

Судьин С. А., доктор социологических наук, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского»;

Ярская-Смирнова Е. Р., доктор социологических наук, зав. Международной лабораторией исследований социальной интеграции, профессор кафедры общей социологии Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Москва.

Редакция:

Фирсов Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор Российского государственного социального университета, вице-президент МОО «Ассоциация работников социальных служб» — главный редактор;

Вдовина Маргарита Владимировна, доктор социологических наук, профессор Российского государственного социального университета — заместитель главного редактора;

Чулкова Елена Андреевна — ответственный секретарь.

Координатор проекта издания «Отечественного журнала социальной работы»

Панов Андрей Михайлович,

***кандидат педагогических наук, доцент, генеральный директор Издательства
«Социальное обслуживание», президент МОО «Ассоциация работников социальных служб»
Тел. 8 (495) 616 57 98, 8 916 935 58 59, адрес электронной почты: panovam06@mail.ru***

Адрес редакции (для писем и корреспонденции): 129075, Москва, ул. 3-я Новоостанкинская, 4–58.

Тел.: 8 (495) 616 57 98

E-mail: panovam06@mail.ru

DOMESTIC JOURNAL OF SOCIAL WORK
Scientific-Theoretical and Scientific-Methodological Journal

*Has being published since 1995
(during 1995–2000 was issued under the title
“Russian Journal of Social Work”)*

№ 1 (104), 2026 год

The founder and publisher of the journal:

Ltd Publishing House “Social Service”

*Published by support
Interregional nongovernment organization
“Association of Employees of Social Services”
(President A. M. Panov)*

Editorial:

M. V. Firsov — Chief Editor, Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Russian State Social University;

M. V. Vdovina — Deputy of Chief Editor, Doctor of Sociological Sciences,
Professor of the Russian State Social University;

E. A. Chulkova — Executive Secretary.

Coordinator of the publishing project “Domestic Journal of Social Work”:

Panov A. M.
PhD in Pedagogy, Assistant Professor,
President of NGO “Association of Employees of Social Services”

Phone numbers: (495) 616 57 98, 8 916 935 58 59, e-mail: panovam06@mail.ru

Address of Editorial Office: 129075, Moscow, 3-ya Novoostankinskaya str., 4–58

Phone number.: 8 (495) 616 57 98
E-mail: panovam06@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Панов А. М. Генезис профессиональной социальной работы в России — год 1991: события и люди (Историко-методологические аспекты)	9
Арпентьева М. Р. Понимание как интегративный феномен социальной работы: анализ формирования научных подходов в 1990-х годах	30

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК: СФЕРА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Серебрякова В. Ю. Ранняя помощь в процессе формирования семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка	51
---	----

КАФЕДРА: НАУЧНАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ

Кафедра психологии, педагогики и социальной работы Института социального инжиниринга Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнёва» (заведующий кафедрой — Гудовский Игорь Витальевич, кандидат педагогических наук, доцент)

Гудовский И. В. Кафедра психологии, педагогики и социальной работы Института социального инжиниринга Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнёва: путь становления, современный этап и потенциал развития	70
---	----

Статьи членов кафедры

Синьковская И. Г. Социальный маркетинг в деятельности социальных служб	83
Логунова О. В. Педагогические стратегии в практике посреднической деятельности специалистов по работе с семьей	90
Рудых О. А., Поталовская Е. О. Проект «АкваОВЗ»: инновационный подход к адаптивной физической культуре	98
Томилова С. А. Арт-терапевтические технологии как метод улучшения эмоционального состояния женщин, находящихся на лечении с риском потери плода и перинатальной потери ...	104
Астапов В. В. Волонтерское движение как разновидность самоорганизации российской молодежи	109
Столярова С. А. Теоретические и практические аспекты реализации проектного обучения в процессе профессиональной подготовки обучающихся по направлению «Социальная работа» ...	112
Смирная А. А., Смирнова А. А. Овладение будущими социальными педагогами способами взаимодействия с семьей в процессе профессиональной подготовки	121

МЕТОДИКА И ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Бондаренко И. Н. Организации социального обслуживания в системе поддержки бойцов СВО и их близких (На материалах анализа научных и научно-методических публикаций)	126
Иванова А. А. Практика «комплексная реабилитация лиц с психическими хроническими заболеваниями посредством фото- и видеосъёмки и ведения социальных сетей» на базе дома-интерната	158
Ермолаева А. И. Особенности организации неформального ухода за пожилыми людьми в малых сёлах Карелии	172
Киселева Т. Д. Реабилитация семьи: от зависимости к здоровой жизни вместе с детьми (Опыт реализации социальной практики «Во благо ребенка» в Республике Коми)	178
Романычев И. С. Негосударственные коммерческие организации и индивидуальные предприниматели в региональных реестрах поставщиков: формы обслуживания, типы организаций, лицензированность (статистический обзор)	183

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Информационное письмо. XV юбилейная Международная научно-практическая конференция (форум) «Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности» (17–18 сентября, Улан-Удэ)	189
--	-----

ЮБИЛЕИ

Максимова М. Н., Тазетдинова К. А. Служба занятости Республики Татарстан: 35 лет эффективной работы на рынке труда	191
--	-----

CONTENTS

THEORY, METHODOLOGY AND HISTORY OF SOCIAL WORK

Panov A. M. Genesis of professional social work in Russia — the year 1991: events and people (Historical and methodological aspects)	10
Arpentieva M. R. Understanding as an integrative phenomenon of social work: analysis of the formation of scientific approaches in the 1990s	30

NEW RESEARCH IN THE FIELD OF SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES: THE SPHERE OF SOCIAL WORK

Serebryakova V. Yu. Early intervention in the process of creating an adaptive family environment for an atypical child	51
--	----

DEPARTMENT: SCIENTIFIC PRESENTATION

Department of Psychology, Pedagogy and Social Work, Institute of Social Engineering of the Federal state budgetary educational institution of higher education “Siberian state university of Science and Technology named after Academician M. F. Reshetnev” (Head of Department — Igor Vitalyevich Gudovsky, PhD (Pedagogical Sciences), Associate Professor)

Gudovsky I. V. Department of Psychology, Pedagogy and Social Work of the Institute of Social Engineering of the Siberian State University of Science and Technology named after Academician M. F. Reshetnev: the path of formation, the current stage and development potential	70
---	----

Articles of the members of the department

Sinkovskaya I. G. Social marketing in the activities of social services	83
Logunova O. V. Pedagogical strategies in the practice of mediation activities of family specialists	90
Rudykh O. A., Potalovskaya E. O. “AquaOVZ” project: an innovative approach to adaptive physical culture	98
Tomilova S. A. Art therapeutic technologies as a method for improving the emotional state of women undergoing treatment at risk of fetal loss and perinatal loss	104
Astapov V. V. Volunteering as a self-organization of the Russian youth	109
Stolyarova S. A. Theoretical and Practical Aspects of Implementing Project-Based Learning in the Professional Development of Students Majoring in Social Work	112
Smirnaya A. A., Smirnova A. V. Mastering the methods of interacting with family by future social teachers during professional	121

METHODOLOGY AND PRACTICE OF SOCIAL WORK

Bondarenko I. N. Social service organizations in the support system for SVO fighters and their family people (Based on the analysis of scientific and scientific-methodological publications)	126
Ivanova A. A. Practice: “Complex rehabilitation of people with chronic mental illnesses through photography and video filming and social media management” at a Residential Home	158
Ermolaeva A. I. Characteristics of organizing informal care for the elderly in small villages of Karelia	172
Kiseleva T. D. Family rehabilitation: from addiction to a healthy life with children (Experience with the “For the Good of the Child” social practice in the Komi Republic)	178
Romanychev I. S. Non-governmental commercial organizations and businessmen in regional supplier registers: forms of service, types of organizations, licensing (statistical overview)	183

SCIENTIFIC LIFE NEWS

Information letter. 15th anniversary International Scientific and Practical Conference (forum) “Forms and methods of social work in various spheres of life” (September 17–18, Ulan-Ude)	189
--	-----

ANNIVERSARIES

Maksimova M. N., Tazetdinova K. A. Employment service of the Republic of Tatarstan: 35 years of effective operation in the labor market	191
---	-----

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

THEORY, METHODOLOGY AND HISTORY OF SOCIAL WORK

От редакции

2026 год — это год 35-летия профессии «Социальная работа» и начала профессиональной подготовки по социальной работе в высшей школе России. Принято считать, что и собственно профессиональная социальная работа, новейший этап ее истории в нашей стране берет начало именно с 1991 года.

Исследователи и преподаватели социальной работы, действующие и будущие специалисты социальной сферы должны хорошо знать ее историю в государстве российском, истоки тех процессов и этапов, начало которым было положено 35 лет назад. Знать и первопроходцев — основателей современной социальной работы и социального образования, первых исследователей этой новой сферы научных знаний.

Именно поэтому было принято решение вновь опубликовать в этом номере статью, помещенную в выпуск «Отечественного журнала...», посвященный 25-летию профессиональной социальной работы (2016, №2), а в следующем номере — и статью к 30-летнему юбилею нашей сферы деятельности, первая публикация которой была в «Отечественном журнале...» в 2021 году, №1.

Автор — Андрей Михайлович Панов — один из инициаторов, организаторов и руководителей (причем, наиболее креативных, деятельных и продуктивных) первых шагов на пути становления социальной работы и социального образования, зарождения социальной работы как науки. Он имеет полное моральное право рассказывать на страницах журнала об этой исторической вехе, поскольку сам, вместе с соратниками, о которых пишет в статьях, был ее творцом.

Конечно, автор немного осовременил статьи, частично отредактировал с позиций сегодняшнего дня.

Надеемся, данные статьи будут полезны всем, кого интересует этап зарождения и развития социальной работы в период новейшей истории России.

УДК 364: 364.013 + 364.01

ГЕНЕЗИС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РОССИИ — ГОД 1991: СОБЫТИЯ И ЛЮДИ (Историко-методологические аспекты)

А. М. Панов

Панов Андрей Михайлович — кандидат педагогических наук, доцент, заместитель Председателя Комитета по делам семьи и демографической политике при Совете Министров РСФСР (1990–1992 гг.), председатель Комитета социальной помощи семье и детям, директор Департамента проблем семьи, женщин и детей Минсоцзащиты России (1992–1994 гг.), заместитель Министра социальной защиты населения Российской Федерации, Министра труда и социального развития Российской Федерации (1994–1997 гг.), Президент МОО «Ассоциация работников социальных служб».

Контактный адрес: panovam06@mail.ru

1991 год имеет особое значение в истории социальной работы в России. Это год ее профессионального конституирования, появления профессии «Социальная работа», начала подготовки по социальной работе в высшей школе, первых шагов по полноценному формированию всех компонентов системы социальной работы: инфраструктурного, управленческого, законодательного, кадрового, научно-методического и других, развития на новом уровне международных связей.

Выдающуюся роль в возникновении профессиональной социальной работы в России сыграли Комитет по делам семьи и демографической политике при Совете Министров РСФСР и Председатель этого Комитета И. И. Гребешева. Усилиями сотрудников Комитета за короткий исторический период были заложены фундаментальные основы нового социального комплекса страны — системы социальной работы и современной модели социального обслуживания.

Дальнейшие усилия, предпринятые в этом направлении Минсоцзащиты России, Минтрудом России во главе с их руководителями Э. А. Памфиловой, Л. Ф. Безлепкиной, Г. Н. Кареловой и другими лидерами и специалистами отрасли, детерминировали необратимый характер социальной работы в стране, закрепление социального обслуживания как неотъемлемого сегмента социальной сферы государства.

***Ключевые слова:** социальная работа; социальное обслуживание; профессия «Социальная работа»; специалист по социальной работе; профессиональная подготовка по социальной работе в высшей школе; Комитет по делам семьи и демографической политике при Совете Министров РСФСР; Министерство социальной защиты населения Российской Федерации; Инга Ивановна Гребешева; Людмила Федоровна Безлепкина; Элла Александровна Памфилова; Галина Николаевна Карелова.*

GENESIS OF PROFESSIONAL SOCIAL WORK IN RUSSIA — THE YEAR 1991: EVENTS AND PEOPLE (Historical and methodological aspects)

A. M. Panov

Panov Andrey Mikhailovich — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Deputy Chairman of the Committee on Family Affairs and Demographic Policy under the Council of Ministers of the RSFSR (1990–1992), Chairman of the Committee for Social Assistance to Families and Children, Director of the Department of Family, Women and Children's Issues of the Ministry of Social Protection of

the Russian Federation (1992–1994), Deputy Minister of Social Protection of the Population of the Russian Federation, Minister of Labor and Social Development of the Russian Federation (1994–1997), President of the International Public Organization “Association of Social Service Workers”.

Contact address: panovam06@mail.ru

The year 1991 has a special significance in the history of social work in Russia. This year marked its professional institutionalization and emergence of the profession of Social Work, started social work education and training in higher education, made first steps to complete the formation of all components of social work system: infrastructure, management, legal, personnel, scientific-methodological and etc., contributed to the development of international relations at new level.

A prominent role in the emergence of professional Social Work in Russia was played by the Committee on Family Affairs and Demographic Policy under the Council of Ministers of the RSFSR and personally I. I. Grebesheva, the Chairman of the Committee. Due to the efforts of the Committee staff for a short historical period the basic foundations for a new state social sector was laid — social work system and modern social service models.

Further efforts in this direction made by the Ministry of Social Protection of Russia, the Ministry of Labour of Russia with their heads E. A. Pamfilova, L. F. Bezlepkin, G. N. Karelova, and others determined irreversible character of Social Work in the country, strengthening of social services as an integral segment of the social sphere of the state.

Key words: social work; social service; the profession of Social Work; specialist on social work; training in social work in higher educational school; Committee on Family Affairs and Demographic Policy under Council of Ministers of the RSFSR; Ministry of Social Protection of Population of the Russian Federation; Inga Ivanovna Grebesheva; Lyudmila Fedorovna Bezlepkin; Ella Alexandrovna Pamfilova; Galina Nikolaevna Karelova.

1991 год объявлен в социальной сфере как год появления социальной работы в России. И последующие юбилеи этого события стали достаточно заметными явлениями в жизни профессионального сообщества системы социальной защиты населения — как практиков, так и преподавателей вузов и исследователей: проводились научно-практические конференции, научные чтения, круглые столы, конкурсы, тематические вечера и другие юбилейные мероприятия.

Что мы отмечаем?

Но не раз в предъюбилейные дни имела место дискуссия (хотя и вялотекущая) о том, что же мы, собственно, празднуем?

Конечно, социальная работа в России началась не в 1991 году. Вспомним: в 2001 году мы отмечали 300 лет социальным службам в России, и к социальной работе этот юбилей имеет прямое отношение¹. По мнению историков социальной работы, ее корни у славян и других народов, населявших территорию

современной России, уходят в первое тысячелетие новой эры (Т. Б. Кононова, М. В. Фирсов, Е. И. Холостова и др.)². Имеет место точка зрения о том, что генезис развития института социальной защиты, как и предпосылки его появления, включает доисторические свидетельства зарождения на ранних этапах истории человеческой цивилизации³.

Все это так. Социальная работа в России имеет большую и славную историю; она как элемент социального бытия присутствовала на всех этапах развития государства (а в самых примитивных формах — и до его возникновения).

Но есть важный аспект: до 1991 года эта работа носила несистемный (в современном представлении ее системы), не комплексный, фрагментарный, а главное — непрофессио-

¹ См.: 300 лет. История российских социальных служб: Хронограф / Авт.-сост. д.и.н., проф. Фирсов М. В., д.и.н., проф. Сорвина А. С., д.и.н., проф. Кононова Т. Б., к.и.н. Субаева О. Н.; Под общ. ред. д.с.н., проф. Кареловой Г. Н., д.и.н., проф. Жукова В. И. М., 2001. 198 с.

² См.: Кононова Т. Б. История социальной работы. М.: Изд-во Юрайт, 2026. 265 с.; Фирсов М. В. История социальной работы. 3-е изд. М.: Академический Проект, 2020. 608 с.; Холостова Е. И. История социальной работы в России. М.: Издат.-торг. корп. «Дашков и К», 2013. 282 с. и др.

³ См.: Кобыляцкий Н. Г. О предистории института социальной защиты населения: археологические свидетельства формирования предпосылок его зарождения // Отечественный журнал социальной работы. 2015. № 3. С. 21–24.

нальный характер, поскольку отсутствовала центральная фигура архитектуры социальной работы — собственно **профессионально подготовленный социальный работник** как основной субъект, носитель и реализатор ее функций.

И тот факт, что еще в 1986 году Госкомтруд СССР и ВЦСПС приняли совместное постановление, которым утвердили квалификационные характеристики заведующего отделением социальной помощи на дому одиноким нетрудоспособным гражданам и социального работника этого отделения, отнюдь не означает, что в стране уже тогда появилась профессиональная социальная работа в мировом ее понимании: функции социального работника того периода ограничивались лишь элементарной социально-бытовой помощью и не подразумевали наличие подготовки на профессиональном уровне.

Коренное изменение ситуации произошло именно в 1991 году, и ответ на поставленный вопрос: «Что мы отмечаем?» — можно дать лишь после обзора событий, имевших место в тот период, что мы и попытаемся сделать в этой статье.

Ключ к пониманию всей важности 1991 года как года, имеющего переломное значение в онтогенезе социальной работы в нашей стране — это сравнение того, что представляла из себя сфера социальной работы в начале 1991 года и что изменилось к его концу.

Год 1991 — январь: что было и чего не было в России в сфере социальной работы

Анализ официальных статистических материалов Минсобеса РСФСР и Минсоцзащиты России свидетельствует: в конце 1990 г. и, соответственно, в начале 1991 года **в стране имелось:**

- 886 домов-интернатов всех типов для пожилых и инвалидов (взрослых и детей)¹;
- 4.648 отделений социального обслуживания на дому при 2.593 райгорсобесах, домах-

интернатах и ЦСО (т. е. в среднем 1,8 отделения на один район/город)²;

- 62 территориальных центров социального обслуживания³;
- 48.774 социальных работников, оказывающих социально-бытовые услуги⁴.

Собственно, все вышеназванное составляло инфраструктуру и основной кадровый потенциал социального обслуживания в начале 1991 года.

А вот **чего не было** в то время:

профессиональной социальной работы и, соответственно, профессии в этой сфере;

должности специалиста, адекватной принятой в мире должности «Социальный работник», который бы имел базовую профессиональную подготовку в высшей школе и выполнял специфические, уникальные функции в системе социальной работы на профессиональном уровне, имел в этой области универсальные компетенции, которых нет (и по определению быть не может) у психолога, учителя, социального педагога, врача, юриста и других специалистов социальной сферы;

ни одного государственного учреждения социального обслуживания семей и детей (за исключением детских домов-интернатов);

профессиональной подготовки по социальной работе в вузах;

органов управления в сфере семьи и детства (за малым исключением), занимающихся, в числе приоритетных функций, развитием их социального обслуживания;

сети НКО, оказывающих социальные услуги в сфере социального обслуживания;

научно-методического обеспечения социального обслуживания; можно сказать, не издавались пособия, рекомендации, профессиональные журналы (единственный профильный журнал «Социальное обеспечение» практически не публиковал материалы о методике и практике социального обслуживания и социальной работы);

не велись научные исследования по социальной работе;

¹ Основные показатели развития социального обеспечения РСФСР за 1990 год (Сборник статистических материалов). М., 1991. С. 39

² Состояние социальной защиты нетрудоспособных граждан и семей с детьми в Российской Федерации (Сборник статистических материалов). Ч. II. М., 1992. С. 50.

³ Там же.

⁴ Там же.

почти не изучался зарубежный опыт, отсутствовали профессиональные контакты с коллегами из других стран (хотя первые шаги в этом направлении были предприняты при содействии МИД СССР по инициативе начальника Отдела гуманитарных связей А. Я. Некрасова, а также Союзом социальных педагогов, координатором международных связей которого в то время была А. Н. Дашкина).

... Минуло всего 12 месяцев — совсем не много с исторической точки зрения, но ситуация изменилась, без какого-либо преувеличения, абсолютно кардинально.

Год 1991 — декабрь: итоги года

Итог первый. В России конституирована профессиональная социальная работа и началось создание учреждений социального обслуживания семьи и детей. Это — главный итог года. Акт юридического конституирования — постановление Госкомтруда СССР от 23 апреля 1991 г. № 92, которым Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих дополнен квалификационной характеристикой «Специалист по социальной работе» (ее проект подготовил автор данной статьи). По сути, была введена новая должность — аналог принятой в мире профессии «Социальный работник». Стоит отметить, что были установлены должностные оклады данных специалистов, предусматривающие 4 градации, в т.ч. высшую, первую и вторую категории¹ (в современном профессиональном стандарте специалиста по социальной работе их всего две, что резко ограничивает стимулы к профессиональному росту).

В июне 1991 г. в Доме Правительства Российской Федерации состоялась презентация новой для России профессии «Специалист по социальной работе», в которой приняли участие и выступили Вице-президент Российской Федерации Александр Владимирович Руцкой, Заместитель Председателя Совета Министров РСФСР Инга Ивановна Гребешева и Президент Международной ассоциации школ социаль-

ной работы профессор Ральф Гарбер (Калгари, Канада).

Были разработаны проекты положений об учреждениях социального обслуживания нового типа — семьи и детей: территориальных центров социальной помощи семье и детям, социальных приютов для детей и подростков, центров социальной реабилитации несовершеннолетних с девиантным поведением, социально-реабилитационных центров для детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями, центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей, центров психолого-педагогической помощи, экстренной психологической помощи по «телефону доверия» (первые варианты проектов подготовлены автором статьи).

В ряде регионов началась работа по их созданию². В течение 1991 года в субъектах Российской Федерации были открыты 6 центров социальной помощи семье и детям, 28 центров психолого-педагогической помощи, 15 центров реабилитации детей-инвалидов, 14 социальных приютов. Действовали 46 «телефонов доверия»³.

Достаточно распространено мнение, в т.ч. в специальной литературе, что социальная работа профессионального уровня не случайно появилась в России именно в 1991 году — накануне перехода к рыночным реформам, которые сопровождались резким падением уровня жизни, обнищанием значительных слоев населения, галопирующей инфляцией, ростом цен, массовой безработицей, задержкой пенсий и зарплат и рядом других социальных катаклизмов. Дескать, социальная работа была призвана каким-то образом «смягчить» их последствия.

Но в этом, казалось бы, логичном постулате, на самом деле надо поменять местами причину и следствие.

² См.: Государственная служба социальной помощи семье и детям (сборник материалов из практики работы) / Сост.: Антонов М. Г., Лебедев И. В., Ляшенко А. И., Шатило В. Н.; Отв. за выпуск: Панов А. М., Шатило В. Н. М., 1991. 52 с.

³ Использованы данные, приведенные нами ранее (см.: Панов А. М. Социальное обслуживание как новый сектор социальной сферы // Ученые записки Московского государственного социального университета: научно-теоретический сборник. 1996. № 3. С. 32–33.).

¹ См.: Государственная система социальной помощи семье и детям: официальные документы и материалы. Выпуск I / Отв. за выпуск А. М. Панов. М., 1991. С. 49–53.

Вынашивая идею введения в России профессиональной социальной работы (для краткости мы дальнейшем будем упускать слово «Профессиональной», всегда имея его ввиду), ее создатели, имена которых мы ниже еще назовем, исходили не из сиюминутных потребностей, а из фундаментальной гуманистической ценности социальной работы, ее цивилизационной роли и значимости в людском сообществе.

Среди гуманитарных феноменов, и, одновременно, нравственных скрепов человечества, социальной работе принадлежит особое место. Сущностная основа и генезис социальной работы зиждутся на глубинной гуманной сути человека как мыслящего творения природы, ее венца. Степень цивилизованности государства и общества определяются, в том числе (и не в последнюю очередь) наличием развитой системы социальной работы, которая является неотъемлемой частью социального комплекса страны. И одновременно характеристикой, признаком, критерием меры ее социальности, гуманности, заботы о благе населения, механизмом участия государства и общества в решении личностных проблем человека, с которыми он по объективным причинам не может справиться сам и требуется профессиональное участие специалистов.

Именно этот базовый посыл и был в основе идеологии формирования нового этапа социальной работы в России — этапа профессионального функционирования субъектов предоставления социальных услуг и создания развитой инфраструктуры учреждений социального обслуживания.

А «не случайность» этого процесса в том, что в России, как и практически во всех других странах мира, занимающихся развитием социальной работы, проявилась закономерность ее конституирования — в профессиональном виде она возникает практически одновременно с началом либо углублением рыночных отношений и демократизацией страны, когда на первый план выдвигаются (во всяком случае, на уровне деклараций) не потребности государства, а интересы конкретного человека. Человек, его права, в т.ч. право на достойную жизнь и помощь государства в ее обеспечении в ситуациях непреодолимой для гражданина

силы, становятся высшей ценностью и целью, а одним из необходимых для ее достижения механизмов — именно социальная работа.

Так случилось и в России. С той лишь поправкой, что конституирование социальной работы произошло почти на год раньше, чем начались рыночные реформы. Однако, Совет Министров тогда еще РСФСР (Председатель — Иван Степанович Силаев), который в 1991 году поддержал инициирование социальной работы, по сути, был уже рыночным, демократическим, исповедовал не социалистические, а либеральные ценности. Значительное число их сторонников имелось и в Верховном Совете РСФСР (Председатель с мая 1990 г. — Борис Николаевич Ельцин, избранный в июле 1991 г. Президентом Российской Федерации).

В процессе ускоренной эволюции в начале и в первой половине 90-х годов прошлого века острие социальной работы, как и всего социального обеспечения (в виде социальной защиты) было направлено на решение острой социальной проблемы — помощи беднейшим и малообеспеченным слоям населения, как в материальном плане, так и в других направлениях: психологической, медико-социальной, правовой и т.п. В этом проявилась одна из закономерностей социальной работы: детерминированность проявления ее интенсивности в отдельных направлениях ситуациями экстраординарного порядка — социально-экономическими коллапсами, природными и техногенными катастрофами, голодом, военными и межнациональными конфликтами, террористическими актами, массовым наплывом беженцев и другими. В ситуации России начала 90-х годов прошлого века ярко обозначились и доминировали такие направления социальной работы, как материальная поддержка, гуманитарная помощь, снятие психологических стрессов, экстренная помощь беспризорным и решение других проблем, вызванных кризисным периодом перехода от социалистических к капиталистическим производственным и социально-трудовым отношениям.

Возникшая накануне реформ и стремительно укрепляющаяся в первые годы их реализации, социальная работа быстро набрала потенциал, который обеспечил оптимально возможную в тот период «социальную по-

душку» для максимально безболезненной ломки старого общественно-политического и экономического строя, во многом предотвратил «социальный взрыв», сняв часть напряженности недовольных групп населения, наиболее пострадавших от нежелания (а может, и не способности...) «отцов» реформ спрогнозировать и, по возможности, избежать их катастрофические социальные последствия.

Однако, магистральной линией профессиональной социальной работы в этот сложный период (т.е. с первых дней ее появления) являлось не только создание компенсаторных механизмов минимизации социально опасных результатов непродуманных реформ, а формирование целостной, комплексной системы, способной обеспечить предоставление услуг социального обслуживания по всему спектру потребностей граждан, испытывающих социально обусловленные проблемы личностного, семейного и/или группового порядка, и тем самым оберегать россиян от многих социальных болезней, сдерживать их распространение и нивелировать отрицательные последствия.

Таким образом, появление в России социальной работы именно в 1991 году — это не ответ на некий «вызов времени», а закономерный результат перехода государства к рыночной экономике, гражданским свободам, человекоцентричной модели развития, началу процесса глубокой гуманизации общества и адекватным социальным механизмам, обеспечивающим социальный комфорт и социальное здоровье граждан и являющимся сегментами социального благополучия.

Итог второй. В вузах страны началась профессиональная подготовка по социальной работе. Эта задача решалась параллельно с первой — конституированием и формированием системы практической социальной работы.

Для того, чтобы добиться включения специальности «Социальная работа» в перечень специальностей, по которым осуществлялась профессиональная подготовка в системе высшего образования, в первую очередь было необходимо решить проблему создания учебно-методического комплекса по новой специальности.

В этих целях в марте 1991 г. был создан Временный научно-исследовательский коллектив (ВНИК) «Государственная система социальной помощи семье и детям» под руководством доктора психологических наук, профессора (ныне — заслуженного деятеля науки Российской Федерации) **Светланы Афанасьевны Беличевой**. ВНИК объединил около 150 ученых страны — лучших практикоориентированных социологов, психологов, педагогов, медиков, юристов, экономистов и других специалистов.

Среди них профессор, д.с.н. Н. С. Данакин (Белгород), д.ф.н., профессор В. Н. Ярская (Саратов), д.биол.н., профессор Л. М. Шипицына (Санкт-Петербург),

д.и.н., профессор М. В. Фирсов, д.м.н., профессор И. П. Каткова, д.п.н., профессор А. В. Иващенко, к.пс.н. Б. Ю. Шапиро, к.пс.н. А. Г. Лидерс, д.м.н., профессор Н. Ф. Дементьева (все — Москва) и многие другие известные исследователи. Ими был разработан учебно-тематический план и более 100 программ по обучению социальной работе.

Высокое качество созданных программ и их соответствие международным стандартам было подтверждено Президентом Международной ассоциации школ социальной работы Ральфом Гарбером и Генеральным секретарем этой ассоциации Верой Мехтой, которые приняли непосредственное участие в разработке программ в качестве консультантов.

13 мая 1991 г. прошла совместная коллегия Комитета по делам семьи и демографической политике при Совмине России и Государственного комитета РСФСР по делам науки и высшей школы. Состоялось обсуждение перспектив начала подготовки по социальной работе в системе высшего профессионального образования, было принято развернутое постановление о конкретных мерах в этом направлении¹.

Велась глубокая проработка данного вопроса в Госкомобразовании СССР. Мы направляли письма, инициировали совещания, рабочие встречи, где старались убедить руководителей этого ведомства в необходимости готовить социальных работников с высшим образованием.

Интересно упомянуть, что в одной из встреч в профильном управлении, начальник которого активно возражал против введения новой специальности, принял участие находившийся в то время в Москве по приглашению Комитета по делам семьи Президент Международной ассоциации школ социальной работы **Ральф Гарбер**. В беседе с высокопоставленными чиновниками Госкомобразования он глубоко обосновал необходимость обучения социальной работе в высших учебных заведениях. Один из аргументов, которые он привел — наша страна являлась одной из 4-х ведущих стран мира (включая Китай), где образования в области социальной работы еще нет. И сообщил, что после России он едет в КНР, в которой этот вопрос уже практически решен. Слова столь авторитетного человека не остались незамеченными, и наши общие усилия возымели действие: приказом Госкомобразования СССР от 7 августа 1991 г. № 376 в системе высшего образования была введена новая специальность «Социальная работа» и утвержден ее учебно-тематический план.

Таким образом, еще одна из наших стратегических целей была достигнута: 1991–92 учебный год в вузах России ознаменовался созданием в 23 университетах, академиях и институтах факультетов, отделений и кафедр социальной работы. Среди них Институт молодежи, Алтайский, Карельский, Кемеров-

ский, Красноярский, Ленинградский, Сыктывкарский и другие университеты, Курский, Архангельский и Казанский медицинские институты, Калужский и Орловский педагогические институты, Санкт-Петербургский филиал Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт культуры, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Московский технологический институт и другие, достаточно авторитетные, вузы страны.

1 сентября 1991 г. свыше тысячи студентов приступили к очному обучению по новой специальности «Социальная работа». Одновременно началась и переподготовка по социальной работе как второго высшего образования по заочной форме обучения; на вузовскую скамью сели сначала сотни, а затем тысячи действующих работников социальных служб.

Принципиально важное значение имело создание постановлением Правительства Российской Федерации от 25 ноября 1991 года № 15 Российского государственного социального института (ныне РГСУ) — флагмана социального образования в стране (ректор-организатор — академик РАН **Василий Иванович Жуков**). Ветераны этого вуза и все те, кто имел отношение к его образованию, помнят, насколько сложно, а подчас и драматично, развивались события в тот период. Их достаточно объективно и детально изложил в своем печатном труде ректор-организатор РГСИ В. И. Жуков², и всем, интересующимся новейшей историей социальной работы и социального образования в России, мы советуем почитать его книгу.

Как бы в дальнейшем не складывалась ситуация в управленческом звене этого вуза, какие оценки не давались бы бывшему ректору, роль Василия Ивановича Жукова в создании первого в стране социального университета, прошедшего под его руководством путь от скромного института, не имеющего даже своего помещения, до одного из крупнейших и авторитетных высших учебных заведений России — неоспорима и, по нашему глубокому убеждению, не может быть подвергнута ни ма-

¹ См.: Государственная система социальной помощи семье и детям: официальные документы и материалы. Выпуск I / Отв. за выпуск Панов А. М. М., 1991. С. 46–48.

² Жуков В. И. РГСУ: время, миссия, люди и потенциал развития. М.: Издательство РГСУ, 2011. С. 9–57.

лейшему сомнению или забвению. Более того, заслуживает слов искренней благодарности.

Усилиями созданного вскоре на базе РГСИ Учебно-методического объединения вузов России по образованию в области социальной работы, которое также возглавил В. И. Жуков, а его заместителями являлись проректора РГСИ (МГСУ и РГСУ) была обеспечена координация развития социального образования в стране, его научное и учебно-методическое оснащение.

Приятно осознавать, что и в настоящее время РГСУ во главе с ректором **Андреем Леонидовичем Хазиным** занимает лидирующие позиции в дальнейшем развитии социального образования и в целом социальной работы. Профессорами университета, в первую очередь профессором М. В. Фирсовым, подготовлено несколько учебников нового поколения и пособий по социальной работе, сформировано концептуальное обоснование и осуществляется научное сопровождение внедрения нового перспективного направления — клинической социальной работы. Ученые университета — авторы профессионального стандарта «Специалист по социальной работе», национальных стандартов в сфере социального обслуживания, активно участвуют в деятельности нескольких рабочих групп Минтруда России, обеспечивают функционирования ФУМО высшего образования по укрупненной группе специальностей и направлений «Социология и социальная работа», являются организаторами и соорганизаторами практически всех мероприятий федерального уровня в социальной сфере. Особое внимание уделяется включению студентов в волонтерское движение, внедряется обучение социальным служением. Вуз нашел свое заметное место в большой и важной работе, проводимой сегодня органами власти различного уровня, по стимулированию перспективного направления развития социального обслуживания — подключению к оказанию социальных услуг социально ориентированных НКО и бизнес-сообщества.

Итог третий. Создана система государственного управления в сфере семейной политики и политики в интересах детей. Постановлением Совета Министров РСФСР от

31 мая 1991 г. № 299 органы государственной власти субъектов Российской Федерации были обязаны создать комитеты (отделы) социальной помощи семье¹.

Для развития социальной работы организация названных управленческих структур практически во всех субъектах Российской Федерации имела фундаментальное значение, поскольку именно данные органы государственной власти, наделенные соответствующими полномочиями, инициировали создание в регионах социальных служб в этой сфере.

В числе наиболее эффективно работавших — структуры по делам семьи и детей Санкт-Петербурга, тогда еще Ленинграда (руководитель — Камаева Галина Игнатьевна), Самарской области (Гусарова Галина Ивановна), Свердловской области (Воробьева Элла Леонидовна), Республики Удмуртия (Климантова Галина Ивановна), Томской области (Эфтимович Людмила Евгеньевна), Псковской области (Васильева Наталья Васильевна), Тюменской области (Терехова Лилия Владимировна), Иркутской области (Хижаева Тамара Михайловна), Республики Карелия (Жохова Лилиана Павловна), Калужской области (Белкина Антонина Дмитриевна), Ставропольского края (Гударенко Раиса Федоровна), Владимирской области (Хигер Валентина Петровна), Волгоградской области (Щеглова Валентина Тимофеевна), Республики Саха (Якутия) (Божедонова Анастасия Николаевна), Тульской области (Лысенко Татьяна Петровна), Ульяновской области (Большакова Мария Григорьевна), г. Москвы (Муравьева Ирина Николаевна) и другие.

О результативности деятельности многих из них можно судить по двум примерам.

Так, Отдел по делам семьи и детей Комитета по социальным вопросам Мэрии Санкт-Петербурга уделял приоритетное внимание решению проблем детской беспризорности. В течение года в городе было открыто порядка 10 социальных приютов, наведен порядок в нескольких действовавших прежде, но не отвечавших элементарным требованиям.

¹ См.: Государственная система социальной помощи семье и детям: официальные документы и материалы. Выпуск I / Отв. за выпуск А. М. Панов. М., 1991. С. 17.

В результате тысячи детей, ютившихся на вокзалах, в подвалах и канализационных люках, нашли в приютах кров, пищу, а главное — заботу неравнодушных людей. Один из первых государственных приютов в России основала и возглавила **Галина Игнатьевна Камаева**, которая ради этого оставила службу в Мэрии.

Комитет по делам семьи и детства Администрации Самарской области, возглавляемой **Галиной Ивановной Гусаровой**, в первой половине и середине 90-х годов, т. е. еще задолго до успешно реализуемой в последние годы в стране программы сокращения социального сиротства, добился ликвидации в регионе 3-х детских домов и дома ребенка, воспитанники которых были переданы на усыновление и под опеку приемных семей — новой тогда формы семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Собственно, Самарский Комитет по делам семьи и детства явился родоначальником этой эффективной технологии, впервые в стране успешно апробировал и внедрил новую систему передачи детей на усыновление.

Безусловно, даже ради одного этого имело смысл создавать подобные структуры управления!

В ноябре 1991 г. Правительство РСФСР было реорганизовано, и на базе Минсобеса РСФСР и Комитета по делам семьи и демографической политике при Совете Министров РСФСР образовано Минсоцзащиты России, во главе с Министром Э. А. Памфиловой. В структуре Министерства предусматривался Комитет социальной помощи семье и детям, председателем которого был назначен автор этой статьи.

Магистральным направлением деятельности Министерства, включая Комитет социальной помощи семье и детям, а затем Департамент проблем семьи, женщин и детей, стало развитие системы социального обслуживания различных категорий населения.

Безусловно, стратегию и политику в этой сфере определяли министры.

Слов особой благодарности за вклад в развитие отрасли заслуживает **Элла Александровна Памфилова** — руководитель, ставший для всех нас эталоном соблюдения высоких этических норм, требований профессиональ-

ной морали и долга, искреннего, идущего от души и сердца стремления помочь обездоленным людям, равнодушного к беде конкретного человека — ветерана, инвалида или подростка, преданности делу, честности и принципиальности — тех качеств, которые обеспечили ей непрерываемый нравственный авторитет в обществе, определили лицо всей отрасли социальной защиты.

Современная модель системы социального обслуживания, практически все ее ведущие компоненты сложились в период, когда Минсоцзащиты России (а до этого — Департамент проблем семьи, женщин и детей) возглавляла **Людмила Федоровна Безлепкина**. Высочайший профессионал, непревзойденный организатор, великолепный руководитель, человек высокого интеллекта, способный с полуслова уловить суть проблемы и моментально предложить ее оптимальное решение, ответить на любой вызов дня, Людмила Федоровна сумела создать первоклассную команду из высококвалифицированных специалистов своего дела, которым полностью доверяла, поддерживала и помогала воплотить полезные инициативы, и тем самым динамично продвигать развитие отрасли.

Благодаря ее энергии, способности убеждать руководство Правительства в правильности и необходимости своих предложений, приверженности инновационным подходам, перспективному и комплексному видению современной социальной политики и ее будущности, была обеспечена разработка проектов федеральных законов «Об основах социального обслуживания населения в Российской

Федерации», «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов», «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», их успешное согласование во всех инстанциях и последующее принятие; разработаны и утверждены федеральная программа «Старшее поколение», подпрограммы «Развитие социального обслуживания семей и детей» и «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» президентской программы «Дети России»; подготовлен пакет положений об учреждениях социального обслуживания всех категорий и групп населения (пожилых, инвалидов, семей, несовершеннолетних, бездомных и других) и документы, регламентирующие их деятельность; началась разработка ежегодных государственных докладов о положении детей в Российской Федерации, включающий перечень необходимых мероприятий по решению имеющихся проблем; принят Национальный план действий по улучшению положения детей, реализован ряд других мер, в результате которых укрепились все компоненты системы социального обслуживания: инфраструктурный, кадровый, законодательный и другие. **Социальное обслуживание стало неотъемлемым сегментом социальной сферы государства, а профессиональная социальная работа в России приобрела необратимый характер.**

Пик поступательного движения социального обслуживания, период ее наивысшего, «домодернизационного» и «дооптимизационного» расцвета, связан с именем и деятельностью Галины Николаевны Кареловой.

вой. Являясь заместителем, а затем первым заместителем Министра труда и социального развития Российской Федерации, Заместителем Председателя Правительства Российской Федерации, Заместителем Председателя Совета Федерации, Г. Н. Карелова всегда уделяла и сегодня по-прежнему уделяет социальному обслуживанию приоритетное внимание.

Курируя в Минтруде России эту сферу, она добилась принятия Федерального закона «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», ряда законов о защите прав детей, в т.ч. сирот, и нормативных актов, обеспечивавших правовое поле функционирования социальных служб.

Но главное — были созданы условия для их создания в отвечающих потребностям масштабах. В течение всего времени, пока Галина Николаевна трудилась в Министерстве и Правительстве России, была «у руля» системы социального обслуживания, ее инфраструктура динамично росла, в практику входили инновационные формы и технологии. В итоге практически «на нет» была сведена детская беспризорность, сокращалось социальное сиротство, снижалась преступность и правонарушения несовершеннолетних, усилились процессы интеграции в общество детей-инвалидов.

Все это — результат колоссальных усилий Г. Н. Кареловой и работавшего под ее руководством замечательного коллектива высоких профессионалов, следствие умело и настойчиво проводимой государственной политики развития сферы услуг социального обслуживания различных категорий населения.

Благодарны мы должны быть Галине Николаевне и за учреждение в России в 2000 году Дня социального работника, к появлению которого она приложила много сил. Это было действительно не просто. Решение о необходимости нашего профессионального праздника было принято на конференции Ассоциации работников социальных служб еще в 1994 году; но понадобилось долгих 6 лет, чтобы эта инициатива обрела официальный статус.

Особый вклад в процесс формирования современной системы социального обслуживания пожилых граждан и инвалидов внесли заместитель Министра **Сергей Георгиевич Киселев** (вечная ему память...), заместитель Министра **Анатолий Иванович Осадчих**, разработавший фундаментальные концептуальные и технологические подходы к реабилитации и интеграции инвалидов, которые и сегодня лежат в основе деятельности реабилитационных учреждений России.

Наряду с руководителями высокого ранга, необходимо назвать тех, кто в годы функционирования Минсоцзащиты России стоял у руля формирования и развития социальных служб для граждан старшего поколения, инвалидов, семей с детьми и других нуждающихся в услугах по социальному обслуживанию. Это руководители департаментов и управлений, других структурных подразделений Е. Н. Феоктистова, М. В. Гордеева, В. М. Васильчиков, Н. Е. Ускова, Н. Н. Стрельникова, Н. И. Вшанов, И. Н. Бондаренко, Н. А. Шахина, С. В. Петрова, В. С. Лазарева, А. Е. Лысенко, Е. П. Юликова, Л. П. Кабанова, В. В. Петрухин, С. И. Федченко, И. П. Лотова, С. В. Капустина, В. В. Терехина, Г. М. Ривина, Е. А. Лысова, А. И. Бабурин, Г. В. Лысухина и многие другие. К сожалению, некоторые наши коллеги тех лет (Л. В. Топчий, М. Н. Мирсагатова, Э. А. Манукян, В. Б. Корняк, В. И. Николаев, О. В. Терлецкий, А. Г. Зуев, Л. К. Грачев...) ушли из жизни, светлая им память...

Одновременно с созданием Минсоцзащиты России начался процесс формирования в регионах органов управления в сфере социальной защиты населения на основе объединения структур соцобеспечения и комитетов по делам семьи.

И в год 35-летия их образования мы обязаны вспомнить наших коллег, стоявших у истоков системы социальной защиты в России, возглавивших вновь созданные органы управления ею в субъектах Российской Федерации:

Москва — Сырников Игорь Куприянович — признанный лидер регионального звена формирующейся отрасли социальной защиты, яркий и мудрый руководитель;

Республика Кабардино-Балкария — Зумакулов Борис Мустафаевич;

Республика Марий Эл — Климина Надежда Викторовна;

Республика Татарстан — Лоцманова Галина Павловна;

Краснодарский край — Дорошенко Галина Степановна;

Красноярский край — Тюгаев Александр Дмитриевич;

Приморский край — Торяник Иван Иванович;

Астраханская область — Наговицын Владимир Аркадьевич;

Белгородская область — Гетманский Василий Захарович;

Брянская область — Старченко Тамара Александровна;

Волгоградская область — Аликов Николай Яковлевич;

Воронежская область — Юрченко Валерий Яковлевич;

Костромская область — Балыбердин Владимир Иванович;

Ленинградская область — Быстрова Зинаида Николаевна;

Мурманская область — Иванов-Афанасьев Владимир Александрович;

Нижегородская область — Мохов Борис Иванович;

Новгородская область — Дубоносов Александр Владимирович;

Новосибирская область — Крупенко Михаил Иванович;

Оренбургская область — Пивоварова Нина Сергеевна;

Орловская область — Лабейкин Александр Алексеевич;

Пензенская область — Шумилин Алексей Павлович;

Самарская область — Светкина Галина Дмитриевна;

Тверская область — Данилов Владимир Николаевич;

Челябинская область — Никитин Вадим Васильевич;

Читинская область — Каличкин Юрий Александрович, затем Рева Георгий Васильевич;

Ханты-Мансийский автономный округ — Югра — Соловьева Софья Дмитриевна, затем Успенская Татьяна Николаевна и другие.

Это была замечательная когорта подлинных профессионалов своего дела, каждый из которых внес неоценимый вклад в становление социальной защиты и социального обслуживания населения в своем регионе.

... Не могу не отметить один не красящих многих сегодняшних руководителей аспект. Готовя статью, решил «освежить» в памяти некоторые эпизоды 35-летней давности, и с горечью обнаружил, что на сайтах большинства региональных органов управления, реализующих функции социальной защиты, нет раздела «История»... Хотя встретил и обратные примеры: замечательно рассказано о становлении отрасли и ее руководителях на сайтах Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан, Министерства социальной политики Красноярского края и некоторых других органов государственной власти в социальной сфере. Увы, немало и тех, где о пройденном пути — ни слова.

Но ведь не «Иваны мы, не помнящие родства»! Полагаю, интернет-сайт любого органа управления, любого учреждения социальной защиты должен включать летопись своего исторического пути, имена (и фотографии!) людей, честно отдавших любимой отрасли многие годы плодотворного труда, а зачастую и свое здоровье. И, безусловно, тех, кто до последних дней жизни оставался на доверенном посту...

Итог четвертый. Сформирована база для исследования научных основ социальной работы. Без научной основы любая деятельность есть ремесленничество. Социальной работе повезло: к ее формированию в России буквально с первых дней подключились многие ведущие ученые страны — обществоведы и гуманитарии.

Среди них необходимо особо выделить доктора психологических наук, профессора, действительного члена Российской академии образования **Ирину Алексеевну Зимнюю**, по инициативе и под редакцией которой в течение двух лет была издана десятитомная серия научно-методических пособий и сборников статей «Социальная работа», в которую вошли материалы о нарождающейся отечественной практике, зарубежном опыте (Ирина Алексеевна сама перевела их с английского), содержания и методике обучения кадров социальной работы.

Профессором **С. А. Беличевой** были разработаны концепция и научно-методические основы психосоциальной и реабилитационно-коррекционной работы, которые впоследствии легли в основу практического функционирования социально-защитных учреждений и федерального законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Серьезных научных результатов достигли образованные в тот период научно-исследовательские и научно-преподавательские коллективы.

19 апреля 1991 г. постановлением Совета Министров РСФСР создан Научно-исследовательский центр социальной защиты детства, семейной и демографической политики (в дальнейшем — НИИ семьи; директор — академик РАО **Сергей Владимирович Дармодехин**). С возникновением НИЦ началась системная разработка научно-методической базы деятельности социозащитных учреждений: социальных приютов, реабилитационных центров и других (зав. лабораторией к.п.н. **Галина Михайловна Иващенко**), центров психологической помощи, социальной помощи семье и детям, социального патроната в системе социального обслуживания (зав. лабораторией д.с.н. **Лариса Семеновна Алексеева**), других важных аспектов социальной работы, издание массовыми тиражами методической литературы для социальных служб.

В декабре 1991 г. Комитет по делам семьи и демографической политике при Совете Министров РСФСР (уже упраздненный, но еще продолжавший функционировать до завершения слияния с Минсоцзащиты России)

совместно с НИЦ провели в г. Ульяновске Первую Всероссийскую научно-практическую конференцию «Семья в процессе развития». Приоритетное внимание в докладах и выступлениях было уделено анализу нарождающейся системы социального обслуживания семьи и детей, лучшему опыту деятельности социальных служб, поискам возможностей для их создания в адекватном проблемам масштабе.

Были созданы первые кафедры социальной работы в университетах и институтах страны. Ведущая среди них — кафедра РГСИ, заведующей которой стала проектор по научной работе института, доктор исторических наук, профессор **Евдокия Ивановна Холостова** (*долгая и светлая ей память...*). С ее именем и деятельностью — необычайно плодотворной и разносторонней — связан целый этап формирования отечественной теории социальной работы, ее фундаментальных и концептуальных оснований.

30 лет Евдокия Ивановна была признанным лидером в науке о социальной работе, один из ее основателей и ведущих теоретиков. Перу профессора Е. И. Холостовой принадлежали первые учебники, монографии, статьи в энциклопедиях и журналах, научно-методические пособия по социальной работе и социальному обслуживанию, изданные в начале исторического пути профессиональной социальной работы в России.

Полагаем необходимым особо отметить замечательную научную школу социальной работы, сложившуюся в РГСУ (начало ей было положено Е. И. Холостовой в бытность проректором и зав. кафедрой РГСИ, затем МГСУ). В числе когорты первопроходцев — основателей теории социальной работы — профессора и преподаватели д.и.н. Фирсов Михаил Васильевич, к.ф.н. Топчий Леонид Васильевич, д.ф.н. Никитин Владислав Алексеевич, д.ф.н. Кононова Людмила Ивановна, д.и.н. Сорвина Александра Сергеевна, проф. Шеляг Татьяна Васильевна, д.и.н. Старовойтова Лариса Ивановна, д.ф.н. Медведева Галина Павловна, д.и.н. Кононова Татьяна Борисовна, д.п.н. Торохтий Владимир Свиридович, д.с.н. Замаараева Зинаида Петровна, д.и.н. Зайнышев Ильверт Галиевич, к.э.н. Пантелеева Татьяна Сергеевна, к.э.н. Червякова Галина Александровна, к.с.н. Манукян Эмиль Акопович и другие.

В числе первых кафедр социальной работы вузов необходимо особо выделить те, которые добились признания и авторитета в научном сообществе, внесли особый вклад в становление научных основ социальной работы. Это кафедры (и их руководители) следующих вузов:

Алтайский государственный университет — д.с.н., профессор Григорьев Святослав Иванович; ведущий преподаватель — д.с.н. Гуслякова Людмила Герасимовна, получившая ученую степень магистра социальной работы в Гетеборгском университете (Швеция) и защитившая первую в России докторскую диссертацию по социальной работе;

Государственная академия сферы быта и услуг (в дальнейшем — Российский государственный университет туризма и сервиса) — д.ф.н., профессор Павленок Петр Денисович, автор большого числа учебников и учебных пособий;

Дагестанский государственный университет — д.п.н., профессор Рамазанов Магомед Багаутдинович;

Институт молодежи — д.м.н., профессор Мартыненко Александр Владимирович, д.и.н., профессор Лаврененко Иван Михайлович (к сожалению, рано ушедший из жизни...);

Казанский медицинский университет — д.э.н., профессор Максимова Маргарита Ни-

колаевна, автор докторской диссертации по вопросам экономики социального обслуживания;

Костромской государственный университет — д.п.н., профессор Басов Николай Федорович, замечательный исследователь, организатор науки, автор нескольких вузовских учебников по теории и истории социальной работы (долгая ему память...);

Курский медицинский институт — д.м.н., профессор Блинков Юрий Андреевич (светлая ему память...);

Нижегородский государственный университет — д.и.н., профессор Саралиева Зарэтхан Хаджи-Муразаевна;

Мордовский государственный университет — д.с.н., профессор Савинов Леонид Иванович;

Ростовский государственный университет (ныне — Южный Федеральный университет) — д.ф.н., профессор Агапов Евгений Петрович;

Самарский государственный университет — д.с.н., профессор Щукина Нина Петровна;

Санкт-Петербургский государственный университет — д.ф.н., профессор Келасьев Вячеслав Николаевич;

Санкт-Петербургский институт психологии и социальной работы — д.п.н. Платонова Наталья Михайловна;

Саратовский технический университет — д.ф.н., профессор Ярская Валентина Николаевна (долгая и светлая ей память...) и д.с.н., профессор Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна (магистр социальной работы Гетеборгского университета) — ученые высочайшего уровня, методологи, которые внесли неоценимый вклад в формирование научных основ социальной работы в России как в годы ее зарождения, так и на протяжении всех лет развития;

Тульский государственный педагогический университет — д.п.н., профессор Фокин Владимир Андреевич;

Ульяновский университет — д.п.н., профессор Шмелева Наталия Борисовна — крупнейший специалист в сфере формирования профессиональных кадров для социальной работы (светлая ей память...) и другие.

Еще один созданный в 1991 году научный коллектив — ВНИК «Научно-методические и правовые основы деятельности специалистов по социальной работе», который возглавил доктор философских наук, видный советский и российский социолог **Михаил Семенович Мацковский**. За этот год ВНИКом был разработан (а в 1992 г. — издан) пакет программ социальной работы с различными категориями семей: многодетными и неполными, семьями, имеющими детей-инвалидов, семьями больных алкоголизмом, с безработными и их семьями, с юными матерями; подготовлены пособия о практике деятельности социальных работников в Англии и США.

Не можем не отметить, что серьезное значение для развития социальной работы в нашей стране имел осуществленный ВНИКом в 1993 г. перевод и издание 3-х томной американской Энциклопедии социальной работы — фундаментального труда, выдержавшего к тому времени 18 изданий в США. Использование этой Энциклопедии обогатило практику российской социальной работы, способствовало развитию ее теории и технологий.

Стимулированию научных исследований в области социальной работы с семьей и детьми серьезно помогла разработанная в 1991 году Федеральная научная программа «Семья», подготовкой которой занимался профессор Л. В. Топчий. В ее рамках в ряде вузов и НИИ страны начались исследования актуальных аспектов социальной работы и социального обслуживания.

Значительный вклад в становление теории и методики социальной работы и социального обслуживания в первой половине 90-х годов внесли исследователи: к.и.н. Бадя Л. В., д.пс.н. Боденко Б. Н., д.п.н. Бочарова В. Г., д.п.н. Галагузова М. А., д.ю.н. Ермаков В. Д., доц. Колков В. В., к.и.н. Козлов А. А., д.ф.н. Оганян К. М., д.э.н. Ржаницына Л. С., профессор Л. В. Топчий, д.и.н. Циткилов П. Я., д.с.н. Янкова Зоя Алексеевна — замечательный, светлый человек, много сделавший для утверждения идеи и технологий социальной работы с женщинами в трудной жизненной ситуации, с «маленькими мамами», как она называла несовершеннолетних, родивших детей (добрая ей память...) и другие. Подробную научно-био-

графическую информацию о большинстве из них поместил в своем труде Л. В. Топчий¹.

Таким образом, уже в год конституирования социальной работы как нового вида профессиональной деятельности и специальности высшего образования, появились зримые предпосылки для ее признания в качестве самостоятельной научной дисциплины. Процесс этот оказался долгим и сложным и до настоящего времени не завершен. Полагаем, потребуется еще немало усилий, чтобы случилось очевидное: в Российской Федерации, как это уже есть в любой из развитых стран, будут присваиваться научные степени по социальной работе, она станет официальной частью системы отечественной науки.

Важнейшие предпосылки к этому — наличие у социальной работы своего предметного поля, закономерностей функционирования, поставленных ситуацией социальной среды жизненно важных для человека, семьи, общества и государства проблем, решение которых требует комплексных подходов, которые не может предложить ни одна из существующих наук, и других необходимых атрибутов и признаков самобытного научного знания. И, конечно, фундаментальные труды ведущих исследователей социальной работы (в первую очередь С. И. Григорьева, Л. Г. Гусляковой, П. Д. Павленка, Л. В. Топчия, М. В. Фирсова, Е. И. Холостовой, В. Н. Ярской, Е. Р. Ярской-Смирновой и ряда других), благодаря которым она де факто уже вошла в число социальных и гуманитарных наук, встала в один ряд с социологией, педагогикой, психологией, социальной медициной, философией, политологией, юриспруденцией и другими научными отраслями.

Итог пятый. *Инициировано и поддержано создание общественных объединений федерального уровня в сфере социальных услуг.* До 1991 года в стране действовали лишь Общество Красного Креста — часть международной НКО, в структурах которой работали патронажные сестры; Фонд «НАН» («Нет алкоголизму и наркомании», президент О. В. Зыков), создавший первый в России негосудар-

ственный социальный приют, и еще считанное число общественных объединений, предоставляющих социальные услуги в отдельных районах и городах.

Были и те, иные методы которых не вызывали ничего, кроме недоумения и осуждения. Например, некоторые местные отделения Всесоюзного общества «Трезвость и культура» практиковали вывешивание фотографий граждан, злоупотреблявших алкоголем, в общественных местах, направление писем по месту их работы, рейды по домам с последующей публикацией «обличительных» статей в местной прессе и т. д. Всем этим подменялась целенаправленная комплексная индивидуальная социальная работа с алкоголиками, их реальная реабилитация на программной основе. И уж точно такие «борцы с зеленым змием» не брали в расчет, какой стресс и чувство стыда должны испытывать жены, дети, родственники пьющих людей, увидев их портреты на досках информации (а то и специально сделанных «Досках позора»).

Безусловно, требовалась новая политика в отношении социально ориентированных НКО (хотя термина такого тогда еще не было, употреблялось словосочетание «Общественная организация»). А главное — инициирование и стимулирование создания новых негосударственных организаций, объединяющих физических и юридических лиц, занятых оказанием услуг социального обслуживания.

И одна из первых таких организаций, образованная при поддержке Комитета по делам семьи и демографической политике при Совете Министров РСФСР, и при концептуальной и деятельностной поддержке основателя суицидологической службы в СССР и создателя первого в стране «Телефона доверия», д.м.н., профессора Айны Григорьевны Амбрумовой была создана на учредительной конференции 7 июня 1991 г. Это Российская ассоциация телефонов экстренной психологической помощи (РАТЭПП), президентом которой был избран руководитель Института «Гармония», занимавшегося оказанием психологической помощи, Евгений Соломонович Креславский (Санкт-Петербург). Ассоциация объединила сотрудников 25-ти действовавших в то время «телефонов доверия».

¹ См.: Топчий Л. В. Отечественные исследователи проблем социальной работы (Словарь персоналий). 1992–2000. М., 2005. 88 с.

Комитет по делам семьи решил вопрос о месте проведения учредительной конференции РАТЭПП (она прошла в Институте молодежи), профинансировал издание первого номера «Вестника РАТЭПП». Автору довелось принимать в Доме Правительства России президента IFOTES (Международной федерации телефонной экстренной помощи) Тео ван Юпена, в ходе встречи с которым обсуждался вопрос и о создании в России общественного объединения «телефонов доверия». После проведения конференции Комитет совместно с РАТЭПП организовал семинары в рамках созданной Школы консультантов телефонов экстренной психологической помощи с участием зарубежных преподавателей.

В ноябре 1991 г. при самом активном участии Комитета состоялась учредительная конференция еще одной НПО социальной сферы — Российской ассоциации «Планирование семьи», в состав которой вошли развивающиеся в то время центры и консультации планирования семьи.

Поддержанный на государственном уровне 25 лет назад процесс формирования сети НКО, предоставляющих социальные услуги, на современном этапе развития социального обслуживания стал одной из приоритетных задач отрасли. Это значит, что четверть века назад был избран верный курс, и сложившимся в то время и позже историческим опытом необходимо пользоваться и сегодня.

Параллельно с процессом создания НКО социальной сферы начался процесс консолидации в рамках «третьего сектора» самих социальных работников. Значимым шагом в этом направлении стало создание в ноябре 1991 г. оргкомитета по проведению учредительной конференции Ассоциации работников социальных служб, которая состоялась 24 января 1992 г.

Это была первая в стране общественная организация, объединившая профессионалов системы социального обслуживания (действовавший в тот период Союз социальных педагогов не только не поддержал усилия государства и общества по развитию в России социальной работы, но и резко отрицательно относился к этому процессу).

За прошедшие годы Ассоциация работников социальных служб (автор — президент этой Ассоциации с момента ее создания и до сегодняшнего дня, чем искренне гордится) внесла огромный вклад в становление профессиональной социальной работы и системы социального обслуживания в нашей стране. В преддверии 35-летия АРСС мы намерены подготовить публикации, в которых рассказать о пройденном ею пути и роли в развитии нашей отрасли.

Отметим, что серьезные усилия по организации деятельности Ассоциации за эти годы предпринимались ее вице-президентами Е. И. Холостовой, Г. И. Камаевой, З. А. Янковой (светлая им память...), исполнительным директором Т. М. Глебович, генеральными секретарями Б. Н. Боденко, Л. В. Топчием, членами Правления С. А. Беличевой, С. Г. Киселевым, А. А. Лабейкиным, М. Н. Мирсагатовой, сотрудниками Секретариата Н. Ф. Ригиной, К. А. Первушиной и другими.

Итог пятый. В завершении обзора того, что удалось решить и насколько продвинуть социальную работу в течение 1991 года, скажем еще об одном очень важном итоге: ***социальная работа в России стала частью мировой практики социальной работы. Мы вошли в международное профессиональное сообщество социальных работников.***

И здесь уместно ответить тем, кто утверждает, что зарубежный опыт был для нас не важен, поскольку, де мол, мы в СССР и так хорошо знали, что такое социальная работа, и спокойно развивали бы ее и без участия иностранцев.

Полагаем, что нельзя расценивать подобные заявления иначе, как невежественное заблуждение некомпетентных людей, либо сознательное отрицание очевидного, еще один образчик шапкозакидательства, нашего доморощенного «квасного» патриотизма, который не раз мешал России двигаться вперед, тормозил нашу страну на пути социально-экономического прогресса.

О чем говорить, если в советский период слова «social work» с английского переводились у нас (причем на официальном уровне, в переведенных на русский язык документах ООН и других международных организаций,

а также и в научных аналитических обзорах ИНИОН) как «общественная работа»!

Да, безусловно, социальная работа в России прогрессировала бы и без «внешнего» влияния. Но сколько бы еще потребовалось лет для того, чтобы заново открывать для себя то, что в мире давно известно и эффективно используется!

Коллеги, которые в те годы изучали опыт социальной работы за рубежом, подтвердят: очень многие используемые у нас сегодня технологии социального обслуживания и социальной работы заимствованы из практики других стран и адаптированы с учетом российского менталитета и традиций. Это бригадный метод надомного обслуживания, «тревожный браслет», «социальное такси», «кризисные квартиры», работа трудотерапевтов, эрготерапия, т.н. «детский сад» для пожилых, социальные дома, социальный патронаж, фостерные семьи и многое, многое другое. Включая и ряд подходов широко внедряемой в последние годы системы долговременного ухода.

Нет ничего зазорного в том, что мы используем годами наработанный опыт зарубежных коллег, а они — наш опыт (и такие примеры тоже есть). Взаимообмен идеями и практикой, тем более в период становления социальной работы и массового создания социальных служб нового типа — закономерный и крайне плодотворный процесс. И то, что он, благодаря усилиям таких подвижников, как Антонина Николаевна Дашкина и Тони Видмер, в 1993 году создавших и более 20 лет возглавлявших Российско-Европейский фонд социальных инноваций, получил у нас должное распространение и имел хороший эффект — большая удача для социальных работников России. Это позволило нам не «изобретать велосипед», а на базе мирового (и что не менее важно — отечественного исторического) опыта двигаться вперед темпами, которых не знала прежде ни одна страна мира.

Принципиально важное значение для становления в нашей стране профессиональной социальной работы имел состоявшейся 3–6 марта 1991 г. в Подмоскowie Первый российско-шведский семинар «Практика деятельности социальных работников и их подготовка в системе высшего образования».

В нем приняла участие группа преподавателей Гетеборгского университета (Швеция) во главе с авторитетным не только в Швеции, но и во всем мире ученым, профессором **Харальдом Сведнером**. Он и его коллеги Барбру Леннеер-Аксельсон, Лисбет Юнсон, Гуннар Бернлер, Лейла Билквист, Сорен Олсон выступили с докладами и лекциями, провели дискуссии, ответили на многочисленные вопросы российских участников (руководителей комитетов и отделов по делам семьи, преподавателей вузов и др.), для многих из которых сами слова «социальная работа» прозвучали, без преувеличения, впервые.

Был принят Заключительный документ семинара, в котором его участники рекомендовали реализовать ряд мер по развитию в России социальной работы и началу вузовской подготовки социальных работников.

В последующие годы попеременно на базе Гетеборгского и Алтайского университетов было проведено еще 5 таких семинаров, каждый из которых стал хоть не большой, но ступенью в направлении развития теории и практики социальной работы в России.

В мае 1991 г. группа преподавателей российских вузов, готовящихся к началу обучения по социальной работе, посетили Гетеборгский университет и изучили организацию и содержание учебного процесса в институте социальной работы.

В июне 1991 г. делегация Комитета по делам семьи по приглашению Международной ассоциации школ социальной работы побывала в ее штаб-квартире в Вене, познакомилась с тем, как обучают социальной работе в учебных заведениях Австрии.

В последующие годы процесс изучения практики социальной работы и социального образования за рубежом стремительно нарастал. Было проведено несколько конференций и семинаров с участием социальных работников из Европы, США и Канады; реализованы проекты по линии Европейской Комиссии (ТАСИС, БИСТРО и др.); осуществлены обучающие визиты российских социальных работников в европейские страны, ответные приезды наших зарубежных коллег; наши делегации принимали участие в конгрессах и форумах Международной федерации соци-

альных работников, Международного совета по социальному благосостоянию. Состоялись и другие мероприятия в рамках двухстороннего и многостороннего сотрудничества в социальной сфере.

В результате социальная работа в России обогатилась лучшим мировым опытом, выше стал профессиональный уровень, вырос кругозор персонала социальных служб, и все это существенно отразилось на повышении качества социального обслуживания населения.

Комитет по делам семьи и демографической политике при Совете Министров РСФСР

Упоминания об этом органе исполнительной власти содержатся в статье всего несколько раз. Но это лишь потому, что если бы автор называл его всегда, когда необходимо указать, **кто** принял решение, **кто** организовал мероприятие, **кто** выступил с инициативой, **кто** поддержал разумное предложение и т.д., — название этой государственной структуры имело место на каждой странице — и неоднократно!

Потому что именно Комитет по делам семьи (назовем его так для краткости) стоял за каждым из событий 1991 г. в сфере социальной работы. Как и его председатель, Заместитель Председателя Совета Министров РСФСР **Инга Ивановна Гребешева** (*долгая и светлая ей память...*). Врач-педиатр по образованию, кандидат медицинских наук, автор замечательных книг и статей для женщин-матерей о том, как растить, воспитывать и беречь детей, она внесла исторический

вклад в появление в России профессиональной социальной работы и начало обучения по этой специальности в вузах.

У. И. И. Гребешевой замечательная трудовая биография; она прошла путь от рядового детского врача одной из московских клиник до ответственной должности начальника Главного управления охраны материнства и детства Минздрава СССР, была избрана заместителем председателя Советского Детского фонда, создала и возглавляла Российскую ассоциацию «Планирование семьи». Но главное дело своей жизни — учредить в нашем Отечестве профессиональную социальную работу и начать готовить дипломированных социальных работников, — она осуществила, возглавляя Комитет по делам семьи, которому, как еще редко какому органу власти, так повезло с руководителем!

... Как-то в нашем разговоре Инга Ивановна обмолвилась, что пришла в Комитет, а потом согласилась на высокий пост в Правительстве не в последнюю очередь потому, что это давало возможность реализовать давнюю мечту — вывести Россию в число стран, где социальная работа признана и поддерживается на государственном уровне, где есть такая профессия — социальный работник, где профессии этой учат в университетах...

И это И. И. Гребешевой удалось. Удалось, благодаря буквально неукротимой энергии, мощной «пробивной» силе, способной отворять двери самых «верхних» кабинетов государства, благодаря уникальной эрудиции, безупречной логике и умению убеждать в своей правоте, благодаря богатейшим знаниям сути и миссии социальной работы, о которой в те годы имели представление люди, числом своим значительно меньше, чем было тогда в стране космонавтов...

Искреннего уважения и общественного признания заслуживает труд блистательной команды профессионалов, которых собрала под свое «крыло» Инга Ивановна: первый заместитель Председателя Комитета, затем член Совета Федерации Геннадий Александрович Савинов, заместитель Председателя Комитета к.м.н. Наталья Александровна Комысова, начальники отделов к.пс.н. Антонина Ивановна Ляшенко (автор первой в России кандидатской

диссертации по социальной работе, организатор Службы психологической помощи населению в Москве), к.с.н. Маргарита Николаева Мирсагатова (родоначальник практики социозащитных учреждений), д.пс.н. Борис Николаевич Боденко (инициатор службы психологической помощи в системе социального обслуживания), к.м.н. Ольга Ивановна Лебединская, заместители начальников отделов профессор Леонид Васильевич Топчий (один из ведущих методологов и теоретиков социальной работы и социального образования, внесший громадный вклад в кадровое и научно-методическое обеспечение социального обслуживания), Илья Валентинович Лебедев, Сталина Васильевна Капустина, ответственные работники Т. М. Глебович, Ю. Я. Таран, В. Н. Шатило, С. А. Шаповал, В. В. Петров и другие.

... Уверен, что в стране не было, нет, и, скорее всего, не будет органа власти, равного по эффективности и результатам деятельности Комитету по делам семьи. Вряд ли еще кому-то удастся за столь непродолжительное время существования (всего год с небольшим) настолько обогатить социальную сферу государства новыми составляющими элементами, которые столь органично вплелись в ее ткань, что без них она сегодня уже немыслима.

Вместо заключения: краткая оценка итогов 1991 года с позиций новейшей социальной истории России

... Итак, что же мы отмечаем? Теперь, после нашего экскурса в недавнее прошлое, можно дать ответ.

В узком плане — *35 лет появления должности «Специалист по социальной работе» и начала профессиональной подготовки по социальной работе в высшей школе.*

А в широком (еще раз подчеркнем) — с учетом всей совокупности достижений и завоеваний 1991 года, их значимости для социальной сферы страны — ***35-летний юбилей профессиональной социальной работы в современной России, зарождения практически всех компонентов комплексной системы социального обслуживания населения, формирования новой профессии «Социальная работа».*** Один год вместил столько важней-

ших, этапных событий, что попытки приурочить юбилейные празднования лишь к одному из них вряд ли имеют смысл. Историческим стал весь 1991 год, и мероприятия, посвященные новому витку эволюции социальной работы в нашей стране, уместны в любой день.

У нашей отрасли замечательная история. Отрадно, что связь времен с вступлением России в постсоветский период не прервалась; этап новейшей социальной истории оказался насыщен событиями, равных которым по темпам и масштабам движения вперед прежде никогда не было. За 35 лет российская социальная работа прошла путь, который у других стран занял несколько десятилетий, а то и больше века. По оценкам многих экспертов, сложившаяся в 1990-е годы система социальной защиты и социального обслуживания — единственный по-настоящему удачный проект наших младореформаторов.

Для многих россиян последнее десятилетие прошлого века — это «лихие 90-е». А для нас, теперь уже ветеранов отрасли, — это годы социального творчества, созидательного труда, наполненного исключительно важными для социальной безопасности страны и для благосостояния ее граждан событиями. Труда, которому мы посвящали 12–14 (а то и 16) часов в сутки, и от которого получали высочайшее удовлетворение, чувство причастности к очень большому и значимому для настоящего и будущего страны и ее граждан делу. Колоссальным напряжением интеллектуальных, физических, психических сил мы творили современную историю социальной сферы России. Осознание этого усиливало потенциал творчества, воодушевляло, придавало вдохновение, наполняло высоким смыслом каждый рабочий день.

За короткий исторический срок был создан новый, прежде в стране отсутствовавший, социальный комплекс — система социального обслуживания, включающая все признаки самостоятельной отрасли: развитую инфраструктуру, кадровый корпус, законодательную базу, научные и технологические основы, информационное звено и другие системообразующие компоненты.

... Без прошлого нет настоящего, нет будущего. Только зная историю, изучая и осмысливая ее, черпая из неиссякаемого источника,

имя которому — «Исторический опыт», мы способны не просто продвигаться вперед, но избегать многих ошибок на этом тернистом пути, примерять ко дню сегодняшнему практику наших коллег из прошлых поколений,

и тем самым сокращать время достижения поставленных целей, делать свой труд во благо соотечественников-россиян эффективнее, оптимальнее, содержательнее, увереннее и осмысленнее.

ПОНИМАНИЕ КАК ИНТЕГРАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ: АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ В 1990-х ГОДАХ

М. Р. Арпентьева

Арпентьева Мариям Равильевна — доктор психологических наук, доцент, г. Калуга.

Контактный адрес: mariam_rav@mail.ru

По мнению автора, социальная работа — феномен, с помощью которого и в момент со-бытия которого, осуществляется самоконструирование человека и общества. Она предстает как структурированный процесс, осуществляющийся на нескольких уровнях в ряде форм и аспектов.

Понимание как интегративный феномен социальной работы обнаруживает себя в каждом из ее проявлений. На социетальном, социосферном и конкретно-практическом уровнях социальная работа, соответственно, выступает как форма понимающего (диалогического) взаимодействия человека и мира; как форма со-бытия субъектов, человека и общества, их экзистенциальная «встреча»; как процесс (пере)осмысления и взаимоосмысления человека и мира.

Автор полагает, что понимание выступает как один из наиболее «валидных» способов социально-философского постижения феноменов социальной работы и, вместе с тем, феномен самой социальной работы, представляя собственно человеческий способ организации познания, общения и бытия человека в целом.

Ключевые слова: социальная работа; понимание; социальный работник; социальный мир.

UNDERSTANDING AS AN INTEGRATIVE PHENOMENON OF SOCIAL WORK: ANALYSIS OF THE FORMATION OF SCIENTIFIC APPROACHES IN THE 1990s

M. R. Arpentieva

Arpentieva Mariyam Ravilievna — Doctor of Psychology, Associate Professor, Kaluga.

Contact address: mariam_rav@mail.ru

According to the author, social work is a phenomenon with the help of which, at the time of co-existence, self-construction of a person and society is carried out. It appears as a structured process, carried out at several levels in a number of forms and aspects.

Understanding as an integrative phenomenon of social work reveals itself in each of its manifestations. At the societal, sociospheric, and concrete practical levels, social work, respectively, acts as a form of understanding (dialogic) interaction between man and the world; as a form of co-existence of subjects, man and society, their existential “meeting”; as a process of (re) comprehension and mutual understanding of man and the world.

The author believes that understanding acts as one of the most “valid” ways of socio-philosophical comprehension of the phenomena of social work and, at the same time, a phenomenon of social work itself, representing the actually human way of organizing cognition, communication and being of a person as a whole.

Key words: social work; understanding; Social worker; social world.

В нашей стране практика социальной работы переживает в настоящее время весьма неоднозначный период. Пройден этап становления и быстрого роста разнотипных и разных по уровню организаций социальной помощи

и социального обслуживания, накоплен большой опыт. Осознана необходимость серьезной профессиональной и личностной подготовки профессионала к осуществляемой им деятельности. Одной из наиболее актуальных про-

блем была и остается проблема разработки эффективных моделей образовательной среды, которые бы позволили сделать процесс личностного и профессионального роста социальной работы как института и специалиста по социальной работе как профессионала не хаотичным, спонтанным и парциальным, но организованным и системным.

Главный вопрос, который встает перед разработчиком таких моделей: «С чего начать, к какому уровню, аспекту профессиональной деятельности и личности будущего социального работника должно быть обращена новая образовательная программа?». Для социального работника, одной из главных профессиональных задач которого является понимание клиента и понимание сути социальной работы на разных уровнях ее осуществления, возможный ответ кроется в необходимости организации социальной работы на ее различных уровнях, а также организации подготовки и переподготовки профессиональных кадров, на основании глубокого и всестороннего, целостного осмысления состояния практики и теории социальной работы в каждом конкретном сообществе — анализа распространенных в данном сообществе философских исследований и конкретно-научных моделей социальной работы, существующих социально-политических ориентаций и соответствующих им программ, парадигм социальной работы и наиболее типичных моделей взаимодействия индивидуальных субъектов социальной работы, соответствующих этим моделям стратегий и фокусов взаимопонимания субъектов. Такого рода организация практики социальной работы и практики подготовки к ней, направленная на постоянное исследование и самоисследование деятельности и взаимоотношений разноуровневых субъектов социальной работы, очевидно, должно позволить существенно интенсифицировать процессы развития социальной работы, ее различных форм и аспектов в обществе, повысить эффективность социальной работы и процессов профессиональной (пере)подготовки.

Базовым на этом пути, как представляется, должно стать представление о том, что социальная деятельность по своему предназначению — это деятельность гуманистическая,

требующая создания условий для самореализации личности. Повышение качества бытия человека (его человечности, прежде всего) — предполагает восстановление и сохранение не только устойчивости его личности, индивидуального способа бытия, но и его увеличение его активности, а также — глубины и полноты включения человека в различные типы социальных взаимодействий, само общество¹. Осмысление общих, концептуально-теоретических проблем сущности и структуры социального мира, общественного бытия, создает исходную базу для понимания процессов, происходящих в специфических, конкретных условиях социальной действительности, являющейся областью выработки и реализации подходов к социальной работе.

Социальная работа как процесс понимания социальным работником себя, своих клиентов и сотрудников, различные парадигмы социальной работы и ее социально-политические ориентации, могут быть охарактеризованы с помощью *нескольких базовых понятий*:

понятие «условий понимания», которое отражает этические принципы и социальные нормативы оказания социальной помощи, способствующие установлению отношений взаимопонимания в процессе социальной работы (между социальным работником и клиентом, между социальными работниками разных профессиональных групп) и в процессе взаимодействия клиента и специалистов с окружающим миром в целом;

понятие «функций понимания», отражающее общие результаты социальной работы как процесса осмысления и осмысленного преобразования человеком своих контактов с миром и самого себя — контактов с самим собой и др.;

понятие «этапов понимания», отражающее последовательность процессов осмысления субъектами социальной работы себя и других людей, поиска, формирования и реализации в практике взаимодействия норм социальности, переосмысления и преобразования этих норм.

Социальная работа, как уже отмечалось, как сложное структурное иерархическое об-

¹ Философия социальной работы / под ред. В. И. Митрохина. М.: Союз, 1998. 207 с., др.

разование включает ряд уровней различного масштаба, на каждом из которых понимание как ее сущностный феномен имеет свои функции и условия возникновения. На двух из них — социетальном и социосферном — особенно отчетливо просматриваются условия и функции понимания как феномена теоретического осмысления социальной работы, ее парадигмальные основания.

На *социетальном уровне* социальная работа выступает в качестве системы мер по улучшению среды обитания людей. Одним из основополагающих факторов, действующих в рамках общества и определяющих содержание социальной работы, являются общественные отношения. Их показателями служат характер социальных противоречий, степень их развития и формы проявления.

На данном уровне можно говорить о понимании как специфической парадигме построения и объяснения общественных отношений, общества в целом, проявляющейся в построении и реализации социальной политики. Понимание, в силу его диалектичности и конкретности, сочетающейся со способностью «схватывать» явления социальной действительности целостно, в единстве его различных пространственно-временных проявлений выполняет следующие функции:

1. Помогает найти пути преодоления многих из общественных противоречий, выявить способы ненасильственного, толерантного разрешения актуально существующих внутри данного сообщества и между ним и другими сообществами новых и/или имеющих хронический характер социальных конфликтов, найти новые возможности разрешения конфликтов и проблем между реальными и потенциальными индивидуальными и групповыми клиентами социальной работы через организацию и поддержание между ними продуктивного диалога как диалога по поводу высших ценностей человеческого бытия и их конкретных способов воплощения каждым из субъектов конфликта;

2. Помогает выстроить основанный на целостном и диалектическом анализе различных историко-культурных аспектов данного сообщества сценарий его дальнейшего развития, ориентированный на воплощение

общечеловеческих ценностей и учитывающий ценности различных социальных слоев, предлагающий конкретные — толерантные — пути их согласования и функциональные (продуктивные) способы их реализации, найти такие способы структурно-процессуальной организации сообщества, которые позволяют ему гибко и адекватно приспосабливаться к изменениям в общественном бытии и сознании, бытии и сознании его отдельных субъектов;

3. Помогает найти новые решения проблемы соотношения общественного и индивидуального способов бытия человека: наладить диалог между ними, что предполагает как учет их общности (структурного и процессуального сходства как социальных субъектов, обладающих теми или иными системами ценностей, теми или иными способами воплощения этих ценностей в познании и взаимодействии с другими людьми (субъект-субъект-объектной или субъект-объект-субъектной деятельности)), так и различий (существование индивидуальных вариантов воплощения этих ценностей каждым из социальных субъектов в познании и деятельности);

4. Помогает обосновать и выстроить продуктивный путь развития самой социальной работы, определить ее функции в конкретном социуме, решить вопрос о необходимости расширения или сужения этих функций на том или ином этапе общественного развития, найти пути преодоления проблем, связанных с социальной защитой самих социальных работников, их семей, их обучением и т. д.;

5. Помогает наладить диалог социальной работы как одного из общественных институтов с другими институтами и сообществом в целом, сделать взаимодействие между ними более гибким и продуктивным, обнаружить неиспользованные каналы взаимодействия и взаимопомощи, реализовать посреднические возможности института социальной работы на уровне социальных институтов и групп.

В качестве базовых условий понимания на социетальном уровне выступают, в силу интегративного характера феномена понимания, соблюдение и поиск путей практической реализации принципов:

1. Единства человека и общества, нахождение и реализация таких форм построе-

ния взаимоотношений человека с обществом (в том числе, с государством), которые изначально ориентированы общечеловеческие ценности и, в том числе, основаны на признании взаимозависимости и суверенитета общества и его членов;

2. Единства бытия и сознания, ориентация социальной работы на работу как с «бытийными», так и «сознательными» компонентами, комплексный характер социальной работы, стремление к персонификации и персонализации оказываемой помощи;

3. Развития и взаиморазвития человека и общества — предполагающий ориентацию социальной работы на развития, поощряющий развитие человека и/или общества как две различные стороны единого процесса социального развития как развития человека, человечности;

4. Профессионализма социальной работы: социальной работой, в том числе, на уровне государственных проектов и программ, должны заниматься профессионалы, сознающие не только существующие в обществе нормативы социальной работы как одного из институтов, но и ее духовные смыслы, экзистенциальную задачу и уникальные функции в развитии современных сообществ (функции восстановления, реализации и трансляции, развития социальности).

На *социосферном уровне* социальная работа идентифицируется как деятельность в социальной сфере, являющейся устойчивой областью человеческой жизнедеятельности с целью обеспечения непосредственного воспроизводства жизни. Критерием развития социальной сферы выступает совокупность показателей, определяющих благосостояние населения, включая уровень обеспеченности необходимыми для жизни материальными и духовными благами.

На этом уровне можно говорить, что понимание выступает как совокупность парадигм социальной работы, в каждой из которых пониманию отводится та или иная роль в осмыслении и преобразовании общественных отношений как отношений, соответствующих или не соответствующих идеалу благосостояния. Понимание, в силу его диалогического и действенного, конструктивного, характера, соче-

тает в себе возможности осмысления и преобразования социального мира, его фрагментов, на основе соотнесения актуальных ситуаций (социального неблагополучия и проблем воспроизводства жизни) с их идеальными моделями (социального благополучия и условий обеспеченности воспроизводства жизни), которыми обладают различные — в той или иной мере включенный в процесс социальной работы — субъекты. На данном уровне понимание выполняет следующие функции:

1. Помогает найти пути преодоления многих конфликтных ситуаций между различными групповыми и индивидуальными социальными субъектами, сформулировать и реализовать подходы к ненасильственному разрешению актуально существующих внутри данного социального субъекта или между субъектами конфликтов и проблем, помочь, через реализацию посреднических функций, найти неиспользованные возможности разрешения конфликтов и проблем между клиентами — как через организацию и поддержание между ними продуктивного ценностно-ориентированного диалога, так организацию диалога клиентов с иными социальными институтами и субъектами;

2. Помогает клиентам выстроить и реализовать основанный на целостном анализе актуальных и идеальных социальных ситуаций сценарий преобразования их взаимоотношений друг с другом, другими социальными субъектами, обществом в целом, решить вопросы о необходимом и достаточном, желательном и возможном вмешательстве каждого из субъектов в общегосударственные программы и в деятельность тех или иных конкретных социальных институтов;

3. Способствует нахождению новых решений проблемы «выживания» и «благосостояния» человека, социального субъекта среди других субъектов, налаживанию диалога между ними, что предполагает как учет их общности, так и различий, как в аспекте ценностных ориентаций, так и в аспекте их конкретного воплощения в деятельности и познании людей;

4. Помогает обосновать и выстроить продуктивный путь развития социальной работы в рамках данного сообщества, общины, в ра-

боте с клиентами той или иной группы, территории, определить свои функции в каждом конкретном случае, решить вопрос о необходимости расширения или сужения этих функций, решить вопросы развития и социальной поддержки со стороны клиентов, государства и общественных организаций и т.д.;

5. Помогает наладить диалог учреждений социальной работы с другими учреждениями и обслуживаемым ею сообществом, сделать взаимодействие между ними более гибким и продуктивным, обнаружить неиспользованные каналы взаимодействия и взаимопомощи, реализовать посреднические функции учреждений социальной работы на уровне конкретных социальных субъектов.

В качестве базовых условий понимания на *социосферном уровне* выступают, в силу целостного и полифоничного характера феномена понимания, следующие принципы:

1. Диалога человека и общества, нахождение и реализация таких форм построения взаимоотношений клиентов как социальных субъектов разного размера друг с другом, которые ориентированы на построение диалогических отношений, основой которых выступают общечеловеческие ценности и предполагают признание за каждым из субъектов как возможности присоединиться, так и возможности остаться автономным, как вступить в диалог, так и выйти из него, как измениться, так и остаться неизменными;

2. Единства познания и деятельности, понимания и преобразования, ориентация социальной работы на развитие понимания происходящего клиентами, так и на их осмысленное и соотнесенное с их собственными и с общечеловеческими идеалами изменение;

3. Принципы взаимодействия и взаимопомощи клиентов и социальных работников, предполагающие ориентацию социальной работы на развитие контактов с клиентами как с человеческими существами, обладающими духовным потенциалом, реализующими смыслы своей жизни в общении и совместной деятельности с другими людьми, равноправными партнерами — не только как с нуждающимися в помощи, но и как с могущими ее оказать, развитие отношения к себе как к помощникам и как к людям, нуждающимся

в разносторонней, в первую очередь, духовной, помощи;

4. Самосовершенствования социальных работников, как личностного, так и профессионального, на пути осознанного освоения и осмысленной реализации в повседневном и профессиональном взаимодействии с собой и с миром общечеловеческих ценностей, способность к переоценке ценностей и ориентация на духовное развитие.

На *социетальном уровне*, в отношении проблемы современных социально-политических ориентаций как парадигм построения и объяснения общественных отношений важно разделение социально-политических программ на:

1) ориентированные преимущественно на профилактический;

2) ориентированные преимущественно на коррекционный и диагностический;

3) ориентированные преимущественно на развивающий компоненты социальной политики.

В первом случае большое внимание уделяется разработке долгосрочных и потенциально «бесконечных» программ и проектов, направленных на разностороннее и глубокое обследование общества с точки зрения его ресурсов и возможностей, ограничений и проблем в сферах социального, психологического и соматического здоровья, а также исследование состояния самой социальной сферы, ее ресурсов и ограничений, исторических традиций, актуального состояния и перспектив. Данный тип социальной политики наиболее характерен для обществ с развитой социальной инфраструктурой и находящихся на относительно «безкризисной» стадии своего существования: целью и условием существования данных программ является гармонизация взаимоотношений человека и общества на основе возможно более полного осмысления и удовлетворения их потребностей друг в друге. Важное значение имеет и осмысление их потребности в изменении и самоизменении: в данном контексте социальная девиация рассматривается как некоторый социальный «эксперимент», который должен и может быть понят и включен в естественную жизнь общества. Если данный «эксперимент» удачен,

т. е. отвечает потребностям общества в целом и конкретных людей в частности, он может быть признан как «нормативная» интерактивная, когнитивная или аксиологическая модель.

Во втором случае более типичны программы, ориентированные на более краткий срок помощи и активное реформирование института социальной работы, привлечение общественных (благотворительных и т. п.) организаций, создание межинституциональных связей — медицинских, педагогических, социальных и т. д. учреждений. Кроме того, особую ценность приобретает собственно диагностическая функция социальной политики. В этом случае она обычно призвана «обеспечивать информацией» другие сферы существования государства, давая возможность на основе сопоставления данных, полученных в разные периоды существования общества и института социальной работы, составить каузальные и прогностические системы заключений о развитии общества, его кризисности и «проблемности». Данный тип социальной политики ориентирован на выявление и удовлетворение наиболее значимых в данный момент для выживания людей социальных потребностей. Девииции рассматриваются как фактор, мешающий развитию сообщества, неизбежный и требующий «в интересах общества» «контроля» и «искоренения». В социальной работе способные и готовые к ресоциализации и реабилитации девианты выступают как один из основных «объектов» социальной деятельности. Неспособные и неготовые становятся, как правило, объектами правовой или медицинской деятельности.

В третьем случае более типично совмещение долгосрочных и краткосрочных программ, ориентация на поиск ресурсов и активизацию реальных и потенциальных клиентов, периодические мониторинги, направленные на анализ актуальных проблем и результатов внедрения осуществленных программ. Данные программы, особенно в случае перманентных социальных кризисов, подобных современному российскому кризису, существуют в «тени» коррекционно- и диагностически- направленных. Развитие они получают в наиболее социально благополучных (welfare) сообществах,

тесно смыкаясь с профилактически-ориентированными социальными программами. Развивающе-ориентированная социальная политика направлена на осмысление и удовлетворение возможно более широкого спектра социальных потребностей людей в не противоречащей потребностям государства и общества форме. В этом видится возможность преодоления и предотвращения препятствий общественного развития, связанного с возникновением различных девиаций.

Классическое определение социальной политики представляет ее как деятельность, направленную на управление социальным развитием общества, обеспечение удовлетворения материальных и духовных потребностей его членов и регулирование процессов социальной дифференциации и интеграции общества. Ее главными целями являются достижение стабильности, целостности и динамизма, равновесия функционирования и развития социальной системы.

Приведенное нами «идеально-типичное» деление социально-политических ориентаций во многом помогает периодизировать возникновение и становление социальной политики, ее субъектов, объектов и направлений. В своем современном виде социальная работа остается во многом связанной с преобразовательной, воздейственно-ориентированной формой социальной помощи человеку (группе) в сложной жизненной ситуации, однако все большее значение начинает принимать и фасилитативно-диалогическая и понимающе-ориентированная формы социальной работы, как практики со-развития человека и общества, социального работника, его клиентов и сотрудников. Последняя реализуется обычно в сочетании с первой: образуя переходную форму социальной работы, в которой понимание и воздействие выступают на первый план в зависимости от особенностей клиента и самого социального работника, от того, какова сущность проблем клиента и какова сущность их взаимодействия.

Такое изменение во многом связано со становлением нового типа социальных отношений, в котором естественно-научные, объективные критерии успешности человеческой деятельности, предложенные в позитивист-

ских концепциях человека и общества, становятся сопоставимыми или даже заменяются критериями субъективными и интерсубъективными, значимость которых постулируется в феноменологически-ориентированных и конструктивистских моделях человеческого бытия как принципиально диалогичного, концепциях социального (жизненного) мира как конструируемого в со-бытии общения людей, взаимодействии человека и общества в процессе их взаимопонимания. Благотворительность и милосердие выступают здесь скорее как принципы или условия для организации, проведения социальной работы. Сама же социальная работа, как деятельность, направленная на развитие человека и общества, их социальности, включает такие формы работы, которые направлены не на внешнее, но глубинное и разностороннее вовлечение человека и общества в жизнь друг друга, из взаимное соразвитие¹.

Таким образом, при разработке социальной политики неизбежно встает вопрос о социальных приоритетах, т.е. социальных задачах, которые признаются обществом на данном этапе его развития в качестве требующих первоочередного решения. Этот выбор всегда протекает на фоне и под давлением борьбы за гражданские права, за удовлетворение социальных нужд и требований, происходит как выбор парадигм социальной поддержки и предполагает принятие решений о том, положению каких социальных групп, как долго и каким образом следует уделить первоочередное или преимущественное внимание. Социальная политика системна по своему характеру, т.е. представляет упорядоченную структуру как целостность взаимосвязанных элементов, обладающую интегративными свойствами. Как процесс, она предполагает реализацию различных по направленности и длительности программ.

Системное понимание социальной политики важно как в аспекте ее теоретической разработки, так и в практической реализации,

¹ Жуков В. И. и др. Социальная политика: парадигмы и приоритеты / под ред. В. И. Жукова. М.: МГСУ, 2000. 312 с. С.63 и др.; Политология. Энциклопед. словарь. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. С. 358–359; Тадевосян Э. В. Словарь-справочник по социологии и политологии. М.: Знание, 1996. С. 166.

ибо недопустимы игнорирование одних элементов, недооценка других, неучет их взаимозависимостей — на каждом из этапов исторического развития. Целостность социальной жизни исторична, обретая специфические качественные черты в рамках каждой общественной формации. При этом целостность социальной жизни не означает гармонии и единства социальных сил. Наоборот, вся социальная сфера на всех этапах ее развития буквально наполнена противоречиями; зачастую весьма острыми и не поддающимися примирению. Однако, эти противоречия выступают не столько как альтернативны целостности социальной сферы как таковой, напротив, они могут быть поняты в своем действительном значении именно тогда, когда будут связаны с этой социальной целостностью, осмыслены вместе с ней. В последнее время среди различных социальных целостностей особое значение приобретает такая социальная общность, как человечество. Оно предстает как вполне оформившееся социальное целое и, обладая собственными качественными характеристиками, в определенных условиях становится приоритетом перед другими социальными общностями.

Как показывает осуществленный анализ, в современной теории и практике социальной деятельности как процесса понимания, на ее социосферном уровне существует **три основных парадигмы социальной работы:**

– *традиционная воздейственно-ориентированная*, в развернутом виде в практической работе представленная в коррекционно-ориентированных формах социальной работы, опирающаяся на представление о социальности как способности к присвоению и воспроизводству социальных норм — норм существующего вне человека и бытийствующего вне него объективного мира;

– *понимающая*, в развернутом виде представленная в диагностико-профилактической форме работы, опирающаяся на представление о социальности как творческом осмыслении, создании и реализации в процессе социальной работы ценностей человеческого бытия, противостоящий в своей субъективности вне положенной ему объективной реальности;

– диалогическая (интерсубъектная), в развернутом виде представленная в развивающе-ориентированных формах социальной работы, опирающаяся на представление о социальнойности как способности человека и сообщества к гармоничному соотносению существующих социальных норм и духовных ценностей, их осмысленной и продуктивной реализации в процессе «со-бытия» человека и мира.

Проанализируем данные парадигмы более подробно.

Воздейственно-ориентированная, традиционная парадигма социальной работы опирается на методологию позитивизма — различные естественно-научные парадигмы, в том числе системный подход в его современных и классических разновидностях. Данная парадигма во много связана с дигностико-коррекционной ориентацией социально-политических программ.

Перспективы создания общей теории социальной работы видятся в объединении многообразия существующих и возникающих концепций социальной работы, на основе построения некоторой «общенаучной» системы понятий социальной работы. Осуществляется поиск оснований создания общей теории социальной работы, выделения ее принципов и технологий, фиксируются различия разных подходов наряду с не вполне оправданными попытками экспансии понятий и принципов одной науки, охватывающей те или иные аспекты социальной работы, в другую, охватывающую иные. Процесс (ре)социализации как процесс (вос)становления и развития социальнойности предстает как собственно «социализация» — присвоение норм и правил поведения, стереотипных способов объяснения мира. Тип социальнойности, транслируемой и возникающей в процессе социальной работы — монологическая (объектный подход) социальность как присвоение, соблюдение и ретрансляция социальных норм, как норм жизни человека в обществе.

Процесс реализации и трансляции социальнойности во многом конфликтен, предполагает процессы убеждения и внушения, включает прямые связи и директивы, требует от участников взаимодействия изменения их понимания в направлении формирования общего способа и фокуса осмысления происходящего.

Социальная зрелость и компетентность предстает как нормативность — соответствие поведения, понимания и ценностей человека нормам общества. Человек предстает как ценностная система, а клиенты, чаще всего, — как «бессистемные» субъекты.

Социальная работа как способ познания предполагает преобразование проблем клиентов на основе частичного понимания происхождения, как соответствующего или несоответствующего социальным нормам и т. д. Социальная работа как способ общения включает набор технологий воздействия, предполагая тем самым дистанцированное отношение к клиенту. Развитие социальной работы включает разработку «специфических» принципов и технологий социальной работы. Социальная работа, как способ со-бытия, таким образом, исходит из того, что главными являются технологии и соблюдение принципов работы. Отношения «могут мешать» (в том числе, приводя к «психологическому сгоранию» и т. д.). Социальная работа — помощь клиенту.

Промежуточная, понимающая парадигма социальной работы опирается на методологию феноменологии, включая некоторые идеи конструктивизма и экзистенциально-гуманистический подход, а также идеи философии языка. Часто связана с коррекционными и развивающими социально-политическими программами. Перспективы создания общей теории социальной работы связываются с созданием междисциплинарных моделей социальной работы, попытками создания единой науки о социальной работе. Особенно типичен переход от поиска общих законов к поиску общих тенденций в процессах и результатах социальной работы. Процесс (ре)социализации как процесс (вос)становления и развития социальнойности предстает как аккультурация, присвоение и выбор ценностных оснований жизнедеятельности, связанных с ними способов осмысления мира и самого себя, а также моделей общения и поведения. Тип социальнойности, транслируемой и возникающей в процессе социальной работы также может быть отнесен к «монологической» (субъект-объектный подход) — социальность выступает как создание и присвоение, трансляция и ретрансляция принципов человеческого — субъективного — познания и бытия.

Процесс реализации и трансляции социальности также во многом конфликтен, предполагает процесс индоктринации, включает не только прямые, но и обратные связи, не требуя изменений понимания в направлении формирования общего способа и фокуса осмысления происходящего, однако, выдвигает один из них в качестве «правильного».

Социальная зрелость и компетентность предстает как субъектная компетентность — соответствие человека самому себе, своей «сущности»: стремление к нахождению «собственных» ценностей, понимания и моделей общения и деятельности. Человек предстает как плюралистическая система ценностей. Специалисты и клиент — субъекты, ориентированные на разностороннее постижение происходящего

Социальная работа как способ познания включает преобразование и понимание, преобразующее понимание, основанное на осмыслении индивидуального — субъектного пласта — происходящего с клиентом, его средой, а также, отслеживании и осмыслении результатов инициированных социальным работником преобразований. Социальная работа как способ общения включает и «технологии», и «отношения» — к клиенту, себе, другим, общение с ними, соотнесение общечеловеческих и профессиональных принципов и технологий взаимодействия, а также соотнесение моделей взаимодействия, существующих в различных профессиональных подходах. Социальная работа, как способ со-бытия, таким образом, исходит из того, что помогающие взаимоотношения, наряду с технологиями и принципами, их соблюдением — важное условие продуктивности помощи. Социальная работа — помощь и клиенту, и обществу в целом.

Рассматриваемая диалогическая парадигма социальной работы опирается на новые идеи герменевтического и феноменологического подходов — методологию интерсубъектной парадигмы, диалогического подхода и идеи постмодернизма, включая процессуальный и ситуационный подходы, синергетические модели социальной работы. Обычно предполагает развивающие и профилактические программы.

Перспективы создания общей теории социальной работы связываются с разработкой философских концепций социальной работы, ее осмыслением как мультидисциплинарной области знания наряду с поиском общих тенденций и закономерностей социальной работы на разных уровнях ее осуществления.

Процесс (ре)социализации как процесс (вос)становления и развития социальности предстает как творчество культуры, соотнесение существующих и создание новых способов реализации общечеловеческих ценностей (способов осмысления себя и другого человека, моделей общения с ним). Возникающий и развиваемый тип социальности — диалогическая (субъект-субъектный подход): социальность предстает как имманентная и, в этом смысле, неизбежная, характеристика человеческого бытия и со-бытия — основа его жизнедеятельности, зафиксированная в человеческих и реализующаяся в процессе взаимопонимания и взаимодействия человека с миром. Для развития социальности требуется лишь подержание диалога человека с миром.

Процесс реализации и трансляции социальности скорее неконфликтен, в качестве способов трансляции преобладают процессы социальной фасилитации и диалогического со-осмысления. Различия в способах понимания используются как возможности включения в продуктивный диалог, в том числе, конфронтацию.

Социальная зрелость и компетентность выступает как диалогическая компетентность — компетентность в построении диалогических отношений с собой и с миром, нахождении и реализации в понимании и деятельности общих ценностей, приемлемым для социума и для человека способом. Человек предстает как ценностный процесс. Специалисты и клиент — субъекты, ориентированные на динамическое постижение происходящего, изменение своего понимания в направлении человеческой «встречи».

Социальная работа как способ познания предполагает реализацию процессов понимания, взаимное преобразование в непрерывном процессе создания конституирующих реальность смыслов. Социальная работа как способ общения ориентирована на построение и раз-

витие человеческих взаимоотношений и общение, осознание единства этических принципов и моделей профессионального общения и общечеловеческих духовных и интерактивных аспектов бытия. Социальная работа как способ со-бытия, таким образом, исходит из того, что понимание — критерий взаимоотношений как центрального феномена помогающего взаимодействия. Социальная работа — экзистенциальная встреча двух людей, взаимно необходимая для обоих, а также, для общества в целом.

На конкретно-практическом уровне социальной работы важно понимание того, что профессиональная деятельность выступает как один из основных видов деятельности развитой личности, сфера ее самоосуществления и саморазвития как социального существа. В случае социальной работы профессиональная деятельность специалиста выступает также как сфера осуществления и развития (социальности) его клиентов — в процессе диалога, осмысления партнерами самих себя и друг друга. Ее эффективность и продуктивность, в свою очередь, во многом зависит от совпадения предметно-деятельностного и ценностно-смыслового аспектов помогающего взаимодействия, теории и практики социальной работы, соответствия конкретно-практического уровня социальной работы социетальному и социосферному уровням: декларируемых на этих уровнях нормах и ценностях социальной работы, ее социально-политическим ориентациям и парадигмам социальной работы.

При всей специфичности отдельных ситуаций социальной работы, можно выделить (как и в случае социетального и социосферного уровней социальной работы) ряд общих условий и функций непосредственной практической социальной работы, а также, описать основные стратегии и фокусы осмысления происходящего социальным работником. На непосредственно-контактном или практическом уровне социальной работы предполагается работа с отдельным клиентом и его окружением. Акцент делается на процессах, затрагивающих развитие каждого человека. На данном уровне вычлененные выше условия и функции социальной работы приобретают свое наиболее конкретное воплощение.

Назовем *основные этические принципы* социальной помощи как практического взаимодействия человека с человеком¹:

1. *Безоценочная эмпатия*. Профессиональная этика социального работника предполагает отсутствие осуждения клиента, какие бы вопросы он не ставил, о чем бы не говорил. Клиент часто интерпретирует оценочное или кажущееся ему таковым поведение работника, ищет некие подтверждения в нем, как ученик в поведении учителя. Очень часто социальный работник в глазах клиента является экспертом и иногда «кивок» может восприниматься, как согласие. Как и другие принципы, требование безоценочного понимания обеспечивает ощущение защищенности, вне которого очень трудно быть эффективным помощником. Безоценочность обеспечивает свободу самопонимания и самоисследования, выступающего как суть процесса помощи.

2. *Безусловное принятие*, клиентоцентрированность общения предполагает, что социальный работник в общении с конкретным человеком ориентирован не на какие-то внешние нормы, а на нормы и ценности, которые приносит с собой клиент. С точки зрения непрофессиональной эти ценности могут быть отставлены, но специалист перестает быть специалистом, если воспроизводит непрофессиональную позицию, что делает невозможными безоценочное принятие и эмпатическое взаимодействие.

3. *Конкретность, ориентация на помощь человеку, социальному субъекту* в решении тех проблем, с которыми он пришел, дифференцированный подход к клиентам в работе с группами и общинами. Данный принцип позволяет, как и следующий, организовать социальную работу в соответствии с действительными запросами клиента, а не на основе произвольного выбора специалиста, помогает

¹ Алешина Ю. Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование. М.: РИЦ Консорциума «Социальное здоровье России», 1993. 174 с.; Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1995. 370 с.; Столин В. В. Самосознание личности. М.: МГУ, 1983. 284 с.; Орлов А. Б. Психология личности и сущности человека. М.: ИК «Логос», 1995. 260 с.; Фирсов М. В., Студенова Е. Г. Теория социальной работы. М.: Владос, 2000. 432 с., др.

обнаруживать сферы, в которые социальные работники еще не нашли доступа и которые могут служить перспективными сферами развития взаимоотношений специалистов со своими клиентами.

4. *Персонифицированность и делегирование ответственности клиенту.* Ответственность за происходящее должна принадлежать клиенту. Делегирование клиенту ответственности создает условия для преодоления зависимости и пассивности клиента во взаимоотношениях со значимыми лицами своего окружения.

5. *Конгруэнтность и разграничение профессиональных и личных отношений.* Они обеспечивают свободу специалиста и клиента: жизненная ситуация и ситуация помощи не сливаются, эффективность социальной работы и ее продуктивность падают¹.

Роль понимания в практике социальной работы, а также проблема эффективности социальной работы как процесса понимания, связывается с множественностью функций понимания в его взаимодействии с клиентом, собой и своими сотрудниками. Наиболее значимые **функции понимания**, отражающие результаты социальной работы как процесса осмысления и осмысленного преобразования человеком своих контактов с миром и самого себя, могут быть представлены таким образом.

– *Организация помогающего диалога, обеспечение возможности переопределять себя и окружающий мир.* Понимание рождается в событии общения: выступает как событие жизни каждого и основа этого события. «Быть понятым» и «понимать» — необходимое условие возможности продуктивного взаимодействия людей и их групп, складывающаяся

в современном мире «культура совместности» (диалогическая компетентность), связанное с ее развитием развитие культуры человеческого познания, прежде всего, это (вос)становление и развитие культуры диалога, понимания множественности и динамичности точек зрения. Развитие понимания выступает как составная часть процесса совершенствования диалогической компетентности личности.

– *Организация и воссоздание, восстановление социальности* как восстановление человеческого (способа) бытия и человеческих (аутентичных, искренних) межличностных отношений, организация трансперсонального контакта². Понимание субъективно связано и переживается как осознание себя и другого в качестве уникального и неповторимого субъекта жизнедеятельности. Вместе с тем, всякое приближение к «истинной» сущности другого человека и себя самого, в том числе в процессе помогающего взаимодействия, означает приближение к осознанию «всеобщей человечности» своих и другого переживаний и поступков. Поэтому понимание выступает как специфический способ человеческого (со)бытия (бытия человеком и с человеком) и человеческого осмысления реальности.

– *Самоактуализация — «пробуждение» сознания личности*, в том числе, сознания самого социального работника, в его связях с клиентами и сотрудниками ЦСО и т. д. речь идет о развитии личности субъекта социальной работы. Задача специалиста, оказывающего помощь, индивидуально или в групповом контексте, состоит в том, чтобы помочь человеку «открыть дверь к самому себе», помочь стать меньшим незнакомцем для самого себя, обратиться к самому себе как особой реальностью, значимой и достойной изучения.

¹ Алешина Ю. Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование. М.: РИЦ Консорциума «Социальное здоровье России», 1993. 174 с.; Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1995. 370 с.; Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, Универс, 1994. 480 с.; Меновщиков В. Ю. Психотерапевтическая практика: мифы клиентов // Вopr. психол. 1999. №1. С.77–88; Кочюнас Р. Основы психологического консультирования. М.: Академический проект, 1999. 240 с.; Первый Всероссийский научно-педагогический социальный конгресс (материалы выступлений). 6 июня 2001 года. Том 1. М.: МГСУ, 2001. 360 с.; Философия социальной работы / под ред. В. И. Митрохина. М.: Союз, 1998. 207 с.

² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. с. 338; Барт Р. Избранные произведения. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс-Универс, 1994. 616 с.; Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. 464 с.; Вебер М. Избранные произведения. М.: Юрист, 1994. 708 с.; Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. Общ. ред. и вступ. ст. П. Серио. М.: Прогресс, 1999. 416 с.; Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, Универс, 1994. 480 с.; Рыклин М. Террорологии. Тарту-Москва: Эйдос, РИК «Культура», AdMarginem, 1992. 223 с.; Юнг К. Психологические типы. М.: ИГ «Прогресс-Универс»; СПб.: «Ювента», 1995. 716 с.

Еще одной важной функцией понимания себя и другого выступает самоконструирование личности и конструирование мира, одним из значимых проявлений которого предстает процесс автономизации субъектов (взаимо) понимания (автономизирующая функция), осознание ими рамок и границ своего бытия и бытия другого, развитие способности к самостоятельному и ответственному принятию жизненно важных решений и построению жизненных планов, осуществление выбора, который выражает подлинные ценности и переживания человека¹.

– *Помощь другому в саморазвитии и решении меж- и внутриличностных проблем.* В процессе социально-психологической помощи субъект получает возможность осмыслить себя, как Другого, посмотреть на себя «со стороны». Возникновение «иновидения» себя самого — один из наиболее значимых эффектов помощи, способствующих развитию способности клиента к самоуправлению в жизненных ситуациях различной сложности и новизны².

Помимо множественности функций и условий понимания социального работника необходимость системного исследования феномена профессионального понимания обуславливается интегративным характером самой социальной деятельности, включающей контакт человека с клиентом, межпрофессиональные контакты и контакт специалиста с самим собой как личностью и профессионалом в процессе диагностических, консультационных и коррекционных форм работы.

Дополнить картину понимания как важного феномена социальной работы, ее различных уровней и аспектов, позволяет обращение к представлению о стратегиях и фокусах понимания. На уровне непосредственно-контактной работы можно говорить о стратегиях и фокусах понимания социального работника как важнейших компонентах социодействительного мифа, на социетальном и социосферном, соответственно, — о социально-политических

ориентациях и о парадигмах и социальной работы, в рамках каждой из которых понимание занимает более или менее значимое место.

Важным критерием способа воплощения человеком его ценностей являются особенности его понимания, раскрываемые через понятие стратегий и понятие о компонентах (фокусах) понимания. Эти понятия отражают специфику процессов осмысления субъектами социальной работы себя и друг друга как социальных субъектов, особенности их представлений о социальной зрелости и, шире, социальности, а также, сам процесс трансляции, столкновения и присвоения представлений социального работника и клиента о социальности³. Стратегии и фокусы понимания являются существенным критерием профессионального облика социального работника. Обобщая проанализированные выше подходы, можно постулировать взаимосвязь характеристик предмета познания, особенностей субъекта познания и способа познания⁴.

Многоаспектность и субъектность (индивидуализированность) понимания приводят к тому, что попытки регистрации результатов социальной работы как процесса взаимопонимания приводят к осознанию существования целого спектра индивидуализированных эффектов, проявляющихся на уровне общеличных (ценностно-духовных) изменений, на уровне изменений способов понимания человеком себя и мира, а также на уровне изменения моделей его поведения.

В психосоциальной, социально-медицинской и социально-педагогической работе как процессах духовного развития человека, существует две иллюзии или опасности, связанные

¹ Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. 464 с.; Полани М. Личностное знание. М.: Наука, 1985. 330 с.; Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. 416 с., др.

² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.; Мей Р. Любовь и воля. М.: Ваклер, 1997. 420 с., др.

³ Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. Общ. ред. и вступ. ст. П. Серию. М.: Прогресс, 1999. 416 с.; Гадамер Г. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 699 с., др.

⁴ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.; Верч Дж. Голос разума. М.: Тривола, 1996. 176 с.; Знаков В. В. Понимание в познании и общении. М.: ИП РАН, 1994. 237 с.; Маслоу А. Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Издат. группа «Евразия», 1997. 430 с.; Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, Универс, 1994. 480 с.; Овсяник О. А. Социально-психологические аспекты профессионализма социального работника. Диссертация ... канд. психол. наук. М. МГУ, 1999. 146 с., др.

с представлением о понимании как проявлении индивидуального способа воплощения духовных ценностей. Первая опасность — «спутать» другого с собой¹, отождествив реально несходные, индивидуализированные способы воплощения духовных ценностей, в том числе, внешне похожие способы реализации противоположных ценностей. Вторая опасность «спутать» себя с «Богом», отождествить свои ценности с духовным универсумом в целом, придав своим ценностям статус всеобщности². Такого рода «ошибки» связаны, в частности, с тем, что человек постоянно находится между стремлением измениться, развиться и стремлением адаптироваться и не развиваться³. Смысл возникает между личностными духовными культурами, между смыслами, между этими противоречащими друг другу стремлениями, в диалоге как процессе взаимопроникновения смыслов. Ситуация помощи, ее понимание, поэтому, в первую очередь, направлены на то, чтобы помочь человеку увидеть, как отдельные, но взаимосвязанные и взаимодействующие, сходные, но различные реальности себя и другого человека (специалиста), себя, свои ценности, и ценности мира.

Духовное развитие клиента и социального работника — возникновение нового способа (социального) бытия, новой социальности. Истинное творчество как процесс, связанный с воплощением духовных ценностей, предполагает столкновение человека с миром, взаимодействие человека и мира, «того, что в них есть и того, чего в них нет», их возможностей

и ограничений⁴. Оно есть исследование не только новых возможностей и снятие ограничений для одного человека, но и расширение сферы возможного и преодоление ограничений для всех других участников творческого диалога.

Моменты изменений позволяют субъектам социальной работы прикоснуться к сути человеческого бытия и затрагивают все его аспекты. В момент интенсивной трансформации субъект осознает себя как целостность, наделенную не только ограничениями, но и богатыми возможностями. Этот опыт — один из величайших моментов человеческой жизни. Однако, реальный процесс изменения имеет и обратную сторону. Происходит расширение жизненного мира субъекта, выход за привычные горизонты его мира, представлений о нем и о себе, возникает непонимание. Выходя за пределы наличных горизонтов в процессе трансформации, ощущая рождение новых горизонтов, человек также сталкивается со смертью тех обычных, привычных путей и связей с миром, которые имел раньше⁵. Он создает себя на «территории между жизнью и смертью», на пути, который делает духовное развитие парадоксальным. Этот парадокс глубоких изменений, предполагающий осознание необычно расширившихся возможностей и страха преодоления существовавших ранее ограничений, помогает понять, осмыслить бытие, составляет суть человеческой жизни как процесса. Понимание мира и самопонимание человека как способность к многоуровневому и многоплановому «отражению» человеком своей жизнедеятельности, выступает как одно из главных оснований и условий возможности понимания как «переопределения» условий собственной жизнедеятельности, образа жизни⁶, нахождения и установления соответствия

¹ Ухтомский А. А. Уловить содержание и смысл бытия // Психологический журнал. 1994. Т.15. №2. С.137–152.; Орлов А. Б. Психология личности и сущности человека. М.: ИК «Логос», 1995. 260 с., др.

² DeKoven B. Building an inner playground // AHP Perspect. 1999. June-july. P. 18., др.

³ Ахиезер А. С. Проблема переходов в социокультурных процессах, феномен осмысления-переосмысления ситуации // Мир психологии. 2000. №1. С.217–229; Ахиезер С., Козлова Н. Н., Матвеева С. Я. и др. Модернизация в России и конфликт ценностей. М.: Институт философии РАН, 1994. 248 с.; Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, Универс, 1994. 480 с.; Маслоу А. Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Издат. группа «Евразия», 1997. 430 с.; Gau J. V. Splitting, the self and the God: Psychotherapy and Christian spirituality // Amer. J. Pastoral Counsel. 1998. V.1. №3. P.5–25, др.

⁴ Dodson E. A. A reflection on change and courage // AHP Perspect. 1999. June-july. P.14–15, DeKoven B. Building an inner playground // AHP Perspect. 1999. June-july. P.18, др.

⁵ Горянина В. А. Психология общения. М.: ИЦ «Академия», 2002, 416 с.; Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, Универс, 1994. 480 с.; Dodson E. A. A reflection on change and courage // AHP Perspect. 1999. June-July. P.14–15, др.

⁶ Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976. 416 с.; Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. 415 с.; Он же. Психология человеческой деструктивности. М.: Республика. 1993. 450 с.;

ценностей человеческой жизни и способов ее воплощения в конкретном социокультурном контексте.

Понимание выступает как условие познания и, на основе этого познания, прогнозирования и конструирования социальной работы — конституитивный компонент социальной работы и социальной реальности в целом, их (ре)конструирования. Специфика проявления понимания в социальной работе связана, прежде всего, с его (ре)конструктивным характером: понимание выступает как реализующийся в ряде этапов процесс преобразования познаваемой реальности, ее компонентов: этапов «вживания» в реальность социальной работы, этапов ее проектирования и конструирования. Понимание предстает и как метод исследования, и как метод конструирования социальной работы как деятельности, результатом которой является выработка и развитие ценностей, социального сознания и социального поведения субъекта, его социального благополучия. Такое представление о сути социальной работы расширяет границы традиционных парадигм ее рассмотрения как деятельности, связанной с помощью человеку в трудных жизненных обстоятельствах, до более общего представления о ней как деятельности, направленной на достижение и развитие социального благополучия людей.

При этом интегративный характер анализа понимания как феномена социальной работы, предполагает, что социокультурные и культурно-исторические формы социальной работы, соответствующие им специфические условия, функции, этапы понимания определяются задачами функционирования и развития конкретного социума. Так, например, понимание человека, нуждающегося в (ре)абилитации и человека, не нуждающегося в ней, различно: даже при наличии сходных условий и принципов понимания, изменяется соотношение и роль каждого из его этапов и функций, изменяются формы социальной работы на каждом из ее уровней.

На *разных уровнях социальной работы* специфическим образом проявляются про-

гностический, диагностический и конструктивный компоненты понимания. Так, *на социальном уровне* понимание предполагает процессы постижения проблем и возможностей социального развития, что включает оценку и прогнозирование возможных направлений общественных преобразований в ближней и дальней перспективах, осмысление принципов и распространенных в обществе вариантов взаимодействия человека и общества, его институтов, прогнозирование наиболее вероятных тенденций развития этого взаимодействия и конструирование социально-политических программ, поддерживающих наиболее продуктивные из данных тенденций.

На *социосферном уровне* понимание предполагает процессы постижения проблем и возможностей функционирования института социальной работы, ее подструктур, что включает оценку и прогнозирование вероятных направлений их спонтанного и направленного преобразования, осмысление проблем и возможностей имеющихся вариантов взаимодействия учреждений и иных субъектов социальной работы в рамках той или иной парадигмы социальной работы, прогнозирование наиболее вероятных тенденций развития института социальной работы, его компонентов, теоретическое осмысление накопленного позитивного и негативного опыта и (ре)конструирование института, в направлении поддержки наиболее продуктивных тенденций его развития.

На *конкретно-практическом уровне* понимание предполагает процессы «вживания» в жизненный мир клиента, исследование его проблем и ресурсов, разработку и реализации программы преобразования клиента и его жизненной ситуации, оценку проблем и успешности используемых в этом процессе технологий и подходов к взаимодействию с клиентом, а также — с обеспечивающими это взаимодействие подходами к организации взаимодействия с администрацией, волонтерами и друг с другом. Это означает также анализ и прогнозирование вероятных направлений преобразования технологий и подходов к организации взаимодействия субъектов социальной работы, осмысление трудностей и успехов внедренных в практику вариантов

Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, Универс, 1994. 480 с., др.

социальной работы в рамках данного типа подразделения или типа учреждения, прогнозирование наиболее вероятных последствий такого внедрения, теоретическое осмысление накопленного позитивного и негативного опыта и (ре)конструирование учреждения, в направлении поддержки наиболее продуктивных тенденций его развития.

Конечным результатом всех применяемых методов и создаваемых специалистом форм и подходов к организации и осуществлению социальной работы как социальной практики на ее различных уровнях является приобретение или восстановление, а также развитие человеком или группой их социальности, того типа социальности, который характерен для данного общества в данный момент времени. С монологически-ориентированным типом социальности связана направленность социальной работы на развитие клиентов в направлении их приспособления к социальным нормам и нормативным способам воплощения распространенных в данном сообществе ценностей в процессе жизнедеятельности. С диалогически-ориентированным — направленность на развитие взаимоотношений специалиста и клиента как отношений, направленных на поиск индивидуально-специфичных способов воплощения в индивидуальном бытии и со-бытии (взаимодействии) людей разделяемых каждым их субъектов общечеловеческих ценностей.

Современные условия, несомненно, накладывают свой отпечаток на человеческую личность. В соответствии с классическими исследованиями в этой области проведено в конце XX века модель современной личности предполагает, что современный социально компетентный, взрослый человек приходит к ценностно, духовно «обусловленному» и основанному на глубоком понимании себя и мира типу реагирования¹, поэтому он может быть описан как тот или иной тип ценностной системы, связанной с определенной стратегией осмысления человеком происходящего в его внутреннем и внешнем мире (т. е., с фо-

кусом осмысления происходящего). В современном мире социальность и взрослость как способность к ее полноценному и гармоничному воплощению в процессе взаимодействия человека и мира предполагает способность к совместному (с другим(и)) построению способа организации совместной (неповторимой и индивидуальной по форме) деятельности. Соответственно, и способ осмысления происходящего, посредством которого специалист реализует, транслирует и преобразует ценностные основания своего бытия и бытия своих клиентов, должен быть диалогическим, предполагающим стремление к актуализации как собственного «Я», так и «Я» других людей, а также стремление к постижению общности этих — человеческих — «Я». Взрослость в современном мире интегрирует стремления к адаптации и к творчеству, характеризуясь как способность к особым, децентрированным, диалогическим отношениям с другими людьми.

Оптимальные, зрелые межличностные отношения, к которым человек приходит, накапливая жизненный опыт, обретая мудрость, — это отношения любви, предполагающие способность и желание человека отвечать «за тех, кого мы приручили», — к глубокому контакту и принятию «как данности, как факта» другого человека: его ценностей, особого видения мира, стремление «быть» с другим человеком, а не владеть им, входить в общение «всем существом», работая над их творческим развитием и переосмыслением. Зрелые отношения предполагают самоактуализацию обоих участников, их открытость навстречу друг другу, искренность и аутентичность, «общение без масок», стремление к «экзистенциальной встрече»². В зрелых отношениях партнеры обмениваются «индивидуальными видениями» проблем и друг друга, а не нормативами и оценочными указаниями на чье-либо «несовершенство» и «девиантность».

От социального работника требуется большое терпение в процессе активизации

¹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.; Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. 464 с.; Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник. М.: Прогресс, 1990. 368 с., др.

² Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, Универс, 1994. 480 с.; Фромм Э. Психология и этика. М.: Республика, 1993. 415 с.; Перлз Ф. Гештальтсеминары. Гештальттерапия — дословно. М.: ИОГИ, 1998. 326 с.; Горянина В. А. Психология общения. М.: ИЦ «Академия», 2002. 416 с.

и развития этой способности и потребности у клиента. Путь к нему — слушание специалистом себя, клиента, происходящего между людьми¹. Понимание, таким образом, выступает как системообразующая составляющая и интегральная характеристика социальной компетентности (зрелости) личности. При этом ценностный потенциал личности может служить основанием построения типологии зрелости и выделения стратегий и фокусов понимания личности, выступающих как показатель ее диалогической компетентности.

Понятие «стратегия понимания» и «фокус понимания» являются специфическими понятиями социально-психологических, социально-педагогических и медико-социальных исследований социальной работы, и, вместе с тем, являются философскими понятиями.² Стратегия понимания — способ преобразования смысловой информации о себе и окружающем мире в процессе взаимодействия. Понятие «фокус понимания» в общей философии чаще всего описывается как «компонент понимания» и отражает ориентацию субъекта на преобразование смысловой информации о том или ином компоненте ситуации взаимодействия — на понимание себя, других людей, процессов и ситуации взаимодействия в целом. Стратегия понимания определяет глубину постижения человеком себя и мира, фокус понимания — полноту постижения. Множественность стратегий и фокусов понимания обуславливает многоаспектность и многоуровневость человеческого понимания.

Крайним вариантом, свидетельствующем об отсутствии диалогической компетентности, является вариант «псевдовзрослого», который чаще всего не ощущает потребности и необходимости в понимании происходящего, его стратегия понимания сознательно не оформлена, наиболее близка стратегии объяснения. Обычный человек как «совокупность мало осознанных ценностей» (для которого характерно обыденное понимание, дополнение «фиксиро-

ванных значений», «познание» и нестабильный, неоформленный фокус осмысления происходящего) — «бессистемный субъект», ценностные представления которого неупорядочены и мало осознанны, понимание себя и мира не развито. Другие варианты зрелости с большей или меньшей степенью диалогической компетентности характеризуются более осознанными способами и фокусами осмысления себя и окружающего мира. Можно выделить следующие типы зрелости (как типы ценностных систем взрослого человека и соответствующих им стратегий понимания):

1) «эзотерические, элитарные ценностные системы», «ценностная система», центрированная вокруг одной, главной ценности (например, честности, «воспитанности», «научной истины», «философского познания»);

2) «плюралистическая установка» — человек, признающий множественность путей осмысления и способов бытия, субъективность мирозидения каждым человеком;

3) «ценностный процесс», центрация на процессе взаимодействия, изменение способа воплощения ценностей вместе с изменением самих ценностей в процессе диалога, как со-бытия с миром.

Эти типы взрослых, таким образом, реализуют следующие стратегии и направлены (сфокусированы) на осмысление следующих компонентов понимания:

а) стратегия объяснения: обнаружение, выделение уже существующего, присущего ситуации смысла — значения (объяснение), критерием понимания выступает «объективная» истина — «правда» его бытия. Что касается фокуса понимания, то наиболее яркая целостная характеристика, которую можно дать большинству специалистов этой группы, — они часто не слушают клиента, других людей (сотрудников ЦСО), не учитывают их точку зрения и особенности, в результате часто вступающие с ними в конфликты по поводу распределения власти и ответственности.

б) Создание не заданного изначально смысла (интерпретация), критерием понимания выступает субъективная правда — «истина» человеческого бытия. Особенности фокуса понимания — другой человек, тем не менее, обуславливают ряд проблем в общении

¹ Пинкус А., Минахан А. Практика социальной работы. М.: Союз, РГСИ, 1993. 223 с., др.

² Роджерс К. Взгляд на психотерапию. М.: Прогресс, Универс, 1994. 480 с.; Пинкус А., Минахан А. Практика социальной работы. М.: Союз, РГСИ, 1993. 223 с.; Рыклин М. Террорологии. Тарту-Москва: Эйдос, РИК «Культура», AdMarginem, 1992. 223 с., др.

социального работника с другими специалистами ЦСО, связанных с необходимостью перенесения в процессе командной работы. Речь часто идет о том, что центрация на самом себе маскируется центрацией на клиенте, в результате собственное понимание особенностей клиента подменяется в сознании специалиста, выступая как понимание не требующей коррекции и вмешательства истины.

в) Возникновение смысла в процессе диалога как «со-значения» (диалогическое понимание, диалогизация), построение общего смыслового пространства, «общего языка» с другим человеком. Специалист открыт по отношению к себе, клиенту и другими сотрудникам ЦСО, стремясь учесть и соотнести все возможные позиции как проявления реализуемых людьми способов построения контакта с миром с самими собой, т. е., способов их социального бытия.

Таким образом, стратегии и направленность (фокус) понимания социальным работником себя и других людей являются важным критерием его профессионального облика. Каждый из подходов к пониманию представляет собой тот или иной уровень развития социальной компетентности субъекта. Взрослость в современном мире в большей степени рассматривается как «ценностный процесс», способность взрослого человека жить «в потоке» изменяющегося опыта, отдавая «предпочтение», ориентируясь то на одну, то на другую систему ценностей. Однако, иные типы взрослости как типы реализации и трансляции социальности (ценностей человеческого бытия и со-бытия), не исчезают, отчасти мешая, тормозя развитие новых форм социальной работы, отчасти, помогая ее развитию, служа фундаментом построения новых форм взаимодействия человека с миром. В этом смысле социальная работа выступает не только как способ сохранения существующих идеалов социального бытия, но и как процедура «апробации» нового типа социальности (типа построения социальных отношений, социального бытия человека).

В процессе понимания осуществляется реализация и трансляция разных типов социальности. Успех социальной работы как процесса понимания связан в современном

обществе с реализацией специалистом в общении с клиентом и своими сотрудниками диалогически-ориентированного типа социальности. Этот тип не претендует на ограничение набора ценностей и способов реализации этих ценностей. Монологически-ориентированные типы социальности обладают меньшими возможностями в плане предоставления клиенту выбора способа воплощения разделяемых им жизненных ценностей, ограничивая как набор способов реализации этих ценностей, так и набор самих ценностей.

Итак, тип взрослости — форма существования ценностной системы взрослой личности, отражающей осознанный и принятый человеком общий смысл его жизни, показатель его социальной компетентности. Тип взрослости проявляется в существовании предпочитаемых субъектом стратегий и фокусов понимания другого человека и самого себя: формирования смысла своих и его поступков, высказываний, переживаний. Взаимопонимание (интерсубъектное понимание) признается наиболее сложным (феноменом и предметом исследования) из феноменов понимания, выступая как критерий социальной зрелости (взросления) человека. В современном мире взрослость или социальная зрелость означает способность и стремление к ответственному максимально осознанному выбору, регулируемому, в первую очередь самостоятельно — и в диалоге с другими людьми — выработанной ценностной позицией личности, осознание своей субъектности и интерсубъектных основ своей жизнедеятельности и бытия. Становление личности может быть описано как процесс развития ее социальной компетентности, основным компонентом которой выступает диалогическая компетентность как «культура совместности», «со-бытия».

В ее состав, в частности, входит умение ориентироваться в социальных ситуациях (понимание ситуации взаимодействия), правильно определять личностные особенности и эмоциональные состояния: свои и других людей (понимание другого и самопонимание), выбирать адекватные способы обращения и общения с ними и реализовывать эти способы в процессе взаимодействия (взаимопонимание). Наиболее эффективным и, в связи

с этим, перспективным, направлением развития социальной работы как помогающего взаимодействия двух и более людей, является взаимодействие, ориентированное на установление диалогических, паритетных взаимоотношений взаиморазвития, в которых социальность, выступающая как мера обнаружения участниками диалога собственной человечности и человечности друг друга, выступает как центральный предмет их взаимодействия и со-осмысления.

Таким образом, возникает необходимость анализа проблематики парадигм социальной работы как моделей организации понимания, здесь можно выделить ряд значимых моментов. Осуществленный анализ показывает, что субъект-субъектное понимание социализации развивается в современной философии в рамках феноменологического и конструктивистского подходов и в исследованиях современных практик помощи человеку, в т.ч. в социальной работе. Оно раскрывается в рамках исследований социальной работы; 1) как процесса совместного построения и переоткрытия людьми (в диалоге, в процессе взаимопонимания) новых социокультурных ценностей «разного размера» (от общечеловеческих до частных) и 2) как процесса воплощения этих ценностей в собственной жизни и в со-бытии с другими людьми.

Здесь человек выступает как участник субъект-субъектных отношений, субъект взаимодействия. Лишь некоторая часть этого взаимодействия может быть отнесена к социализирующим воздействиям в смысле присвоения ценностей человеком, их привнесения обществом в жизнь человека, но основная часть этого взаимодействия представлена процессами со-развития человека и мира — в смысле их со-творения и привнесения человеком ценностей в окружающий его мир.

Поэтому, хотя в своем современном виде социальная работа и остается во многом связанной с преобразовательной, воздейственно-ориентированной формой социальной помощи человеку (группе) в сложной жизненной ситуации, все большее значение начинает принимать и фасилитативная, понимающе-ориентированная форма социальной работы, особенно ее диалогически-ориентированная

парадигма социальной работы, как практики со-развития человека и общества, специалиста, его клиентов и сотрудников.

Для воздейственно-ориентированной парадигмы наиболее типичны стратегии объяснения, дополнения, ориентированные на понимание специалистом самого себя (как носителя и транслятора социальных норм) и, реже, своих сотрудников. Условия социальной работы как условия понимания включают социальные нормы и нормативные способы их воплощения. Результаты социальной работы как результаты понимания ориентированы на понимание для преобразования (условие преобразования, его эффективности), изменение человека для изменения его жизненного мира.

Для понимающе-ориентированной парадигмы наиболее типичны стратегии интерпретации, трансформации и перецентрации, ориентированные на понимание клиента (как носителя нравственных норм). Условия социальной работы как условия понимания включают духовные и этические принципы с нормативно заданной палитрой способов их воплощения. Результаты социальной работы как результаты понимания ориентированы на понимание как преобразование — поворот человека в отношении к миру, изменение части жизненного мира для изменения человека.

Для диалогической парадигмы типична стратегия диалогизации, интеграции, фокус понимания — взаимодействие субъектов как духовных сущностей, обладающих индивидуальными способами воплощения этих духовных идеалов и вносящих в процессе своего взаимодействия вклад в развитие общества в целом. Условия социальной работы как условия понимания включают ориентацию на общечеловеческие духовно-этические принципы и осмысление и развитие индивидуальных способов их воплощения, что вносит вклад в развитие социальной работы и всего общества. Как отмечал К. Ясперс, «сегодня человек не формируется, усваивая то, что идет ему навстречу из традиции его мира... человек зависит от себя как единичного в новом смысле: он должен сам помочь себе...»¹. Результаты социальной работы как результаты понимания

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 377.

ориентированы на понимание как постоянный и нескончаемый диалог с миром, взаимное преобразование человека и мира.

Социальная работа как теория и практика взаимоотношений людей по поводу помощи в восстановлении и развитии социальности, может быть, таким образом, разделена на три основных аспекта; 1) социальная работа как теория и практика познания человека и его отношений к себе и к миру, 2) социальная работа как теория и практика общения людей, теория и практика становления и развития диалогических форм общения, 3) социальная работа как теория и практика человеческого со-бытия — процесс становления и развития собственно человеческих духовных межличностных отношений, в том числе, как отношений по поводу помощи в восстановлении и развитии социальности.

Суммировать сказанное представляется возможным с помощью ряда социально-философских принципов и императивов социальной работы.

1) *Императив антропологической ориентации социальной работы.* Суть его в том, что социальная работа воплощает в себе потребности и ценности человека, служит ему.

2) *Принцип развития социальной работы.* Социальная работа развивается вместе с развитием общества и человека: по мере дифференциации и осознания человеком и обществом своих социальных потребностей и ценностных оснований своего бытия формируются отдельные фрагменты (уровни, формы, технологии) социальной деятельности, по мере осознания и развития потребностей человека и общества, относительно друг друга, осознания ими ценностных оснований своего со-бытия, формируется социальная работа как самостоятельный общественный институт.

3) *Принцип полипарадигмальности социальной работы.* В разных историко-культурных общностях социальная работа реализуется в рамках нескольких ведущих парадигм помощи. В современных сообществах социальная работа реализуется преимущественно в рамках понимающей парадигмы социальной деятельности как встречного процесса, в ходе которого встречаются и взаимодействуют индивидуальные и общественные потребности и интересы.

4) *Принцип многоуровневости социальной работы.* Социальная работа многоуровнева: осуществляется на социетальном, социосферном и конкретно-практическом уровнях. На каждом из уровней социальная работа предстает как процесс диалогического взаимодействия человека и общества, его отдельных институтов.

5) *Принцип периодичности и непрерывности социальной работы.* Социальная работа представляет собой стадийный и непрерывный процесс, связанный с удовлетворением и развитием социальных потребностей человека и общества на основе реализации и пересмотра ценностных оснований их совместного бытия.

6) *Принцип множественности форм социальной работы.* Социальная работа существует во множестве форм и технологий, позволяющих учитывать многообразие конкретных историко-культурных сообществ и человеческих индивидуальностей.

7) *Императив взаимодействия субъектов и объектов социальной работы.* По мере развития социальной работы взаимодействие субъектов и объектов социальной работы обнаруживает себя как взаимодействие по поводу формирования, развития и становления социальности сначала — социальности объекта социальной работы, потом — общества в целом. Развитая практика социальной работы представляет собой диалогическое взаимодействие субъектов по поводу удовлетворения и развития их социальных потребностей и ценностей, в том числе потребностей друг в друге (взаимозависимости), и потребностей в автономности, развития и осознания ценностей их со-бытия.

8) *Принцип возрастания взаимовлияния и взаимодействия общества и человека друг на друга в процессе социальной работы:* по мере развития человека и общества их взаимное влияние и взаимодействие в том числе в процессе социальной работы возрастает и становится все более разносторонним и глубоким.

9) *Императив сохранения, неразрывности человека в социальной работе:* при любых формах и масштабах взаимодействия человека с институтом социальной работы, человек сохраняет, отстаивает и развивает себя как тотальность, как субъект.

10) *Принцип нелинейности развития социальной работы*: во всемирной истории нет однонаправленного процесса восхождения и развития человека и общественных институтов; этот процесс включает в себя отступления, многообразие форм, сопровождается не только достижениями, но и потерями. В современном мире успешное развитие социальной работы связано с мерой признания конкретными сообществами важности со-бытийных ценностей как оснований практического, социетального и социосферного уровней взаимодействия людей в рамках социальной работы.

11) *Принцип внутренней конгруэнтности социальной работы*. Социальная работа успешна и эффективна, при условии соответствия (конгруэнтности) ее ценностных оснований, норм осмысления и технологий взаимодействия.

12) *Принцип внешней конгруэнтности социальной работы*. Социальная работа успешна и эффективна, при условии соответствия (конгруэнтности) ее ценностных оснований, норм осмысления и технологий взаимодействия нормам и ценностям общества.

Изучение социальной работы в рамках герменевтической традиции позволяет осмыслить ее как процессный и диалогический феномен. Процессный характер социальной работы обуславливает существование целого ряда этапов ее осуществления на каждом из уровней: социетальном, социосферном и конкретно-практическом, существование и тесную взаимосвязь профилактической, диагностико-коррекционной и развивающей функций и стадий социальной работы, многокомпонентность и полиморфность социальной работы на каждом из уровней и этапов ее реализации предполагает сочетание программных и эмерджентных аспектов.

На уровне становления и развития социальной работы как института это означает то, что социально-политические программы государства, регулирующие его развитие как социального государства, реализуясь в обществе, обладающем той или иной культурой и историей, модифицируются под влиянием историко-культурных факторов, и модифицируют само общество, его историю и культуру.

На уровне практической социальной работы это означает, что на разных этапах социальной работы — на разных уровнях ее осуществления — процесс социальной работы зависит от индивидуально-личностных особенностей ее субъектов. Кроме того, сам факт многокомпонентности и полиморфности социальной работы, в частности, ее технологий, создает в каждой конкретной ситуации взаимодействия уникальных субъектов возможность «самопреобразования» социальной деятельности в соответствии с их потребностями, нормами и ценностями, с теми нормами и ценностями, которые формируются в процессе становления и развития их взаимоотношений. Именно поэтому, в частности, проблема технологий социальной работы не имеет однозначного решения: компоненты различных технологий, в каждом конкретном случае переплетаясь, образуют уникальный рисунок, воплощающий уникальность жизненной ситуации субъектов.

Социальная работа носит результативный и со-бытийный характер. Процесс социальной работы выступает как взаимодействие и взаимное изменение человека и общества, ее субъектов и «объектов» в процессе осмысления ими самих себя, друг друга, окружающего мира. Такое изменение — критерий ее эффективности и успешности. Осмысление результатов социальной работы позволяет отслеживать происходящее с клиентами и социальными работниками, между ними, вносить коррективы в структуру и процесс социальной деятельности, в том числе, на ее различных уровнях, включая социетальный уровень — уровень социальной политики. Результативность социальной работы связана с формированием системы результатов в отношении различных ее компонентов (сфер человеческого бытия) и форм, на разных стадиях осуществления, результатов профилактических, кооррекционно-диагностических и развивающих программ и этапов работы. Результаты социальной работы — долго- и краткосрочные, личностные, межличностные, групповые, общественные тесно переплетаются. Результативность социальной работы означает факт ее конечности, дискретности, многотипность результатов — факт непрерывности. То, что общество, чело-

век, группа, понимают под «удовлетворительным» результатом в настоящий момент, могло казаться недостижимым до того и перестает быть таковым в последующем: результат социальной работы во многом релятивен. Социальная работа — феномен, с помощью которого и в момент со-бытия которого осуществляется самоконструирование человека и общества. Она предстает как структурированный процесс, осуществляющийся на нескольких уровнях в ряде форм и аспектов.

Понимание как интегративный феномен социальной работы обнаруживает себя в каждом из ее проявлений: на социетальном, социосферном и конкретно-практическом уровнях социальная работа, соответственно, выступает как форма понимающего (диалогического) взаимодействия человека и мира; как форма со-бытия субъектов, человека и обще-

ства, их экзистенциальная «встреча»; как процесс (пере)осмысления и взаимоосмысления человека и мира. Понимание выступает как один из наиболее «валидных» способов социально-философского постижения феноменов социальной работы и, вместе с тем, феномен самой социальной работы: представляя собственно человеческий способ организации познания, общения и бытия человека в целом. Понимание имманентно социально и является важнейшим фактором, с которым связана возможность (вос)становления и развития человеческой социальности. В современном мире человечеству понадобилась специальная деятельность, специальный институт, чтобы осознать и реализовать свой человеческий, социальный и духовный потенциал, свое одиночество и свою взаимосвязь с другими людьми, свое сходство и свое отличие от них.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК: СФЕРА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

NEW RESEARCH IN THE FIELD OF SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES: THE SPHERE OF SOCIAL WORK

УДК 364.642:159.922.76

РАННЯЯ ПОМОЩЬ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМЕЙНОЙ АДАПТИВНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ НЕТИПИЧНОГО РЕБЕНКА¹

В. Ю. Серебрякова

Серебрякова Валерия Юрьевна — кандидат социологических наук, кафедра социологии ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Контактный адрес: socio-psu@yandex.ru

В статье представлены результаты проведенного автором исследования, в ходе которого выявлено, что функционирование ранней помощи, направленное на формирование семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка, обусловлено совокупностью внешних и внутренних условий, детерминирующих ее состояние и развитие. Внешние (объективные) условия представлены спецификой институционального характера и способствуют созданию благоприятной среды для реализации программ ранней помощи. Внутренние (субъективные) непосредственно влияют на формирование семейной адаптивной среды через социальное взаимодействие между специалистами ранней помощи и семьей с нетипичным ребенком, оказывая системное воздействие на ее функциональные особенности и субъективную трансформацию семьи из пассивного получателя помощи в активного агента, способного к мобилизации внутренних ресурсов и актуализации внешней поддержки.

Ключевые слова: нетипичный ребенок; семейная адаптивная среда для нетипичного ребенка; ранняя помощь.

EARLY INTERVENTION IN THE PROCESS OF CREATING AN ADAPTIVE FAMILY ENVIRONMENT FOR AN ATYPICAL CHILD

V.Yu. Serebryakova

Valeria Yuryevna Serebryakova — PhD in Sociology, Department of Sociology, Perm State National Research University.

Contact: socio-psu@yandex.ru

This article presents the results of the author's research, which revealed that the effectiveness of early intervention aimed at creating an adaptive family environment for an atypical child is determined by a combination

¹ Статья подготовлена редакцией на основе автореферата диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук, успешно защищенной автором на заседании диссертационного совета 24.2.338.07 на базе ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва».

of external and internal conditions that determine its condition and development. External (objective) conditions are represented by specific institutional features and contribute to the creation of a favorable environment for the implementation of early intervention programs. Internal (subjective) factors directly influence the formation of a family's adaptive environment through social interaction between early intervention specialists and the family with an atypical child, exerting a systemic influence on its functional characteristics and the subjective transformation of the family from a passive recipient of assistance to an active agent capable of mobilizing internal resources and actualizing external support.

Keywords: *atypical child; adaptive family environment for an atypical child; early intervention.*

Дети представляют собой будущее современного социума, их здоровье и способность к полноценному развитию являются основополагающими факторами общественного прогресса. Однако в последние годы мы наблюдаем тревожную тенденцию, обусловленную ухудшением состояния здоровья детского населения. Ежегодно отмечается рост числа детей, развитие которых характеризуется как нетипичное, не соответствующее принятой онтогенетической норме. К ним чаще всего относят детей с установленной инвалидностью. За последние десять лет, к началу 2025 г., численность детей с инвалидностью возросла на 32 % по сравнению с показателем на начало 2015 г. (590 тыс. человек) и составила 779 тыс. человек. Кроме того, указанную специфическую социальную группу формируют дети с ограниченными возможностями здоровья, дети биологического и социального риска развития нарушений, которые в перспективе могут пополнить группу детей с инвалидностью в случае отсутствия своевременных мер помощи¹.

К тому же врожденные заболевания у ребенка, высокий риск развития нарушений или инвалидности, а также недостаток необходимых услуг и ресурсов для поддержки родителей таких детей рассматриваются как основные причины отказа от них. Анализ статистических данных Минпросвещения России показывает, что за период с 2020 по 2024 г. число детей-инвалидов, находящихся под надзором в организации для детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, остается относительно стабильным — около 6 400 человек².

¹ Положение инвалидов [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 14.01.2026).

² Органы опеки и попечительства [Электронный ресурс] / Министерство просвещения Российской Федерации. URL: <https://edu.gov.ru/activity/statistics/guardianship> (дата обращения: 14.01.2026).

В то же время следует отметить, что организация комплексной помощи на ранних этапах развития ребенка недостаточна. Не всегда правильным является решение о проведении только лечения, остается открытым вопрос социальной адаптации нетипичных детей и их воспитания в семейной среде.

Успешная социальная адаптация определяет способность ребенка осваивать социально значимые навыки, необходимые для удовлетворения основных жизненных потребностей, что в будущем позволит ему быть независимым и самостоятельным, с учетом имеющихся особенностей состояния здоровья.

Следует подчеркнуть, что именно семья имеет возможность актуализировать адаптационный потенциал нетипичного ребенка раннего возраста за счет имеющихся у нее социальных ресурсов, поскольку первичной средой является семейная. Прежде всего в ней родители и ближайшее окружение создают все необходимые условия для развития ребенка, способствуют максимальной вовлеченности в естественную жизненную среду, поддерживают состояние здоровья и активность, выступают источником первичной социализации с последующей интеграцией в общество.

Таким образом, роль семьи в процессе социальной адаптации ребенка не может быть переоценена, и именно на этом основании возникает необходимость в организации ранней помощи как практики, ориентированной на семью с нетипичными детьми. По современным представлениям, ранняя помощь позволяет рассматривать нетипичных детей в неразрывной связи с их семьей, окружением и социальной средой. Благодаря этому подходу специалисты ориентируются не только на возможности самого ребенка, но и на внутренние и внешние ресурсы семьи для социальной адаптации нетипичного ребенка и раскрытия его способностей.

По нашему мнению, наличие объективно существующих **социальных проблем**, таких как ухудшение состояния здоровья детского населения, рост числа детей с инвалидностью, а также возникающие трудности их социальной адаптации и риск семейного неблагополучия, создает необходимость в поиске ответа на актуальный вопрос о ранней помощи, которая в процессе собственной деятельности способна оказать поддержку семье с нетипичным ребенком.

Научная проблема нашего исследования состоит в противоречии:

1) между потребностью в социологическом анализе состояния ранней помощи нетипичным детям и их семьям и уровнем ее развития, отсутствием сформированной по этому поводу научной позиции, подкрепленной эмпирическими исследованиями;

2) между теоретическими представлениями о результатах деятельности ранней помощи как процесса, который выражается в формировании семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка раннего возраста, и отсутствием оценки результативности ее влияния на данный процесс.

Степень научной разработанности проблемы. Сформировать целостное представление и раскрыть содержание категории «семейная адаптивная среда для нетипичного ребенка раннего возраста» позволили труды многих отечественных и зарубежных ученых. Контекст содержания рассматриваемых научных работ раскрывается на основе сочетания двух ключевых социологических парадигм: объективистской и субъективистской.

Прежде всего следует выделить работы Е. Р. Ярской-Смирновой¹. Автор исследует категорию «нетипичность» и акцентирует внимание на значении раннего детства для развития человека. В отечественной социологии ключевыми являются труды П. Я. Аронсон; Ю. А. Афонькиной; В. О. Скворцовой и Т. И. Черняевой². В зарубежной научной литературе

понятие «нетипичность» встречается в работах М. Д. Эмпсон; К. А. Брауна, С. Парикха, Д. Р. Патела; А. Деметриу, Г. Спанудиса и Т. Ц. Пападопулоса³.

Категориальный анализ нетипичных детей представлен с использованием работ Р. М. Боскис; Л. С. Выготского; Н. А. Голикова; Т. В. Егоровой; В. П. Кащенко; Е. Ю. Мукиной; Л. В. Усовой и Н. Н. Шельшаковой⁴.

Особенно важным считаем системное описание семьи, воспитывающей таких детей. Наиболее традиционное представление о ней дается в трудах А. И. Антонова, В. М. Медкова; В. Н. Дружинина и А. Г. Харчева⁵, а также работах И. С. Андреевой и Е. В. Руденского⁶.

Характеристику семьи, воспитывающей нетипичного ребенка раннего возраста, формируют исследования Б. Н. Бубеевой; В. А. Филипповой и О. Н. Юлдашевой⁷, позиции представителей системного подхода (Т. Парсонс; М. Боуэн; Л. В. Берталанди и Э. Тернбулл,

нетипичного развития личности ребенка, 2014; Черняева Т. И. Социальная реабилитация «нетипичных детей», 2010.

³ Empson J. M. Atypical child development in context, 2015; Brown K. A., Parikh S., Patel D. R. Understanding basic concepts of developmental diagnosis in children, 2020; Demetriou A., Spanoudis G., Papadopoulos T. C. The typical and atypical developing mind: a common model. *Development and Psychopathology*. 2025. Vol. 37, № 2. P. 1095–1107.

⁴ Боскис Р. М. Аномальные дети. Общее понятие, 2015; Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Основы дефектологии, 1983; Голиков Н. А. Дети-инвалиды: инвалидизация, интеграция, инклюзия, 2015; Егорова Т. В. Социальная интеграция детей с ограниченными возможностями, 2002; Кащенко В. П., Крюков С. Н. Воспитание и обучение трудных детей, 1914; Мукина Е. Ю. Ограниченные возможности здоровья ребенка как педагогическая проблема и десоциализирующий фактор, 2014; Усова Л. В. К вопросу об интерпретации понятий «инвалид» и «инвалидность», 2020; Шельшакова Н. Н. Сравнительный анализ понятий «дизонтогенез, нарушение развития, расстройство развития», 2021.

⁵ Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи, 1996; Дружинин В. Н. Психология семьи., 2006; Харчев А. Г. Брак и семья в СССР, 1979.

⁶ Андреева И. С. Семья и родительство в современной России, 2013; Руденский Е. В. Депривационный виктимизм как социально-психологический механизм онтогенеза личной виктимности, 2013.

⁷ Бубеева Б. Н. Оценки родителей социальной помощи семьям, имеющим детей с ограниченными возможностями, 2010. Филиппова В. А. Определение семьи ребенка с ограниченными возможностями здоровья, 2020. Юлдашева О. Н. Семейная социализация детей с ограниченными физическими возможностями, 2010.

¹ Ярская-Смирнова Е. Р. Социокультурный анализ нетипичности, 1997.

² Аронсон П. Я. Социальная интеракция и социальные сети в ситуации болезни, 2007; Афонькина Ю. А. Отношение представителей регионального социума к «нетипичному» ребенку (на примере Мурманской области), 2022; Скворцова В. О. Социальные аспекты в изучении

а также работы И. И. Осиповой; В. Сатир; В. В. Юстицкиса и Э. Г. Эйдемиллера¹, которые в своих исследованиях обращаются к проблеме дисфункциональности семейной системы. Субъективистская составляющая отмечается в трудах М. В. Мироновой и Н. Г. Поршневой².

Важным для осмысления исследуемой нами категории семейной адаптивной среды стал экосистемный подход, отмеченный в работах У. Бронфенбреннера³. Особое внимание уделяется позиции З. Х. М. Саралиевой⁴, которая рассматривает семью как экосистему.

Теоретические представления, раскрытые в трудах М. Вебера; Т. Парсонса; П. Бергера и Т. Лукмана⁵, позволили конкретизировать свойства адаптационного процесса как оптимизации отношений в системе «ребенок — среда». Ресурсный (П. Бурдье; З. Х. М. Саралиева и М. В. Курникова⁶) и ресурсно-потенциальный (З. П. Замараева⁷) подходы, а также исследования Ю. А. Афонькиной; Л. В. Корель; Ю. М. Пастовец и М. В. Ромма⁸ использовались при уточнении содержания категории «адаптационный потенциал».

Кроме того, основанием для исследования ключевых элементов семейной адаптивной среды и определения результатов ее сфор-

мированности стали труды В. А. Бронникова и О. А. Лихачевой; В. В. Дегтяревой; Т. И. Зубковой; Е. В. Камышовой; Д. В. Лукашенко; А. В. Мозговой и Е. В. Шлыковой; Г. Е. Снежко; А. В. Старшиновой и Е. В. Шестаковой⁹.

Теоретико-методологические основы исследования ранней помощи представлены работами Дж. Уотсона; Б. Ф. Скиннера; Э. Фромма; К. Хорни; Ж. Пиаже; Д. Боулди; У. Бронфенбреннера и Д. В. Винникотта¹⁰. Среди трудов отечественных ученых по данному направлению отмечены работы И. А. Беляевой, Е. П. Бомбардировой, Е. И. Токовой, Н. А. Харитоновой, С. Б. Лазуренко, Т. В. Турти, М. С. Илларионовой; В. М. Бехтерева, Л. С. Выготского и В. И. Флери¹¹.

Используются исследовательские позиции зарубежных ученых Р. У. Уайта; К. Дж. Дунста, К. М. Триветта и А. Г. Дила; Дж. П. Шонкоффа, Д. А. Филлипса; Р. А. Маквильяма, Дж. Вудса;

¹ Осипова И. И. Система предотвращения социального сиротства, 2009. Сатир В. Вы и ваша семья: руководство по личностному росту, 2016. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. В. Психология и психотерапия семьи, 2008.

² Миронова М. В. Влияние семьи на жизненный путь ребенка-инвалида, 2009. Поршнева Н. Г. Проблема аутизма как проявление нетипичности, 2012.

³ Bronfenbrenner U. The Ecology of Human Development. Harvard University Press, 1979.

⁴ Саралиева З. Х. Семейная экосистема человека / З. Х. Саралиева, Г. Л. Воронин, С. А. Судьин, Д. А. Шпилев и др., 2018.

⁵ Вебер М. Основные социологические понятия, 1990; Парсонс Т. О. социальных системах, 2002; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии, 1995.

⁶ Бурдье П. Социология социального пространства, 2007; Саралиева З. Х. М., Курникова М. В. Структура социального пространства членов семьи с ребенком-инвалидом, 2020.

⁷ Замараева З. П. Ресурсно-потенциальный подход в системе социальной защиты населения России, 2019.

⁸ Афонькина Ю. А. Ресурсный потенциал семьи, воспитывающей ребенка с инвалидностью, 2018; Корель Л. В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики, 2005; Пастовец Ю. М. К вопросу о понятии адаптационного, 2013; Ромм М. В. Социальная адаптация личности как объект философского анализа, 2003.

⁹ Лихачева О. А., Бронников В. А. Роль семьи, воспитывающей ребенка-инвалида, в эффективности реабилитационного процесса, 2018; Дегтярева В. В. Стратегии социальной адаптации человека с ограниченными возможностями здоровья, 2007; Зубкова Т. И. Реабилитационный потенциал современной семьи, 2006; Камышова Е. В. Влияние отношения принятия ребенка-инвалида на социальную адаптацию родителей, 2023; Лукашенко Д. В. Адаптивная стратегия как основа взаимодействия личности с социальной среды. 2014; Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Социальные ресурсы и адаптация к риску: выбор стратегии (на примере социальной общности в ситуации конкретного риска), 2014; Снежко Г. Е. Субъектность семьи в конструировании жизненных стратегий детей с ограниченными возможностями здоровья, 2018; Старшинова А. В., Шестакова Е. В. Ресурсы родительской компетентности в реабилитации ребенка-инвалида, 2025.

¹⁰ Уотсон Дж. Бихевиоризм, 1980. Скиннер Б. Ф. Превыше свободы и чести, 2015; Фромм Э. Искусство любить, 2022; Horney K. Neurosis and human growth: The struggle toward self-realization, 1950; Piaget J. The Psychology of Intelligence / Пиаже Ж. Психология интеллекта, 2003; Боулди Д. Привязанность, 2003; Bronfenbrenner U. The Ecology of Human Development, 1979; Винникотт Д. В. Разговор с родителями, 1994.

¹¹ Беляева И. А., Бомбардирова Е. П., Токовая Е. И., Харитонова Н. А., Лазуренко С. Б., Турти Т. В., Илларионова М. С. Немедикаментозная абилитация детей с перинатальными поражениями нервной системы, 2017; См.: Урунтаева Г. В. М. Бехтерев о воспитании в возрасте первого детства, 2020; Выготский Л. С. Вопросы теории и истории психологии, 1982; Флери В. И. Глухонемые, рассматриваемые в отношении к их состоянию и к способам образования, самым свойственным их природе, 1835.

М. Претиса, Дж. Хекмана и М. Дж. Гуральника¹. Среди российских социологов к изучению категории «ранняя помощь» обращались М. В. Вдовина, Т. М. Мозговая и Е. Р. Ярская-Смирнова².

Представление ранней помощи в качестве процесса, а также важные аспекты ее институционализации в рамках объективистских и субъективистских интерпретаций являются актуальными элементами исследования. Интегральные теории П. Бурдье; П. Штомпки и Э. Гидденса³ помогли глубже понять связь между структурами и действиями, а также их влияние на развитие помощи. В рамках институционального подхода Э. Дюркгейма; М. Вебера и Т. Парсонса⁴ подчеркивается роль социальных норм и ценностей, которые формируют контекст для оказания ранней помощи. Д. Норт⁵ акцентирует внимание на значимости существующей при этом институциональной среды. Социально-конструктивистский подход П. Бергера и Т. Лукмана⁶ показывает, как социальная реальность создается и поддерживается через взаимодействие участников, что важно для понимания динамики развития ранней помощи.

¹ White R. W. Motivation reconsidered: The concept of competence, 1959; Dunst C. J., Trivette C. M., Deal A. G. Enabling and empowering families: Principles and guidelines for practice, 1998; Shonkoff J. P., Phillips D. A. From Neurons to Neighborhoods: The Science of Early Childhood, 2000; McWilliam R. A. Early intervention in natural environments: A Five-Component Model, 2004; Woods J. Providing Early Intervention Services in Natural Environment, 2008; Pretis M. Early Childhood Intervention in Austria: An Overview of 30 Years of Development and Future Challenges, 2009; Heckman J. Skill Formation and the Economics of Investing in Disadvantaged Children, 2006; Guralnick M. J. Effective Early Intervention The Developmental Systems Approach, 2019.

² Вдовина М. В., Мозговая Т. М. Семья с ребенком-инвалидом: ресурсы ранней помощи (опыт социологического исследования), 2018; Ярская-Смирнова Е. Р. Социокультурный анализ нетипичности, 1997.

³ Бурдье П. Социология социального пространства, 2007; Штомпка П. Социология социальных изменений, 1996; Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуры, 2005.

⁴ Дюркгейм Э. Социология, ее предмет, метод, предназначение, 1995; Вебер М. О. некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения, 1990; Парсонс Т. О. социальных системах, 2002.

⁵ См.: Лозовая И. В. Теория институциональных изменений Д. Норта. Формальные и неформальные институты, 2016.

⁶ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания, 1995.

Категории, используемые для характеристики ранней помощи в качестве социального процесса в социологии, рассмотрены в контексте системного и структурно-функционального подходов Э. Дюркгейма (социальная система); Т. Парсонса (социальная структура, функции и уровни); Р. Мертона (социальные функции и дисфункции)⁷.

Крайне важно отметить концепцию социокультурной динамики П. А. Сорокина⁸, которая позволяет рассматривать раннюю помощь как динамический и интегративный процесс, развивающийся в рамках существующих культурных и социальных условий и способствующий формированию семейной среды, адаптированной к потребностям нетипичного ребенка

Ключевые аспекты социального взаимодействия субъектов ранней помощи как процесса социального взаимодействия описаны с учетом трудов К. А. де Сен-Симона; Г. Спенсера; Э. Дюркгейма; М. Вебера и Ф. Тённиса⁹.

Н. Н. Малофеев и Ю. А. Разенкова¹⁰ в своих работах конкретизируют механизмы социального взаимодействия применительно к практике ранней помощи.

В исследованиях Н. С. Грозной; Н. Доброй-Крол и О. И. Емелиной¹¹ проведен анализ зарубежного опыта развития ранней помощи. Я. К. Бесстрашной; В. В. Лорер; Л. В. Самари-

⁷ Дюркгейм Э. О. разделении общественного труда. Метод социологии, 1990. Парсонс Т. О. социальных системах, 2002. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура, 2006.

⁸ Сорокин П. А. Система социологии, 2008.

⁹ См.: Волгин В. П. Изложение учения Сен-Симона, 2010; Спенсер Г. Основания социологии: Данные социологии. Индукция социологии, 2016. См.: Ховрин А. Ю. Теоретико-методологические основания исследования социального партнерства в работах Э. Дюркгейма и М. Вебера, 2010. См.: Окатов А. В. Социологическая концепция Ф. Тённиса как теоретическая основа изучения институционализации и функционирования современных общественных организаций, 2016.

¹⁰ Малофеев Н. Н. От равных прав к равным возможностям, от специальной школы к инклюзии, 2018; Разенкова Ю. А. Межведомственное взаимодействие в системе ранней помощи, 2018.

¹¹ Грозная Н. С. Ранняя помощь за рубежом. От теории к практике, 2014; Доброй-Крол Н. Раннее вмешательство: ключевые аспекты и международный опыт, 2014; Емелина О. И. Становление системы помощи детям раннего возраста за рубежом, 2013.

ной и А. В. Шошминым¹ рассмотрены теоретико-методологические и организационные аспекты ранней помощи в условиях российского опыта.

С учетом данного подхода анализируемые условия разделены на институциональные, способствующие созданию благоприятной среды для реализации программ ранней помощи (Дж. Хекман; Е. В. Кожевникова; Е. Т. Логинова, М. В. Матвеева; Р. Ж. Мухамедрахимов; Л. В. Самарина; Ю. А. Разенкова и Н. Ф. Ригина²), и условия, отражающие активную роль участников ранней помощи как социального процесса, прежде всего семьи нетипичного ребенка и специалистов ранней помощи (М. Селигман; Э. Гардинер; Ю. А. Верхотурова; И. В. Винярская, Д. И. Зелинская, Р. Н. Терлецкая, А. П. Фисенко; М. В. Вдовина, Н. Н. Сёмочкин; Я. И. Гостунская; Н. Доброва-Крол; Ю. И. Кравцов, В. А. Бронников; С. Н. Мельник; О. В. Скворцова и С. А. Судьин³).

¹ Шошмин А. В., Бесстрашнова Я. К. Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья в системе ранней помощи, 2019; Лорер В. В., Шошмин А. В. Базовые наборы МКФ в ранней помощи, 2018; Самарина Л. В. Построение программ раннего вмешательства на основе Международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья, 2015.

² Heckman J. Skill Formation and the Economics of Investing in Disadvantaged Children, 2006; Кожевникова Е. В. Раннее вмешательство: вчера, сегодня, завтра, 2008; Логинова Е. Т., Матвеева М. В. Реализация условий для обеспечения доступности ранней помощи в Российской Федерации, 2022; Мухамедрахимов Р. Ж., Самарина Л. В. Подготовка профессионалов для системы ранней помощи детям и семьям в Российской Федерации, 2020; Разенкова Ю. А. Службы ранней помощи семье с особым ребенком: проблемы роста, 2009; Разенкова Ю. А. Модель регионально-муниципальной системы ранней помощи семьям детей раннего возраста с ОВЗ, 2017; Ригина Н. Ф. Роль неправительственного сектора в развитии услуг ранней помощи: зарубежный опыт, 2018.

³ Селигман М., Дарлинг Р. М. Обычные семьи, особые дети, 2007; Gardiner E. The Relevance of Cultural Sensitivity in Early Intervention, 2011; Верхотурова Ю. А. Современные проблемы социализации детей раннего и дошкольного возраста, 2016; Фисенко А. П., Зелинская Д. И., Терлецкая Р. Н., Винярская И. В. Актуализация направлений профилактики детской инвалидности, 2021; Вдовина М. В., Сёмочкин Н. Н. Особенности и факторы функционирования семьи с ребенком-инвалидом: социологический анализ, 2024; Гостунская Я. И. Психолого-педагогическая компетентность родителей, воспитывающих детей с ОВЗ, 2021; Доброва-Крол Н. Раннее вмешательство: Ключевые аспекты

Анализ степени научной разработанности ранней помощи в процессе формирования семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка показал, что данное направление в науке исследовано недостаточно.

Цель исследования: выявить взаимосвязь ранней помощи и совокупности условий, обеспечивающих сформированность семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка.

Теоретико-методологическая основа исследования

Теоретико-методологическую основу изучения содержания категории «семья с нетипичным ребенком раннего возраста» составляют социокультурная концепция Е. Р. Ярской-Смирновой⁴, системно-экологический подход У. Бронфенбреннера⁵, З. Х. М. Саралиевой⁶, концепция влияния семьи на жизненный путь ребенка-инвалида М. В. Мироновой⁷. Для определения понятия «семейная адаптивная среда» были использованы ключевые теоретические разработки в области социальной адаптации Л. В. Корель⁸, М. В. Ромма⁹ и Ю. А. Афонькиной¹⁰, ресурсный подход П. Бурдые¹¹, ресурсно-потенциальный подход З. П. Замаараевой¹².

Сущность категории ранней помощи в процессе формирования семейной адаптив-

и международный опыт, 2014; Кравцов Ю. И., Бронников В. А. Обоснование адаптационно-регуляторного подхода к комплексной реабилитации детей с церебральными параличами, 2007; Мухамедрахимов Р. Ж., Самарина Л. В. Подготовка профессионалов для системы ранней помощи детям и семьям в Российской Федерации, 2020; Скворцова В. О. Образовательные программы для детей с отклонениями в интеллектуальном развитии, 2000; Судьин С. А. Семья как фактор психической инвалидизации, 2018.

⁴ Ярская-Смирнова Е. Р. Социокультурный анализ нетипичности, 1997; Смирнова Е. Р. Семья нетипичного ребенка, 1996.

⁵ Bronfenbrenner U. The Ecology of Human Development, 1979.

⁶ Саралиева З. Х. Семейная экосистема человека / З. Х. Саралиева, Г. Л. Воронин, С. А. Судьин, Д. А. Шпилев и др., 2018.

⁷ Миронова М. В. Влияние семьи на жизненный путь ребенка-инвалида, 2009.

⁸ Корель Л. В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики, 2005.

⁹ Ромм М. В. Социальная адаптация личности как объект философского анализа, 2003.

¹⁰ Афонькина Ю. А. Ресурсный потенциал семьи, воспитывающей ребенка с инвалидностью, 2018.

¹¹ Бурдые П. Социология социального пространства, 2007.

¹² Замаараева З. П. Ресурсно-потенциальный подход в системе социальной защиты населения России, 2019.

ной среды для нетипичного ребенка представлена в контексте содержания концепции социокультурной динамики П. Сорокина¹; системного и структурно-функционального подходов Э. Дюркгейма², Т. Парсонса³, Р. Мертона⁴; социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана⁵, теории институциональных изменений Д. Норта⁶, теории общества Э. Гидденса⁷, позволивших раскрыть вопрос институционализации ранней помощи. В работе также уделяется внимание взглядам российских социологов М. В. Вдовиной и Т. М. Мозговой⁸, чьи исследования внесли ценный вклад в содержание данной категории.

Эмпирическая база содержит результаты авторских социологических исследований.

1. «Оценка современного состояния и перспективы развития ранней помощи в Российской Федерации» — серия полуструктурированных интервью с экспертами. Исследование проведено в 2023 г. Способ формирования выборочной совокупности — целевой отбор методом снежного кома. Критерии отбора: профессиональная квалификация в сфере ранней помощи, дефектологии, психологии, социальной работы или смежных специальностях; опыт работы в сфере ранней помощи не менее трех-пяти лет; руководящая или ключевая роль в организации, к которой относится эксперт; представительство различных организаций — как федеральных, так и региональных научно-образовательных организаций, государственных учреждений, общественных организаций и неправительственных структур — в целях обеспечения разнообразия мнений и подходов к организации ранней помощи; участие в разработке, реализации или оценке

региональных программ ранней помощи. Продолжительность проведения интервью: от 30 до 120 минут. n = 9.

2. «Специфика взаимодействия специалистов ранней помощи с семьями с нетипичными детьми» — серия структурированных интервью со специалистами ранней помощи. Исследование проведено в 2024 г. Способ формирования выборочной совокупности — целевой отбор методом снежного кома. Критерии отбора: а) профессиональная квалификация в сфере ранней помощи; б) опыт оказания ранней помощи семьям с нетипичными детьми не менее двух лет; в) реализация программ ранней помощи на территории Пермского края. n = 16.

3. «Результативность программ ранней помощи детям и их семьям в Пермском крае» — анкетный опрос семей, получивших индивидуальную программу ранней помощи в Пермском крае. Исследование проведено в период 2023–2024 гг. Способ формирования выборочной совокупности — неслучайный, сплошной опрос (опрошены все доступные случаи). n = 180.

4. «Роль семьи нетипичного ребенка раннего возраста в реализации индивидуальной программы ранней помощи» — серия глубинных интервью с членами семей, получивших раннюю помощь. Исследование проведено в 2025 г. Для проведения глубинных интервью была сформирована выборочная совокупность из участников анкетирования. Способ формирования выборочной совокупности — целевой (отбор доступных случаев). Критерий отбора — получение семьей программы ранней помощи на территории Пермского края; согласие на проведение глубинного интервью. n = 20.

5. «Сравнительный анализ регионального опыта организации ранней помощи семьям с нетипичными детьми» — анализ документов. Исследование проведено в 2024 г. Для анализа были взяты источники, содержащие информацию о социально-экономическом положении регионов, численности детского населения раннего возраста и численности детей-инвалидов в исследуемых регионах, а также об опыте организации ранней помощи в таких субъектах Российской Федерации,

¹ Сорокин П. А. Система социологии, 2008.

² Парсонс Т. О. социальных системах, 2002.

³ Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура, 2006.

⁴ Дюркгейм Э. О. разделении общественного труда. Метод социологии, 1990.

⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания, 1995.

⁶ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики, 1997.

⁷ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуры, 2005.

⁸ Вдовина М. В., Сёмочкина Н. Н. Особенности и факторы функционирования семьи с ребенком-инвалидом: социологический анализ, 2024.

как Пермский край, Ставропольский край, Нижегородская область, Самарская область, Красноярский край и Иркутская область. Для проведения анализа учитывались следующие критерии отбора регионов: а) схожие социально-экономические и демографические характеристики; б) положение здоровья детского населения (уровень детской инвалидности); в) продолжительный опыт организации ранней помощи. Всего было проанализировано 32 источника.

Основные научные положения, вынесенные на защиту подготовленной автором диссертации

1. *Семья с нетипичным ребенком в рамках объективистского подхода* рассматривается в качестве системы, которая ориентирована на обеспечение своего гармоничного функционирования в условиях воспитания нетипичного ребенка. Ключевыми ее характеристиками в контексте данного подхода являются высокая ресурсная обеспеченность, гибкость и институциональная открытость, активное взаимодействие внутри системы и с внешней средой, а также развитая способность к адекватному реагированию на социальные, эмоциональные и материальные вызовы, что способствует эффективному преодолению трудных ситуаций и устойчивому функционированию в условиях повышенного стрессового фона.

С точки зрения *субъективистского подхода* такая семья рассматривается как динамичное пространственное и ценностное образование, где особое значение придается субъективной роли членов семьи: их личностным оценкам возможностей, ресурсов и индивидуальных особенностей в процессе воспитания нетипичного ребенка раннего возраста.

2. *Семейная адаптивная среда для нетипичного ребенка раннего возраста* представляет собой совокупность оптимальных условий организации его жизнедеятельности с учетом возрастных потребностей и особенностей развития, которые необходимы ему для раскрытия адаптационного потенциала и актуализации в качестве активного субъекта, обладающего возможностями для развития социально значимых навыков, что способствует успешной адаптации и самостоятельной жизни нетипичного ребенка в будущем.

Ключевыми элементами *семейной адаптивной среды* выступают адаптивные стратегии и модели в отношении нетипичного ребенка, которые реализуются в ходе повседневного социального взаимодействия, возникающего между нетипичным ребенком раннего возраста и его семьей с использованием внутрисемейных (оптимальный психоэмоциональный семейный климат, высокий уровень мотивации и ответственности, развитые коммуникативная, педагогическая и правовая компетентность членов семьи) и привлечением внесемейных ресурсов (поддержка со стороны близкого окружения, родительских сообществ, а также специализированных учреждений и служб (медицинских, социальных, образовательных)).

Результатами сформированности семейной адаптивной среды являются понимание и принятие ребенка родителями, развитие ребенка и повышение его активности, улучшение качества семейных отношений, нормализация жизни семьи, включение ребенка и его семьи в жизнь общества.

3. Ранняя помощь — это системно организованный, институционально обусловленный и целенаправленный процесс (*объективистский подход*), который проявляется в виде многоуровневого комплекса взаимосвязанных и последовательных действий, осуществляемых в рамках социального взаимодействия различных субъектов: государственных и негосударственных структур, специалистов, членов родительских сообществ, семей с нетипичным ребенком и т. д. (*субъективистский подход*) также обеспечивает научно обоснованную, комплексную и семейно-ориентированную поддержку, направленную на формирование благоприятной семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка раннего возраста.

4. Среди условий, определяющих функционирование ранней помощи при формировании семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка, представлены как внешние (*объективные*), так и внутренние (*субъективные*) условия. Внешние — это условия институционального характера, способствующие созданию благоприятной среды для реализации программ ранней помощи. Среди них: социально-экономические, политико-правовые,

пространственно-географические, территориальные, научно-исследовательские, профессионально-квалификационные, кооперационные.

Внутренние условия оказывают непосредственное влияние на формирование семейной адаптивной среды через системное воздействие и функциональные особенности семьи, а также посредством переориентации ее субъективной роли в процессе реализации индивидуальной программы ранней помощи. К ним могут быть отнесены: профилактические, рутинно-ориентированные, социализирующие, мотивационные, психосоциальные, образовательно-педагогические, коммуникативно-информационные, потребностно-удовлетворяющие, интеграционные. В качестве рисков и угроз, препятствующих функционированию ранней помощи в процессе формирования семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка, отметим недостаточную координацию между ведомствами и организациями, отсутствие или непроработанность нормативно-правовой базы, неразвитость инфраструктуры, ограниченную информационную доступность программ ранней помощи для родителей (лиц, их заменяющих), недостаток квалифицированных специалистов и/или их неэффективное методическое сопровождение, а также отсутствие единых стандартов и подходов при организации помощи семьям с нетипичными детьми. Кроме того, проблемы могут возникнуть в ходе непосредственного взаимодействия между специалистами и семьей при реализации индивидуальной программы ранней помощи, такие, например, как деструктивное эмоциональное состояние членов семьи и их недостаточная готовность к изменениям, а также коммуникационные барьеры. Внутренние риски и угрозы со стороны специалистов могут быть связаны с их недостаточной компетентностью, профессиональным выгоранием или командной разобщенностью.

5. Общероссийские тенденции развития ранней помощи характеризуются через системные признаки и условия институционализации этого процесса: целостность, иерархичность, взаимосвязь элементов, определение единых норм и требований к организации ранней помощи, а также установление системы статусов и ролей. Региональные особенности

развития ранней помощи проявляются в конкретных структурных и функциональных характеристиках. К ним относятся: наличие различных уровней оказания помощи, разнообразие состава ключевых субъектов (учреждения здравоохранения, образования, социальной защиты, НКО), дифференциация их функций, а также специфика линий взаимодействия между данными структурными элементами (*объективистский подход*). На основе данных экспертного опроса и сравнительного анализа регионального опыта организации ранней помощи семьям с нетипичными детьми выделяется ряд особенностей ее развития в исследуемых регионах.

Наблюдается неоднородность правовых основ, которая проявляется в разной степени формирования и внедрения нормативно-правовой базы, регулирующей сферу ранней помощи. Параллельно развиваются различные модели инфраструктуры. При этом реализуются федеральные инициативы и проекты, способствующие развитию данной деятельности, что обеспечивает регионы современными методами работы с семьями. Практика предоставления помощи отличается многообразием подходов: от медицинских и педагогических до психологических технологий. Используются различные формы организации работы специалистов — очные, групповые, дистанционные и домашние визиты. Активно внедряются современные цифровые технологии, что повышает эффективность и доступность программ. Важным направлением развития системы является подготовка специалистов и организация научно-исследовательской деятельности, что формирует базу для постоянного повышения качества оказания ранней помощи.

Однако, несмотря на то что в регионах в целом создаются условия, направленные на ее полноценное функционирование (социально-экономические, политико-правовые, пространственно-географические, территориальные, научно-исследовательские, профессионально-квалификационные, кооперационные), отдельные из перечисленных направлений не обеспечивают создание благоприятной семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка.

По результатам исследования отмечены:

- недостаточность нормативно-правовой базы, регулирующей сферу ранней помощи;
- проблема государственного финансирования;
- неразвитость системного социального взаимодействия между субъектами ранней помощи:
 - межведомственная разобщенность,
 - разное понимание собственной роли субъекта в рамках данного взаимодействия,
 - проблема преемственности в реализации программ ранней помощи и их подмены услугами,
 - незначительная роль негосударственного сектора в данных условиях;
- проблема доступности программ ранней помощи по месту жительства;
- невысокий уровень материально-технической оснащенности организаций;
- различия в подходах и методах оказания ранней помощи, применяемых в региональных организациях;
- высокая потребность в профессиональной квалификации и специализированной подготовке специалистов ранней помощи, необходимость в разработке профессиональных стандартов.

6. Оценивание результатов деятельности ранней помощи проведено на микроуровне в организации, где центральное значение приобретает социальное взаимодействие специалистов и семьи как ведущих акторов, формирующих адаптивную среду для развития нетипичного ребенка (*субъективистский подход*). На основе эмпирических данных социологического исследования, проведенного в Пермском крае, в целом отмечается значимость выстраиваемых партнерских отношений между специалистами ранней помощи и родителями (лицами, их заменяющими), при этом семьи чаще всего удовлетворены результатами реализации индивидуальной программы ранней помощи. Исследование показало, что дети демонстрируют активное участие в выполнении бытовых и социальных рутинных действий (индекс удовлетворенности (I) = 0,33), при этом наиболее выраженными аспектами являются развитие привязанности к значимым взрослым (индекс удовлетворенности (I)

= 0,70) и формирование навыков социального взаимодействия (индекс удовлетворенности (I) = 0,48). Но крайне актуальными для семей остаются проблемы по отношению к нетипичному ребенку в области контроля эмоций (индекс удовлетворенности (I) = 0,09), установления межличностных отношений со сверстниками (индекс удовлетворенности (I) = 0,13), а также понимания социальных норм (индекс удовлетворенности (I) = 0,20).

По данным анкетного опроса, большинство семей заявили о позитивном влиянии программ ранней помощи на формирование семейной адаптивной среды. Более 80 % участников сообщили о повышении уровня понимания своего ребенка и улучшении семейных отношений, связанных с воспитанием. При этом 77 % отметили улучшение способности справляться с повседневными задачами, а 72 % — активное включение ребенка в общественную жизнь, в том числе посещение детских садов и участие в досуговых мероприятиях.

Однако итоги оценки связи исследуемых нами внутренних условий с анализируемыми показателями сформированности семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка свидетельствуют о том, что лишь некоторые из них оказывают статистически значимое влияние. В частности, выделяются образовательно-педагогические компетенции родителей, способствующие развитию и воспитанию ребенка, которые вносят наиболее существенный вклад в результативность процесса формирования семейной адаптивной среды. Максимально позитивное влияние оказывает навык поиска различных видов деятельности для ребенка в повседневной жизни (значение коэффициента гамма Гудмена-Краскела: $\gamma = 0,572$ при $p \leq 0,05$). Также значимое влияние демонстрируют умения родителей использовать специальные методы для обучения и коррекции поведения ребенка (значение коэффициента гамма Гудмена-Краскела: $\gamma = 0,572$ при $p \leq 0,05$).

На показатели нормализации привычного хода жизни семьи и интеграции ребенка в общество оказывают влияние навыки по организации для него безопасной и развивающей среды, а также поиск различных видов деятельности в повседневной жизни, в которых ребенок может проявить себя (значение коэф-

фициента гамма Гудмена-Краскела: $\gamma = 0,489$ при $p \leq 0,05$). Обратное влияние наблюдается в случае побуждения ребенка к выполнению действий в пределах его возможностей, что не способствует улучшению данных показателей.

Доступ семьи к желаемым программам и услугам по месту жительства, а также участие в общественных мероприятиях, праздниках и встречах с друзьями и коллегами способствуют значительному включению ребенка в жизнь общества (значение коэффициента гамма Гудмена-Краскела: $\gamma = 0,298$ и $0,329$ при $p \leq 0,05$). При этом в ходе исследования не обнаружена зависимость сформированности семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка раннего возраста от социально-экономического статуса семьи.

В результате качественного исследования выявлен ряд проблем, препятствующих эффективности взаимодействия между профессионалами и семьями. Деятельность специалистов в основном направлена на развитие необходимых навыков у нетипичных детей, а также коррекцию имеющихся нарушений. При этом их работа в меньшей степени ориентирована на поддержку родителей (лиц, их заменяющих), в том числе на повышение доступа семьи к внешним ресурсам среды со стороны ближайшего окружения, родительских сообществ, а также специализированных учреждений и служб. В то же время семьи отмечают такие проблемы, как недостаток финансовых и информационных ресурсов, социальной и правовой поддержки, трудности адаптации детей в дошкольных учреждениях и реализации родительских компетенций, ограниченность во взаимодействии с внешними структурами и в развитии социальных связей, несмотря на явную потребность в такой поддержке.

Серия интервью, проведенная со специалистами и семьями, позволяет заключить, что конструктивное и целенаправленное взаимодействие между ними ограничивается недостаточной подготовленностью специалистов для работы с семьей, отсутствием апробированных для этого методов и методик, которые могли бы обеспечить эффективное взаимодействие с ними. Также подчеркивается необходимость уточнения профессиональной роли специалиста по социальной работе в междисциплинар-

ной команде, в частности, в качестве координатора программ и услуг, ориентированных на удовлетворение дополнительных потребностей и организацию социального сопровождения семьи.

7. Направления совершенствования ранней помощи предполагают разработку и внедрение практических рекомендаций для реализации разработанной теоретической модели ранней помощи как процесса формирования семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка, включающей в себя иерархическую (уровневую) структуру, совокупность регулирующих данную деятельность условий, а также конкретизацию форм социального взаимодействия с различными субъектами, в том числе с семьей, воспитывающей нетипичного ребенка. Реализация представленных рекомендаций в процессе оказания ранней помощи позволяет системно и комплексно осуществлять поддержку семей, формировать устойчивую и поддерживающую семейную среду для социальной адаптации нетипичного ребенка в микросреде с учетом актуализации внутренних и внешних ресурсов семьи.

Теоретическая значимость исследования заключается в рассмотрении и систематизации теоретико-методологических подходов к определению содержания ключевых категорий исследования: «нетипичный ребенок раннего возраста», «семья с нетипичным ребенком раннего возраста», «ранняя помощь», «семейная адаптивная среда для нетипичного ребенка раннего возраста». Раскрыта роль ранней помощи как процесса, формирующего семейную адаптивную среду для нетипичного ребенка через совокупность условий. Положения и выводы, сформулированные в результате проведенного исследования, могут представлять интерес для социологии социальной сферы.

Практическая значимость нашего исследования определяется возможностью использования его результатов:

- 1) для развития ранней помощи в регионах России;
- 2) при применении модели организации ранней помощи в условиях формирования семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка;

3) для разработки новых или дополнения содержания существующих вузовских курсов: «Социология семьи», «Социология инвалидности», «Социология социальной работы», «Социология социальной сферы». «Социология нетипичности».

Теоретико-методологические основы исследования ранней помощи в процессе формирования семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка

Исследование категории «семья с нетипичным ребенком раннего возраста» в социологии. Нами рассмотрены научные подходы, позволяющие объяснить феномен нетипичности в отношении детей раннего возраста, на основе проведенного анализа выделены и обоснованы категории детей, которые могут быть охарактеризованы как нетипичные. Особое внимание уделяется анализу семей, воспитывающих нетипичных детей.

Объективистский подход позволяет рассматривать семью в качестве системы, акцентировать внимание на особенностях выполнения ею основных и дополнительных функций, реализации социальных ролей. Гармоничное функционирование семьи способствует стабильности семейных отношений, гибкости и открытости семейной системы при взаимодействии с внешней средой.

Субъективистский подход акцентирует внимание на субъективных интерпретациях внутри семьи относительно имеющихся у нетипичного ребенка отклонений развития, что определяет возможности развития у него навыков и способностей, необходимых для успешной адаптации.

Таким образом, семья для нетипичного ребенка раннего возраста является первичной средой, формирующей практики взаимодействия, ресурсы и адаптационные стратегии в отношении него. В исследовании определены элементы семейной адаптивной среды, а также результаты ее сформированности.

Развитие научных взглядов на сущность понятия «ранняя помощь» в процессе формирования семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка. В исследовании про-

веден анализ научных взглядов, позволивший уточнить сущностные аспекты понятия «ранняя помощь», которые раскрываются в контексте сочетания двух ключевых социологических парадигм. С одной стороны, ранняя помощь является продуктом сформированной нормативно-ценностной системы общества и реализуется «сверху» в виде государственных стратегий и общенациональных программ. Конкретными формами такого воплощения служат централизованное финансирование, создание единой методологической базы и разработка законодательно закреплённых стандартов деятельности для профильных служб, что является отражением *объективистского подхода*.

С другой стороны, в русле *субъективистского подхода* ее регулярное воспроизводство и интернализация в объективную реальность определяется субъективными позициями взаимодействующих друг с другом индивидов и групп. Эти позиции, в свою очередь, формируются на основе их индивидуальных потребностей и интересов.

В контексте исследования понятие «ранняя помощь» определяется нами через связь с категорией «процесс». Он основан на взаимодействии субъектов разного типа и уровня: специалистов, родителей, организаций и более крупных институциональных образований. Целью этого взаимодействия является обеспечение научно обоснованной, комплексной, междисциплинарной и семейно-ориентированной помощи семьям с нетипичными детьми раннего возраста, направленной на создание условий для социальной адаптации ребенка в семейной среде.

Условия функционирования ранней помощи в процессе формирования семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка. В основе обеспечения функционирования ранней помощи как процесса, направленного на формирование семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка, лежат *внешние (объективные)* и *внутренние (субъективные)* условия. *Внешние* представляют собой условия институционального характера, способствующие созданию благоприятной среды для реализации программ ранней помощи. *Внутренние* отражают активную роль семьи

и специалистов ранней помощи как ведущих акторов процесса, формирующих семейную адаптивную среду, в рамках реализации индивидуальной программы.

Влияние данных условий проявляется в контексте сочетания *объективистской* и *субъективистской* парадигм. С точки зрения *объективистского* подхода внешние условия формируют институциональную среду для реализации программ ранней помощи, в то время как внутренние оказывают влияние на функции семьи. *Субъективистский* подход раскрывается через интерпретацию и оценку этих условий самими субъектами разных типов и уровней, а также через их повседневные практики, коммуникативные стратегии, субъективные ожидания и представления о своих потребностях в ходе оказания ранней помощи. При этом проявляющиеся в ходе оказания ранней помощи риски и угрозы, как внешнего (инсти-

туционального), так и внутреннего (субъектно-личностного) характера, могут существенно ограничивать результат сформированности адаптивной среды для нетипичного ребенка.

На основе данного социологического представления о ранней помощи в параграфе представлена теоретическая уровневая модель ранней помощи, которая описывает ее с позиции процесса формирования семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка. В модели выделены уровни, субъекты и механизмы взаимодействия между ними (включая прямую и обратную связь), а также совокупность условий, обеспечивающих ее эффективное функционирование (рис. 1).

Теоретическая модель оказания ранней помощи (на микроуровне) включает семью и ближайшее окружение нетипичного ребенка, с которыми специалисты ранней помощи взаимодействуют непосредственно (рис. 2).

Рис. 1. Теоретическая уровневая модель ранней помощи в процессе формирования семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка

Рис. 2. Теоретическая модель ранней помощи в процессе формирования семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка на микроуровне

Оценка результатов деятельности ранней помощи в процессе формирования семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка

Общероссийские тенденции и региональные особенности ранней помощи в процессе формирования семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка в России» рассмотрены этапы и тенденции развития ранней помощи в России: инновационно-адаптационный (1990–2010 гг.), диффузный (2011–2018 гг.) и институциональный (2019 г. — настоящее время). Современный (институциональный) этап описан на основе результатов авторского эмпирического исследования, состоящего из двух компонентов: экспертного опроса и сравнительного анализа опыта организации ранней помощи в субъектах Российской Федерации на основе анализа документов.

Результаты экспертного опроса и данные сравнительного анализа свидетельствуют о том, что, несмотря на очевидную направленность на интеграцию ранней помощи в существующие институциональные системы, обнаруживается неоднородность ее размещения в них, что обусловлено спецификой условий внешнего характера, уникально складывающихся для каждого региона. В этом смысле

подчеркнем, что ранняя помощь демонстрирует адаптивную зависимость от локальных институциональных условий и сложившегося регионального опыта.

Оценка результативности ранней помощи как уровня сформированности семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка (на основе эмпирических данных социологического исследования в Пермском крае». Результаты авторского социологического исследования в качественной традиции позволили выявить особенности социального взаимодействия между специалистами ранней помощи и семьей нетипичного ребенка (рис. 3).

Интерпретация полученных данных позволила сделать вывод о существовании разрыва между ожиданиями семей и возможностями специалистов ранней помощи.

В параграфе приведены результаты количественного исследования, проведенного методом анкетирования членов семей, воспитывающих нетипичных детей, получивших программу ранней помощи. Данное исследование позволило представить субъективную оценку результатов деятельности ранней помощи в процессе формирования семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка и определить уровень ее сформированности, отра-

ВЗГЛЯД СПЕЦИАЛИСТОВ	ВЗГЛЯД СЕМЕЙ С НЕТИПИЧНЫМИ ДЕТЬМИ
Чаще воспринимают себя как наставников, а родителей — как исполнителей индивидуальной программы ранней помощи	Считают раннюю помощь необходимой для коррекции задержек в развитии ребенка, осознавая важность раннего вмешательства
В большей степени используют в работе коррекционные и игровые методы, ориентированные на ребенка	Подчеркивают необходимость работы не только с ребенком, но и с родителями: регулярное взаимодействие, обучение стратегиям и поддержке в семейной среде
Испытывают сложности при взаимодействии с родителями в связи с имеющимися у них психоэмоциональными переживаниями, неприятием ситуации	Испытывают большую потребность в эмоциональной поддержке, регулярных консультациях, большем объеме занятий и помощи в обучении навыкам самообслуживания
Выражают трудности в активизации ресурсов семьи и привлечении внешней поддержки	Акцентируют внимание на учете семейных потребностей и индивидуальном подходе
Указывают на низкую вовлеченность семей в реализацию программ ранней помощи	Подчеркивают важность открытости специалистов к вопросам, их активного общения с семьей и разнообразия каналов коммуникации
Отмечают случаи деструктивного взаимодействия и недоверия к рекомендациям специалистов	Высоко оценивают значимость доступности и качества программ, квалификации специалистов

Рис. 3. Особенности социального взаимодействия между специалистами ранней помощи и семьями с нетипичным ребенком (по данным исследований)

жающий степень развития семейных ресурсов, взаимодействий и условий, необходимых для успешной социальной адаптации нетипичного ребенка в семейной среде.

Анализ полученных данных показал, что семьи в целом положительно оценивают результаты, достигнутые в ходе реализации индивидуальной программы ранней помощи. Согласно представленным данным, большинство семей отметили достаточно высокую степень их позитивного влияния на социальные аспекты жизни ребенка и семьи.

Для оценки условий влияния ранней помощи на сформированность семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка использовался статистический коэффициент ранговой корреляции (гамма) Гудмана и Крускала, что позволило установить связь между результатами сформированности семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка в ходе реализации индивидуальной программы ранней помощи и складывающимися условиями ее реализации (специалистами и родителями), а также ее направленность. Среди рассматриваемых нами условий весомое значение имеют *образовательно-педагогические, потребностно-удовлетворяющие*

и коммуникативно-информационные, что подтверждается статистическим анализом (рис. 4).

Следует также отметить, что даже после реализации индивидуальных программ ранней помощи семьи нередко остаются ограниченными в взаимодействии с внешними организациями и в развитии социальных связей.

По результатам исследования нами предложены практические рекомендации для реализации представленной теоретической модели в современных российских условиях.

Подводя итоги исследования, мы сформулировали **основные выводы** о том, что функционирование ранней помощи как процесса, направленного на формирование семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка, зависит как от внешних (объективных) условий, которые представлены спецификой институционального характера и способствуют созданию благоприятной среды для реализации программ ранней помощи, так и от внутренних (субъективных), которые формируются в ходе социального взаимодействия между специалистами ранней помощи и семьями с нетипичным ребенком в процессе реализации индивидуальной программы ранней помощи и непосредственно влияют на

Показатели результативности		Понимание и принятие ребенка родителями	Развитие ребенка, повышение его активности в повседневной жизни	Улучшение качества семейных отношений	Нормализация привычного хода жизни семьи	Включение ребенка и семьи в жизнь общества
Условия ранней помощи	Эмпирический индикатор	Значение коэффициента ранговой корреляции (гамма) Гудмена и Краскала (отмечена значимость связи при $p \leq 0,05$)*				
Образовательно-педагогические	Использование специальных методов для обучения и коррекции поведения ребенка	0,572*	0,388	0,347	0,326	0,300
	Организация безопасной и стимулирующей среды для развития ребенка	0,338	0,275	0,358	0,490	0,434*
	Мотивация ребенка к действиям в пределах его возможностей	−0,053	−0,243	−0,260	−0,384*	−0,464*
	Поиск различных видов деятельности для ребенка	0,336	0,571*	0,473*	0,489*	0,443*
Коммуникативно-информационные	Возможность участвовать в общественных мероприятиях и встречах	0,281	0,330	0,237	0,309	0,329*
Потребностно-удовлетворяющие	Доступ к желаемым программам и услугам по месту жительства	0,081	0,152	0,138	0,257	0,298*

Рис. 4. Результаты оценки связи различных условий с анализируемыми показателями сформированности семейной адаптивной среды для нетипичного ребенка

создание семейной адаптивной среды, оказывая системное воздействие на функциональные особенности и субъективную трансформацию семьи из пассивного получателя помощи в активного агента, способного к мобилизации внутренних ресурсов и актуализации внешней поддержки.

Результаты проведенного социологического анализа могут быть приняты во внимание

теми регионами, где уже активно развивается или формируется практика ранней помощи. В качестве перспективы представляется актуальным проведение глубокого и качественного анализа особенностей развития и функционирования ранней помощи в процессе формирования семейной адаптивной среды в других субъектах Российской Федерации.

КАФЕДРА: НАУЧНАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ

DEPARTMENT: SCIENTIFIC PRESENTATION

От редакции

В первом номере журнала 2012 года мы учредили рубрику «Кафедра: научная презентация». Цель этой рубрики состоит в том, чтобы представить на страницах журнала результаты научных исследований профессорско-преподавательского состава, аспирантов и соискателей кафедр социальной работы высших учебных заведений России. Ведь именно в рамках этих кафедр сегодня осуществляется разработка научных основ социальной работы, именно на кафедрах трудятся практически все ведущие ученые в этой области научных знаний.

Честь открыть новую рубрику была предоставлена кафедре социальной работы Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова (ректор университета — профессор Н. М. Рассадин); заведующий кафедрой — доктор педагогических наук, профессор Николай Федорович Басов.

За четырнадцать лет был презентован целый ряд ведущих научных коллективов страны в сфере социальной работы¹:

кафедра теории и технологии социальной работы государственного автономного учреждения «Институт переподготовки и повышения квалификации руководящих кадров и специалистов системы социальной защиты населения города Москвы» (директор — доктор исторических наук, профессор Е. И. Холостова); заведующая кафедрой — доктор философских наук, профессор Людмила Ивановна Кононова (кафедра презентовалась дважды: в 2012 и 2017 годах);

кафедра теории и практики социальной работы факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (заведующий кафедрой — доктор философских наук, профессор Вячеслав Николаевич Келасьев);

кафедра теории и технологии социальной работы Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы (ректор — доктор психологических наук, профессор Ю. П. Платонов), заведующая кафедрой — доктор педагогических наук, профессор Наталья Михайловна Платонова);

кафедра социологии, социальной антропологии и социальной работы Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.» (ректор — доктор исторических наук, профессор И. Р. Плева); заведующая кафедрой — доктор социологических наук, профессор Наталия Игоревна Ловцова);

кафедра социальной работы юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (президент — доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации В. В. Маланин, ректор — доктор физико-математических наук, доцент И. Ю. Макарихин), заведующая кафедрой — доктор социологических наук, профессор Зинаида Петровна Замараева (кафедра презентовалась дважды: в 2013 и 2018 годах);

кафедра педагогики профессионального образования и социальной деятельности Ульяновского государственного университета (ректор — доктор физико-математических наук, профессор Б. М. Костишко), заведующая кафедрой — доктор педагогических наук, профессор Наталья Борисовна Шмелева;

¹ Ф. И. О. и должности коллег, упомянутых ниже (ректоров, деканов и заведующих кафедрами), их научная степень и ученое звание, наименования вузов, факультетов и кафедр приводятся на момент публикации материалов о них.

кафедра социальной работы Мордовского государственного университета (президент — доктор экономических наук, профессор Н. П. Макаркин; ректор — кандидат экономических наук С. М. Вдовин), заведующий кафедрой — доктор социологических наук, профессор Леонид Иванович Савинов;

кафедры факультета социальной работы, педагогики и ювенологии Российского государственного социального университета (декан факультета — доктор педагогических наук, профессор, заместитель председателя Совета Учебно-методического объединения вузов России по образованию в области социальной работы Валерия Викторовна Сизикова); кафедра теории и методологии социальной работы (заведующая кафедрой — доктор исторических наук, профессор Лариса Ивановна Старовойтова); кафедра социальных технологий (заведующая кафедрой — доктор педагогических наук, профессор Валерия Викторовна Сизикова); кафедра социальной и семейной педагогики (заведующий кафедрой — доктор педагогических наук, профессор Лев Владимирович Мардахаев); кафедра семейной, гендерной политики и ювенологии (заведующая кафедрой — доктор педагогических наук, профессор Надежда Михайловна Романенко);

кафедра социально-педагогических наук, социологии и политологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (ректор — доктор физико-математических наук, профессор В. А. Панин), заведующий кафедрой — доктор педагогических наук, профессор Владимир Андреевич Фокин;

кафедра социальной работы Сыктывкарского государственного университета (ректор — кандидат юридических наук, доцент М. Д. Истиховская), заведующая кафедрой — кандидат философских наук, доцент Ирина Анатольевна Козырева;

кафедра социальной работы и прикладной психологии Ивановского государственного университета (ректор — доктор экономических наук, профессор В. Н. Егоров), заведующий кафедрой — первый проректор ИвГУ, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАН Владимир Иванович Назаров;

кафедра социологии и социальной работы федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Курганский государственный университет» (и.о. ректора — доктор технических наук, М. М. Ерихов), заведующий кафедрой — кандидат философских наук, доцент Василий Иванович Корниенко;

кафедра экономической теории и социальной работы Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский государственный медицинский университет» Минздрава России (ректор — доктор медицинских наук А. С. Созинов), заведующая кафедрой — доктор экономических наук, доцент Маргарита Николаевна Максимова;

кафедра педагогики и социальной работы факультета образовательных технологий и дизайна Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Псковский государственный университет» (ректор — кандидат социологических наук Ю. А. Демьяненко), заведующая кафедрой — кандидат педагогических наук, доцент Светлана Борисовна Калинина;

кафедра социальной работы Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Вятский государственный гуманитарный университет» (ректор — Юнгблюд Валерий Теодорович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации), заведующая кафедрой — кандидат педагогических наук, доцент Марина Ивановна Лучинина.

кафедра социальной психологии и социальной работы Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина» (исполняющий обязанности ректора — Минаев Андрей Иванович, доктор исторических наук, доцент), заведующий кафедрой — доктор психологических наук, профессор Анатолий Николаевич Сухов;

кафедра общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (ректор — Чупрунов Евгений Владимирович, доктор физико-математических наук, профессор),

заведующая кафедрой — доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна Саралиева;

кафедра социальных технологий Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (ректор — Боровская Марина Александровна — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАО), заведующий кафедрой в период 2005–2016 гг. — доктор философских наук, профессор Евгений Петрович Агапов;

кафедра «Социальные технологии» Федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования (ФГБУВО) «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления», г. Улан-Удэ, Республика Бурятия (ректор — доктор экономических наук, профессор В. Е. Сактоев); заведующая кафедрой — доктор медицинских наук, профессор Юлия Юрьевна Шурыгина.

кафедра социальной работы факультета социальной работы Российского государственного социального университета (ректор — Починок Наталья Борисовна, доктор экономических наук, доцент), заведующий кафедрой — кандидат социологических наук, доцент Янина Васильевна Шимановская;

кафедра социальной работы Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург (ректор — Кокишаров Виктор Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент), заведующий кафедрой — доктор социологических наук, профессор Алевтина Викторовна Старшинова;

департамент социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (ректор — Анисимов Никита Юрьевич, кандидат физико-математических наук, доцент), директор департамента — кандидат исторических наук, профессор Ирина Геннадьевна Кузина;

кафедра социальной работы факультета социологии Федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования (ФУБОУ ВО) «Алтайский государственный университет» (ректор — Бочаров Сергей Николаевич, доктор экономических наук, профессор), заведующий кафедрой — кандидат социологических наук, доцент Светлана Георгиевна Чудова;

кафедра теории и технологии социальной работы Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева (ректор — Богатырев Владимир Дмитриевич, доктор экономических наук, профессор), заведующий кафедрой — доктор педагогических наук, профессор Людмила Васильевна Куриленко;

кафедра социальной медицины и социальной работы факультета социальной работы Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный медико-стоматологический университет им. А. И. Евдокимова» Минздрава России (ректор — Янушевич Олег Олегович, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач Российской Федерации), заведующий кафедрой — член-корр. РАО, доктор медицинских наук, профессор Александр Владимирович Мартыненко;

кафедра социальной работы Удмуртского государственного университета (ректор — Мерзлякова Галина Витальевна, доктор исторических наук, профессор), заведующий кафедрой — кандидат педагогических наук, доцент Ольга Владимировна Солодянкина.

кафедра социальной работы Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ректор — протоиерей Владимир Николаевич Воробьев, кандидат физико-математических наук, доктор богословия, профессор кафедры практического богословия, заведующий отделом новейшей истории Русской Православной Церкви), заведующий кафедрой — кандидат исторических наук, доцент Татьяна Валерьевна Зальцман;

кафедра педагогики и социальной работы Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова (ректор — Игорь Олегович Петрищев), заведующий кафедрой — доктор педагогических наук, профессор Марина Михайловна Шубович;

кафедра социальной работы Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина (ректор — Стромов Владимир Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент), заведующий

кафедрой — доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы Надежда Васильевна Курилович;

кафедра «Социальная работа и педагогика» ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (врио ректора — Смирнов Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент), заведующий кафедрой — академик Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, директор Института педагогического образования и социальных технологий Игорь Давыдович Лельчицкий;

кафедра общей социологии и социальной работы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (ректор — Загайнова Елена Вадимовна, доктор медицинских наук, доцент, член-корреспондент Российской академии наук), заведующий кафедрой — доктор социологических наук, профессор Сергей Александрович Судьин.

кафедра социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (ректор — Груздев Михаил Владимирович, доктор педагогических наук, доцент), заведующий кафедрой — кандидат педагогических наук, доцент Татьяна Витальевна Макеева;

кафедра социальной работы и безопасности жизнедеятельности ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России (ректор — Лазаренко Виктор Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор), заведующий кафедрой — Татьяна Алексеевна Шульгина, кандидат психологических наук, доцент;

кафедра социальной работы Федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Забайкальский государственный университет» (ректор — Мартыненко Оксана Олеговна, кандидат химических наук), заведующий кафедрой — Жилиева Марианна Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент;

кафедра общественно-социальных институтов и социальной работы Российского государственного социального университета (ректор — Хазин Андрей Леонидович, кандидат исторических наук, профессор), заведующий кафедрой — Евгений Шлёмович Гонтмахер, доктор экономических наук, профессор;

кафедра социальных и информационных технологий ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» (ректор — Рабаданов Муртазали Хулатаевич, доктор физико-математических наук, профессор), заведующий кафедрой — Магдиева Нателла Тахмановна, кандидат медицинских наук, доцент.

В этом номере журнала Вашему вниманию, уважаемые коллеги, представляется

**КАФЕДРА ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ
ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНОГО ИНЖИНИРИНГА ФЕДЕРАЛЬНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «СИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ ИМЕНИ АКАДЕМИКА М. Ф. РЕШЕТНЁВА»**

**(заведующий кафедрой —
ГУДОВСКИЙ ИГОРЬ ВИТАЛЬЕВИЧ,
кандидат педагогических наук, доцент)**

**DEPARTMENT OF PSYCHOLOGY, PEDAGOGY AND SOCIAL WORK, INSTITUTE OF
SOCIAL ENGINEERING OF THE FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL
INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION «SIBERIAN STATE UNIVERSITY OF
SCIENCE AND TECHNOLOGY NAMED AFTER ACADEMICIAN M. F. RESHETNEV»**

**(Head of Department —
IGOR VITALYEVICH GUDOVSKY,
PhD (Pedagogical Sciences), Associate Professor)**

**КАФЕДРА ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ
ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНОГО ИНЖИНИРИНГА СИБИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА М. Ф. РЕШЕТНЁВА: ПУТЬ СТАНОВЛЕНИЯ,
СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ**

И. В. Гудовский

Гудовский Игорь Витальевич — кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии, педагогики и социальной работы Института социального инжиниринга Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика М. Ф. Решетнёва», Красноярск.

Контактный адрес: igud@mail.ru

В период глубоких социально-экономических и культурных преобразований, которые переживает современное общество, возрастают требования к подготовке специалистов, которые способны сочетать фундаментальные знания с практическими навыками, проявлять гибкость в условиях изменяющихся социальных реалий, обладать критическим мышлением и высоким уровнем профессиональной культуры. Это детерминирует особое значение кафедр высшей школы — важнейших научно-педагогических подразделений, где формируются образовательные программы, осуществляется научный поиск, закладываются основы профессионализма будущих специалистов.

В статье автор раскрывает путь становления, современный этап и потенциал развития кафедры психологии, педагогики, и социальной работы ФГБУ «Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика М. Ф. Решетнёва» — одной из ведущих кафедр в системе социального образования России.

Ключевые слова: кафедра; подготовка специалистов; преподаватели; студенты; психология; педагогика; социальная работа.

**DEPARTMENT OF PSYCHOLOGY, PEDAGOGY AND SOCIAL WORK
OF THE INSTITUTE OF SOCIAL ENGINEERING OF THE SIBERIAN
STATE UNIVERSITY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY NAMED AFTER
ACADEMICIAN M. F. RESHETNEV: THE PATH OF FORMATION,
THE CURRENT STAGE AND DEVELOPMENT POTENTIAL**

I. V. Gudovsky

Igor Vitalyevich Gudovsky — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Psychology, Pedagogy, and Social Work at the Institute of Social Engineering, Siberian State University of Science and Technology named after Academician M. F. Reshetnev, Krasnoyarsk.

Contact: igud@mail.ru

During the profound socioeconomic and cultural transformations that modern society is experiencing, demands are increasing on the training of specialists who are able to combine fundamental knowledge with practical skills, demonstrate flexibility in the face of changing social realities, possess critical thinking skills, and possess a high level of professional culture. This determines the special importance of higher education departments — the most important scientific and pedagogical units where educational programs are developed, scientific research is conducted, and the foundations for the professionalism of future specialists are laid.

In this article, the author discusses the development path, current stage, and potential for the development of the Department of Psychology, Pedagogy, and Social Work at the Siberian State University of Science and Technology named after Academician M. F. Reshetnev. Reshetnev — one of the leading departments in the Russian social education system.

Keywords: *department; specialist training; faculty; students; psychology; pedagogy; social work.*

Современное общество переживает период глубоких социально-экономических и культурных преобразований, что выдвигает новые требования к системе образования и социальной сферы. Особое значение приобретает подготовка специалистов, способных сочетать фундаментальные знания с практическими навыками, проявлять гибкость в условиях изменяющихся социальных реалий, обладать критическим мышлением и высоким уровнем профессиональной культуры. В этих условиях ведущую роль играют научно-педагогические подразделения высшей школы, где формируются образовательные программы и создаются основы научного поиска, направленного на решение актуальных задач общества.

Кафедра психологии, педагогики и социальной работы Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнёва (или, как его часто называют, Университета Решетнёва) является примером такого научно-образовательного центра. Она была создана в результате объединения двух самостоятельных отделений — кафедры психологии и кафедры педагогики и социальной работы. Это решение стало не просто административным шагом, а событием, позволившим соединить научные традиции, образовательные методики и практикоориентированные подходы в единое целое. В результате возник коллектив, в котором психология, педагогика и социальная работа взаимодействуют не изолированно, а в формате междисциплинарного сотрудничества.

Сегодня кафедра представляет собой не только структурное подразделение университета, но и целостное научное и образовательное сообщество, вносящее значимый вклад в развитие современной психолого-педагогической и социальной мысли. Здесь органично сочетаются исследовательская деятельность и образовательный процесс, что позволяет разрабатывать новые подходы и готовить специалистов, способных внедрять их в практику. Таким образом, кафедра выполняет важную миссию — соединяет науку, образование и социальную практику, подтверждая свою ключевую роль в формировании профессионального и культурного пространства региона и страны в целом.

Кафедра психологии, педагогики и социальной работы (сокращённое наименование — ППСР) сегодня является структурным подразделением Института социального инжиниринга Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнёва. Её появление 1 сентября 2024 года (приказ ректора от 13.06.2024 г. № 660) стало итогом многолетнего развития психолого-педагогического и социального образования в Красноярском крае, а также отражением общего процесса гуманитаризации высшей школы в России.

Формально кафедра образовалась в результате объединения двух самостоятельных отделений — кафедры психологии и педагогики и кафедры социальной работы и социологии. Однако её истоки уходят в 1990-е годы, когда в университете начали активно развиваться психолого-педагогическое направление и подготовка специалистов в сфере социальной работы. Эти направления не только дополняли технические и инженерные специальности, но и формировали новое гуманитарное измерение образовательного пространства вуза. Обратимся к истории обеих.

Началом становления кафедры психологии можно считать 1990 год. Именно тогда, 29 июня, на основании решения Учёного совета Сибирского технологического института был издан приказ № 121–0 о создании кафедры инженерной психологии и педагогики. Это было решение, во многом опередившее своё время: в условиях преимущественно технической направленности вуза появилось подразделение, ориентированное на формирование психолого-педагогических компетенций.

Новое структурное звено было включено в состав факультета переработки природных соединений. Этот факт подчёркивает междисциплинарный характер кафедры: она призвана была не только обеспечивать гуманитарную составляющую инженерного образования, но и разрабатывать

принципы психологического и педагогического сопровождения профессиональной деятельности специалистов технического профиля.

В дальнейшем кафедра неоднократно трансформировалась, отражая меняющиеся потребности высшей школы и образовательной политики государства. Так, приказом ректора Сибирского государственного технологического университета от 12 марта 1999 года № 154–0 она была переименована в кафедру психологии и педагогики. Новое наименование символизировало закрепление за кафедрой более широкого спектра задач: от преподавания базовых дисциплин гуманитарного цикла до подготовки специалистов в области образования и психологии труда.

Параллельно с развитием психолого-педагогической кафедры в университете постепенно формировалось направление подготовки специалистов в области социальной работы. Оно возникло в ответ на запрос времени: начало 1990-х годов ознаменовалось становлением системы социальной защиты населения в постсоветской России, и стране требовались новые кадры — профессиональные социальные работники, способные решать задачи адаптации, поддержки и защиты различных категорий населения.

Уже в 1992 году в Сибирском государственном технологическом университете стартовала подготовка специалистов высшей квалификации по социальной работе. Первоначально образовательный процесс обеспечивался силами преподавателей гуманитарного факультета, однако быстро стало очевидно, что данное направление требует собственного выпускающего подразделения.

В январе 1996 года был сделан следующий важный шаг — открыта кафедра социальной работы и социологии. Она стала центром образовательной и научной деятельности в области социальной работы и за короткий срок зарекомендовала себя как ключевое подразделение, готовящее специалистов для системы социальной защиты. Уже в том же году состоялся первый выпуск по очной форме: 29 студентов получили дипломы специалистов по социальной работе. Заочный выпуск состоялся в 2000 году, что позволило расширить охват подготовки и привлечь к обучению тех, кто совмещал образование с профессиональной деятельностью.

С начала 2000-х годов кафедры психологии и педагогики, а также социальной работы и социологии продолжали активно развивать свои образовательные и научные направления, укрепляя позиции в университете и регионе. Кафедра психологии и педагогики расширяла учебные программы, внедряла новые методики преподавания и активно включалась в подготовку специалистов инженерно-педагогического профиля, сочетая психологические знания с требованиями профессиональной деятельности в техническом вузе.

Параллельно кафедра социальной работы и социологии продолжала готовить специалистов для системы социальной защиты населения, развивая прикладные и исследовательские аспекты социальной работы. В этот период обе кафедры постепенно формировали устойчивые связи с практическими учреждениями, органами власти и социальными организациями, обеспечивая студентам возможность проходить практику и участвовать в реальных проектах.

Менялось время, менялось название университета: Сибирский технологический институт в 1994 году стал Красноярской государственной технологической академией. В 1997 году вуз получил статус университета — Сибирский государственный технологический университет. В 2016 году с целью создания в Красноярске опорного университета начался процесс реорганизации Сибирского государственного технологического университета путём его присоединения к Сибирскому государственному аэрокосмическому университету. 12 мая 2017 года объединённый университет получил название Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнёва.

Всё это время обе кафедры продолжали укреплять свои научные направления, активно развивая исследования в области психологии личности, педагогики, социальной работы и социологии. В этот период регулярно проводились научные конференции, издавались статьи и учебные материалы, а студенты всё более активно вовлекались в исследовательскую деятельность. Такие процессы способствовали накоплению богатого образовательного и научного опыта, который со временем стал прочной основой для последующего объединения кафедр.

К 2024 году обе кафедры накопили значительный образовательный и научный потенциал. Их взаимодействие на протяжении более двух десятилетий позволило сформировать уникальный опыт интеграции психологического, педагогического и социального направлений, а также выстроить эффективную систему подготовки специалистов. Совокупность этих достижений обеспечила основу для формирования кафедры ППСР как целостного образовательного и научного сообщества, где знания и практические навыки разных дисциплин объединяются и усиливают друг друга.

Логическим завершением этого процесса стало 1 сентября 2024 года, когда кафедра психологии и педагогики была объединена с кафедрой социальной работы и социологии, образовав кафедру психологии, педагогики и социальной работы (ППСР). Это объединение превысило рамки простой административной реорганизации и дало старт стратегическому шагу, направленному на интеграцию двух традиционных образовательных и научных школ в единое междисциплинарное пространство. Новая кафедра объединила накопленный опыт, научные традиции и образовательные подходы обеих школ, формируя среду для возвращения комплексных компетенций у студентов и дальнейшего развития научного потенциала университета.

Объединение кафедр психологии и педагогики с кафедрой социальной работы и социологии создало уникальную платформу для интеграции трёх взаимодополняющих дисциплин. На уровне учебного процесса это проявляется в разработке междисциплинарных программ, где психологические, педагогические и социально-ориентированные модули гармонично дополняют друг друга. Студенты получают возможность не только изучать фундаментальные теоретические основы каждой области, но и применять их совместно в практических проектах, что способствует формированию целостного профессионального мышления.

В научной деятельности кафедра ППСР сочетает различные методологические подходы, позволяя интегрировать психологические исследования личности и профессиональной деятельности, педагогические модели обучения и развития, а также социально-педагогические стратегии поддержки различных категорий населения. Такой подход создаёт новые возможности для проведения комплексных исследований, направленных на решение актуальных проблем современного общества, включая вопросы социальной защиты, инклюзивного образования и профессиональной адаптации.

Практико-ориентированная составляющая работы кафедры также отражает принцип симбиоза направлений. Студенты проходят практику и участвуют в проектах, где одновременно применяются психологические инструменты оценки, педагогические технологии обучения и социально-ориентированные методы поддержки. Это позволяет выпускникам кафедры формировать междисциплинарные компетенции, востребованные как в образовательных, так и в социальных институтах, обеспечивая готовность к работе в комплексных профессиональных средах.

Особое значение кафедра придаёт развитию образовательных традиций, унаследованных от обеих предшествующих школ. Психологическое направление обеспечивает глубокое понимание механизмов мотивации, развития личности и взаимодействия в группе; педагогическое — формирует навыки планирования обучения и воспитательных программ; социальная работа — обеспечивает компетенции в области социальной защиты и поддержки уязвимых групп населения. Совмещение этих подходов создаёт уникальную образовательную среду, где каждый студент получает интегрированное видение своей будущей профессии и возможность развивать навыки комплексного анализа и решения социальных и образовательных задач.

В результате, кафедра ППСР стала примером успешного объединения традиций и инноваций, где междисциплинарный подход не просто декларируется, а реализуется на практике: в учебных планах, научных исследованиях и проектной деятельности студентов. Этот симбиоз создаёт основу для формирования высококвалифицированных специалистов, способных решать современные вызовы в сфере психологии, педагогики и социальной работы.

Образовательная миссия кафедры психологии, педагогики и социальной работы заключается в подготовке высококвалифицированных специалистов, способных эффективно решать современные задачи в области психологии, педагогики и социальной работы. Кафедра формирует у сту-

дентов не только глубокие теоретические знания, но и практические навыки, обеспечивающие профессиональную компетентность и готовность к работе в разнообразных социальных и образовательных средах.

Подготовка специалистов строится на принципах комплексного подхода и реализуется на всех уровнях образовательного процесса — бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, обеспечивая фундаментальную подготовку и практические навыки работы с различными категориями обучающихся и социальных групп.

Бакалавриат:

– 44.03.01 Педагогическое образование, направленность — Психология трудовой деятельности.

– 39.03.02 Социальная работа, направленность — Социальная работа в системе социальных служб.

Магистратура:

– 44.04.04 Профессиональное обучение (по отраслям), направленность — Организационная психология и социальная безопасность профессиональной деятельности.

– 37.04.01 Психология, направленность — Консультативная психология.

На кафедре работает аспирантура по направлениям подготовки:

5.3.1. — Общая психология, психология личности, история психологии.

5.8.1. — Общая педагогика, история педагогики и образования.

5.8.7. — Методология и технология профессионального образования.

Особое внимание в образовательной миссии кафедры уделяется внедрению инновационных подходов. В учебный процесс активно включаются проектные школы, практико-ориентированные мастер-классы, научные и социальные мероприятия, которые позволяют студентам сразу применять теорию на практике. Использование арт-терапевтических технологий, игровых методик и цифровых ресурсов формирует у студентов гибкие компетенции, необходимые для работы в быстро меняющемся профессиональном и социальном контексте. Кроме этого, занятия, которые проводятся непосредственными возможными работодателями, позволяют студентам с первого курса на практике познакомиться со своей будущей профессией и понять ее изнутри.

Сочетание психологических, педагогических и социальных дисциплин создаёт среду, в которой студенты учатся видеть взаимосвязи между разными областями знаний и использовать их для решения комплексных задач. Это формирует системное мышление, способность работать в команде и принимать решения, учитывающие множественные аспекты профессиональной деятельности.

Так, образовательная миссия кафедры ППСР заключается не только в передаче знаний, но и в формировании профессиональных компетенций, готовности к междисциплинарной работе, развитии инновационного мышления и способности применять теорию на практике.

Кафедра психологии, педагогики и социальной работы активно реализует социальную и практическую деятельность, направленную на подготовку студентов к реальной профессиональной работе и решение актуальных социальных задач. Центральное место в этой деятельности занимает взаимодействие с учреждениями образования, организациями социальной сферы и государственными структурами. Такая коллаборация позволяет студентам участвовать в реальных проектах, внедрять современные психолого-педагогические подходы и оказывать практическую помощь различным социальным группам.

Студенты кафедры принимают участие в многочисленных проектах, которые охватывают разные направления образовательной, социальной и волонтерской деятельности. Например, студенты бакалавриата по направлению «Педагогическое образование» разрабатывают и реализуют воспитательные программы для подростков старшего возраста, направленные на формирование компетенций в сфере здорового и безопасного образа жизни. Проект «Культура здорового и безопасного образа жизни» в сотрудничестве с АНО СПЦ «Инсайт» позволяет студентам приобретать навыки психолого-педагогического проектирования и практической реализации образовательных инициатив.

На магистерской программе «Профессиональное обучение (по отраслям)» студенты разрабатывают комплекс оценки эффективных копинг-стратегий для работы в кризисных ситуациях в сотрудничестве с Психологическим центром «Управление качеством жизни». Эти проекты формируют у будущих специалистов навыки анализа, прогнозирования и практической реализации мероприятий, направленных на обеспечение социальной безопасности и психологического благополучия различных категорий населения.

Студенты направления «Социальная работа» активно участвуют в организации досуга и инклюзивной деятельности для людей с ограниченными возможностями, сотрудничая с АНО Спортивным оздоровительным клубом «Шаг за шагом к мечте», а также реализуют проекты по социальной работе с молодежью в Центре продвижения молодёжных проектов «Вектор». На втором курсе будущие социальные работники проходят практику и реализуют комплекс мероприятий по развитию гражданской ответственности, социальной ответственности и патриотизма при взаимодействии с Красным крестом.

Кафедра также внедряет проектное обучение, которое позволяет студентам всех направлений применять знания на практике в рамках учебного плана. В рамках проектной деятельности студенты первого курса педагогического образования участвуют в проекте «Я — патриот», направленном на развитие гражданско-патриотической позиции молодежи через современные психолого-педагогические технологии при поддержке ФКУ «Военный комиссариат Красноярского края». Второкурсники сетевая форма обучения работают над проектом «Персональный тайминг» в средней школе-интернате № 1 имени В. П. Синякова, где изучают методы саморазвития и планирования времени.

Новое направление магистратуры также включено в проектную деятельность. Второкурсники разрабатывают и реализуют тренинговые мероприятия по теме «Копинг-стратегии в конфликте» для Центра профессионального и личностного развития “LifeCourse”, что позволяет отрабатывать навыки консультативной и практической психологии в реальных ситуациях.

Проекты студентов направления «Социальная работа» включают разработку и реализацию молодежных инициатив, моделирование социальных проектов, формирование позитивного имиджа социальной работы, а также профилактику рисков нарушения прав человека и личной безопасности через проекты «Траектория безопасности» совместно с ГУ МВД по Красноярскому краю. Эти мероприятия не только развивают профессиональные компетенции студентов, но и приносят ощутимый социальный эффект, создавая безопасное и инклюзивное пространство для различных категорий населения.

В совокупности социальная и практическая деятельность кафедры ППСР представляет собой комплексное взаимодействие образовательных программ, научных исследований и реальных проектов, направленных на подготовку специалистов, способных решать современные социальные, педагогические и психологические задачи. Вовлечение студентов в реальные проекты обеспечивает их профессиональное становление, укрепляет взаимодействие с организациями социальной сферы и государственными структурами и способствует развитию гражданской ответственности и социальной активности.

Этот процесс естественным образом перешёл в формирование **коллектива кафедры как единого организма**. Здесь каждый преподаватель, аспирант и студент участвует в общей образовательной и научной деятельности, а междисциплинарное взаимодействие проявляется не только в учебных планах и исследованиях, но и в проектной и внеучебной работе. Совместная организация практик, семинаров, олимпиад и научных мероприятий позволяет коллективу действовать слаженно, как единая система, где компетенции отдельных специалистов усиливают результат всей кафедры.

Кафедра психологии, педагогики и социальной работы ведёт систематическую научно-исследовательскую деятельность, объединяющую фундаментальные исследования и практико-ориентированные проекты. Основное внимание уделяется вопросам психологии личности и профессиональной деятельности, педагогическим технологиям, социальной адаптации и поддержке различных групп населения. Особое значение имеет междисциплинарный подход, позволяющий

сочетать психологические, педагогические и социальные аспекты в комплексных исследованиях и практических проектах.

В 2025 году кафедра реализовала обширный план мероприятий. Итак, Зимняя политехническая школа и фестиваль игр «PROрешение» способствовали развитию проектного мышления у студентов и формированию навыков командной работы. Проектная школа “ProjectSkills” позволила студентам защитить собственные проекты, часть которых получила практическое применение. Всероссийский научно-практический форум «Арт-терапевтические технологии в помогающих профессиях» стал заметной площадкой для обмена опытом с коллегами из других регионов, а участие студентов в региональных и всероссийских конкурсах, включая социальную рекламу и олимпиаду «Занимательная психология», принесло призовые места и укрепило репутацию кафедры как центра подготовки высококвалифицированных специалистов.

Особое внимание кафедры уделяет организации и проведению научных конференций. Например, ежегодная апрельская Всероссийская научно-практическая конференция «Мир человека: интеграция психологии и педагогики в современном обществе», которая объединила участников из разных городов и стала платформой для обсуждения актуальных проблем современной психологии и педагогики. В этот же месяц проводятся межвузовские чтения молодых исследователей «Наука и современность», где студенты и аспиранты представляют свои научные работы, получают экспертную оценку и практические рекомендации для дальнейших исследований. В преддверии Дня социального работника традиционно проводится Всероссийская конференция «Актуальные проблемы современного социального знания».

Ежегодные мероприятия продолжают активно развивать исследовательскую, образовательную и социальную деятельность кафедры. День психического здоровья, олимпиада для школьников и традиционное посвящение первокурсников, а также межвузовский конкурс «Социальный интеллект» и Всероссийский студенческий творческий конкурс «Социальное эссе», научно-методический семинар «Тимбилдинг в сфере образования» и практико-ориентированная площадка «Психологическая безопасность в образовательной среде», День инвалида, День волонтера, новогодняя театрализованная программа для детей-сирот, региональный фестиваль-конкурс социальных проектов «НеобходиМЫ». Эти события создают новые возможности для обмена опытом, развития аналитических и исследовательских навыков студентов.

Студенты кафедры принимают участие в многочисленных проектах, которые охватывают разные направления образовательной, социальной и волонтерской деятельности. Например, студенты бакалавриата по направлению «Педагогическое образование» разрабатывают и реализуют воспитательные программы для подростков старшего возраста, направленные на формирование компетенций в сфере здорового и безопасного образа жизни. Проект «Культура здорового и безопасного образа жизни» в сотрудничестве с АНО СПЦ «Инсайт» позволяет студентам приобретать навыки психолого-педагогического проектирования и практической реализации образовательных инициатив.

На магистерской программе «Профессиональное обучение (по отраслям)» студенты разрабатывают комплекс оценки эффективных копинг-стратегий для работы в кризисных ситуациях в сотрудничестве с Психологическим центром «Управление качеством жизни». Эти проекты формируют у будущих специалистов навыки анализа, прогнозирования и практической реализации мероприятий, направленных на обеспечение социальной безопасности и психологического благополучия различных категорий населения.

Студенты направления «Социальная работа» активно участвуют в организации досуга и инклюзивной деятельности для людей с ограниченными возможностями, сотрудничая с АНО Спортивным оздоровительным клубом «Шаг за шагом к мечте», а также реализуют проекты по социальной работе с молодежью в Центре продвижения молодёжных проектов «Вектор». На втором курсе будущие социальные работники проходят практику и реализуют комплекс мероприятий по развитию гражданской ответственности, социальной ответственности и патриотизма при взаимодействии с Красным крестом.

Кафедра также внедряет проектное обучение, которое позволяет студентам всех направлений применять знания на практике в рамках учебного плана. В рамках проектной деятельности студенты первого курса педагогического образования участвуют в проекте «Я — патриот», направленном на развитие гражданско-патриотической позиции молодежи через современные психолого-педагогические технологии при поддержке ФКУ «Военный комиссариат Красноярского края». Второкурсники сетевая форма обучения работают над проектом «Персональный тайминг» в средней школе-интернат № 1 имени В. П. Синякова, где изучают методы саморазвития и планирования времени.

Новое направление магистратуры также включено в проектную деятельность. Второкурсники разрабатывают и реализуют тренинговые мероприятия по теме «Копинг-стратегии в конфликте» для Центра профессионального и личностного развития «LifeCourse», что позволяет отрабатывать навыки консультативной и практической психологии в реальных ситуациях.

Проекты студентов направления «Социальная работа» включают разработку и реализацию молодежных инициатив, моделирование социальных проектов, формирование позитивного имиджа социальной работы, а также профилактику рисков нарушения прав человека и личной безопасности через проекты «Траектория безопасности» совместно с ГУ МВД по Красноярскому краю. Эти мероприятия не только развивают профессиональные компетенции студентов, но и приносят ощутимый социальный эффект, создавая безопасное и инклюзивное пространство для различных категорий населения.

Реализация такого насыщенного плана научно-образовательных мероприятий приносит конкретные результаты: студенты получают победы и призовые места на конкурсах, укрепляется имидж кафедры, создаются условия для внедрения инновационных подходов в образовательный процесс и социальную практику, а преподаватели и исследователи получают платформу для обмена опытом и презентации своих достижений на региональном и всероссийском уровнях.

В совокупности социальная и практическая деятельность кафедры ППСР представляет собой комплексное взаимодействие образовательных программ, научных исследований и реальных проектов, направленных на подготовку специалистов, способных решать современные социальные, педагогические и психологические задачи. Вовлечение студентов в реальные проекты обеспечивает их профессиональное становление, укрепляет взаимодействие с организациями социальной сферы и государственными структурами и способствует развитию гражданской ответственности и социальной активности.

Кафедра психологии, педагогики и социальной работы активно реагирует на современные вызовы в образовательной и социальной сферах. Развитие технологий, изменение социальных потребностей и профессиональных стандартов требуют постоянного обновления образовательных программ, внедрения инновационных методик и расширения практико-ориентированных форм обучения. В этих условиях кафедра стремится быть на переднем крае профессиональной подготовки, формируя специалистов, способных эффективно работать в быстро меняющемся социально-образовательном пространстве.

Одним из ключевых направлений перспективного развития кафедры является реализация новых образовательных и научных проектов. Планируется расширение (можно вписать сферу или список направлений), внедрение современных цифровых инструментов, проектного и междисциплинарного обучения, а также организация совместных исследовательских инициатив с ведущими вузами и научными центрами России и зарубежья. Важное значение имеют проекты по социальной интеграции, развитию волонтерских и гражданских инициатив, созданию инклюзивных программ для молодежи и различных категорий населения.

Особое внимание кафедра уделяет развитию собственной научной школы, расширению научных направлений и укреплению профессиональных связей внутри академического сообщества. Планируется проведение международных конференций, совместных исследовательских проектов, публикаций монографий и статей, что позволит закрепить позиции кафедры как ведущего центра психолого-педагогической и социальной экспертизы.

Все достижения кафедры невозможны были бы без людей, которые являются основной драгоценностью любого коллектива. Каждый человек приносит уникальные навыки, идеи и перспективы, что способствует развитию и успеху группы в целом. Эффективное взаимодействие и сотрудничество между членами команды могут привести к высоким результатам и инновациям.

Заведующими кафедры в разное время являлись: **Ананьина Людмила Евгеньевна**, кандидат философских наук, доцент, которая стояла у истоков кафедры социальной работы и социологии и создала прочную основу современной кафедры; **Игнатова Валентина Владимировна**, доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный педагог Красноярского края, награждена медалью К. Д. Ушинского; **Нургалеев Владимир Султанович**, доктор психологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации; **Орлова Светлана Николаевна**, доктор психологических наук, профессор; **Ливак Наталия Степановна**, кандидат психологических наук, доцент; **Ищенко Татьяна Николаевна**, кандидат педагогических наук, доцент (ныне проректор Красноярского краевого института повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования); **Смирная Анастасия Андреевна**, кандидат педагогических наук, доцент; **Астапов Виталий Валерьевич**, кандидат философских наук, доцент.

В настоящее время кафедру возглавляет **Гудовский Игорь Витальевич**, кандидат педагогических наук, доцент, научно-педагогический стаж которого более 30 лет. Является автором многочисленных научных и учебно-методических публикаций, выступает на национальных и международных конференциях и входит в коллективы исполнителей по грантовым проектам. Круг научных интересов «Социализация личности в образовательном пространстве. Под его руководством ведут исследования аспиранты, защищены кандидатские диссертации, студенты участвуют и побеждают в олимпиадах, профессиональных конкурсах и научных конференциях, публикуются в сборниках трудов. Игорь Витальевич организует и проводит международные и всероссийские конференции, такие как «Актуальные проблемы психологии труда: теория и практика», «Мир человека: интеграция психологии и педагогики в современном обществе» и другие. Он также реализует студенческие проекты, направленные на развитие гражданской ответственности и патриотизма, совместно с Общероссийской общественной организацией «Российский Красный Крест». За свои достижения удостоен благодарности Законодательного собрания Красноярского края, Министерства социальной защиты населения Красноярского края, почетных грамот университета.

Коллектив кафедры психологии, педагогики и социальной работы заслуженно пользуется признанием на государственном и региональном уровнях за вклад в развитие образовательного и профессионального пространства. Плодотворная работа кафедры выражается в активной реализации проектов, направленных на формирование компетенций у студентов, развитие гражданской ответственности, патриотического воспитания, а также укрепление связей между образовательными учреждениями, органами власти и социальными организациями.

В настоящее время на кафедре работают:

Астапов Виталий Валерьевич, кандидат философских наук, доцент, имеет значительный опыт в подготовке квалифицированных специалистов для системы социальной защиты Красноярского края. Виталий Валерьевич является лауреатом Второго и Третьего Всероссийских конкурсов научных статей в области социальной работы, его публикации отмечены редакцией научно-теоретического журнала «Отечественный журнал социальной работы». Он активно участвует в развитии учебного

процесса, подготовке студентов к профессиональной деятельности, а также в общественной и научной жизни региона. Плодотворная работа отмечена почетными грамотами и благодарственными письмами Министерства социальной политики Красноярского края и университета.

Синьковская Ирина Георгиевна, кандидат социологических наук, руководитель проекта «Траектория безопасности» совместно с ГУ МВД России по Красноярскому краю, целью которого является формирование самосохранительного поведения молодежи в межкультурном пространстве. С декабря 2024 года читает лекции адаптационного курса для иностранных граждан, руководит практико-ориентированными студенческими проектами для подростков и молодежи. Ее работа способствует развитию компетенций студентов и формированию безопасного и инклюзивного образовательного пространства.

Девятловский Дмитрий Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, является творческим и компетентным профессором кафедры ППСР, активно участвующим в реализации всероссийских и региональных мероприятий по совершенствованию образовательного процесса профессиональной подготовки конкурентоспособных выпускников в условиях трансформации современного рынка труда. Тематика его научно-исследовательской деятельности — совершенствование процесса профессиональной подготовки студентов гуманитарных и технических направлений подготовки в контексте становления и развития их акмеологической и праксиологической культуры. Является автором более 160 научных трудов и учебно-методических разработок. Член диссертационного совета по защите диссертаций по научной специальности 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки). Под руководством Дмитрия Николаевича ведется активная научная деятельность по подготовке диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Ливак Наталия Степановна, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, автор и руководитель множества всероссийских и международных проектов и фестивалей, включая Всероссийский фестиваль трансформационных игр «ProРешение» и Международную научно-практическую конференцию «Актуальные проблемы психологии труда». Она организует и проводит образовательные и профориентационные мероприятия среди школьников и студентов, коммуникативные площадки с представителями власти и проектные школы. Наталия Степановна активно руководит научно-исследовательской работой студентов, которые становятся победителями олимпиад и конкурсов. Ее деятельность отмечена благодарственными письмами Министерства образования и культуры Красноярского края, Агентства молодежной политики, губернатора края и университета, а также наградами Всероссийских конкурсов молодежных авторских проектов.

Смирная Анастасия Андреевна, кандидат педагогических наук, доцент, активно участвует в реализации образовательных и социально-значимых проектов. Она является экспертом и организатором федеральных и региональных мероприятий, направленных на совершенствование учебного процесса и подготовку квалифицированных специалистов. Анастасия Андреевна курирует практико-ориентированные проекты студентов, участвует в инклюзивных и образовательных инициативах для молодежи, реализует программы культурно-просветительской направленности. Ее профессиональная деятельность отмечена благодарственными письмами Администрации Центрального района Красноярска (2021 г.) и почётной грамотой администрации Центрального района (2024 г.) за вклад в развитие образовательного процесса и подготовку специалистов, а также за участие в культурной и общественной жизни города.

Столярова Светлана Андреевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры, руководитель образовательной программы по направлению подготовки 39.03.02 «Социальная работы в системе социальных служб», организатор многочисленных социальных проектов Всероссийского и регионального уровня, куратор студенческих групп, организатор и участник практикоориентированных социальных проектов. Награждена многочисленными грамотами и благодарственными письмами.

Портнягина Анастасия Михайловна, старший преподаватель, старший научный сотрудник, автор научных и учебно-методических публикаций, организатор мероприятий федерального и международного уровня, включая Всероссийский фестиваль трансформационных игр «ProРешение» и городскую олимпиаду по психологии «Открой мир — открой себя». Под ее руководством студенты получают высокие оценки своих практико-ориентированных проектов на олимпиадах, профессиональных конкурсах и научных конференциях, таких как Всероссийский акселератор социальных инициатив RAISE. Анастасия Михайловна активно ведет профориентационную работу среди школьников и студентов, участвует в культурной и социальной жизни города, а также соучредитель НКО «Территория инклюзивного пространства». Ее деятельность отмечена многочисленными благодарственными письмами органов власти и лауреатскими наградами Всероссийских конкурсов авторских проектов.

Томилова Светлана Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры ППСР, является федеральным координатором и экспертом ряда Всероссийских проектов, включая «Добровольцы локальной истории» и «Герои нашей страны», реализуемых при поддержке Министерства просвещения Российской Федерации. Она активно участвует в федеральных и региональных проектах по арт-терапии, психолого-педагогической поддержке женщин и детей, культурно-историческому просвещению молодежи. Светлана Александровна выступает спикером и экспертом на конференциях и вебинарах, курирует студенческие проекты и практико-ориентированные исследования.

За свою деятельность отмечена благодарственными письмами Главного управления образования города Красноярск (март 2025 г.), за участие в Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологии труда» (ноябрь 2024 г.), а также благодарственным письмом МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей» за участие в Всероссийском музейном проекте «Люди и дома: живые истории» (февраль 2025 г.) и ГУФСИН России по Красноярскому краю за работу в качестве члена жюри Всероссийского конкурса профессионального мастерства «Лучший психолог УИС» (октябрь 2024 г.).

Дундуа Софико Владимировна, ассистент кафедры, руководитель инклюзивного театра-танца «Freedom» для детей и молодежи с ОВЗ и без, организует и реализует социально-образовательные проекты для детей с особенностями развития. Софико Владимировна создала инклюзивные спектакли «Я нахожусь на сцене» и «Путь самурая», а также инклюзивный арт-лагерь, который вошел в топ-20 социально-значимых практик региона. Она разработала творческую программу занятий для детей и молодежи с ОВЗ, автор рабочих тетрадей для коррекционной работы и образовательных программ. Ее деятельность способствует интеграции детей с особыми образовательными потребностями в культурную и социальную жизнь города, а также развитию творческих и коммуникативных навыков у молодежи.

Логунова Ольга Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры ППСР. Опыт работы: с 2000 по 2011 годы работала в МУ «Центр социальной помощи семье и детям «Качинский», в должности заведующего отделением. За время работы в социальном учреждении являлась соав-

тором нескольких грантовых проектов, направленных на работу с семьей и детьми. Награждена Дипломом лауреата премии Главы города Красноярска молодым талантам, 2009 г. (за высокие достижения в общественной и профессиональной деятельности). Награждена Благодарственным письмом Красноярского городского Совета депутатов за профессиональные достижения в сфере социальной защиты населения г. Красноярска, 2008 г.

С 2003 по настоящее время в СибГУ (по совместительству, с 2014 на постоянной основе).

В 2014 году защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по теме «Организационно-педагогическое сопровождение посреднической деятельности специалистов социальных учреждений». Является автором научных статей, учебных пособий и монографий, посвященных комплексной социальной работе с разными категориями граждан.

С 2025 года координирует работу студентов, принимающих участие в социальном грантовом проекте «Раннее вмешательство: помощь семьям с детьми в районах Красноярского края». Автором проекта выступает Региональная общественная организация «Красноярский центр лечебной педагогики».

Рудых Оксана Алексеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры ППСР, преподаёт дисциплины: Организация досуга в социальной работе; Социология; Социология девиантного поведения; Социология социальной работы; Психолого-педагогические технологии в профессиональной деятельности, является руководителем проекта «АКВАовз» для людей с ограниченными возможностями здоровья.

Кроме основного состава кафедры в учебном процессе задействованы представители различных организаций, таких как АНО Центр социально-культурной адаптации «Территория инклюзивного пространства», КГБУ СО «Реабилитационный центр «Радуга»», Агентство труда и занятости населения Красноярского края, Консалдинговая компания «Talent&Ddevelopment», Нейропсихологический центр «Ступеньки», Центр личностного и профессионального развития «Life-course», отделение Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест» в городе Красноярске, АНО «Реабилитационный центр № 1», ООО «Центр профессионального образования и психологического консультирования «Акцент», ООО «Управление качеством жизни», ФКУ «Главное бюро медико-социальной экспертизы по Красноярскому краю», Агентство молодежной политики и реализации программ общественного развития Красноярского края, что позволяет создавать практикоориентированное пространство на пути получения высшего образования.

Признание заслуг кафедры подтверждает её ведущую роль в подготовке высококвалифицированных специалистов, востребованных в образовательной, социальной и профессиональной сферах. Через научно-образовательные проекты, практическую деятельность, социальные инициативы и участие в государственных программах коллектив кафедры вносит значительный вклад в развитие профессионального пространства, укрепляет взаимодействие с государственными и социальными структурами и формирует качественные стандарты подготовки специалистов в области психологии, педагогики и социальной работы.

Будущее кафедры в образовательном и научном пространстве связано с укреплением её роли как интеграционного центра, объединяющего обучение, науку и практику. Кафедра психологии, педагогики и социальной работы продолжит развивать междисциплинарное образование, готовить востребованных специалистов и оказывать значительное влияние на формирование профессионального сообщества, внося вклад в развитие образовательной, социальной и научной среды на региональном и федеральном уровнях.

СТАТЬИ ЧЛЕНОВ КАФЕДРЫ

ARTICLES OF THE DEPARTMENT' MEMBERS

УДК 364.126

СОЦИАЛЬНЫЙ МАРКЕТИНГ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ

И. Г. Синьковская

Синьковская Ирина Георгиевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии, педагогики, и социальной работы Института социального инжиниринга Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика М. Ф. Решетнёва», Красноярск.

Контактный адрес: iranet.75@mail.ru

Статья посвящена развитию социального маркетинга, как технологии формирования имиджа социальных служб, продвижения информации о мерах социальной поддержки граждан и канале «обратной связи», позволяющем оперативно реагировать на вновь возникающие социальные проблемы и потребности уязвимых социальных групп. Также в статье представлены результаты исследований информированности населения о социальной поддержке.

Ключевые слова: социальные службы; социальный маркетинг; социально уязвимые группы; социальные услуги; продвижение информации; эффективность социального маркетинга.

SOCIAL MARKETING IN THE ACTIVITIES OF SOCIAL SERVICES

I. G. Sinkovskaya

Irina Georgievna Sinkovskaya — candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Social Work at the Institute of Social Engineering Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk.

Contact address: iranet.75@mail.ru

The article is devoted to the development of social marketing as a technology for shaping the image of social services, promoting information on social support measures for citizens and a feedback channel that allows for rapid response to newly emerging social problems and the needs of vulnerable social groups. The article also presents the results of research on public awareness of social support.

Keywords: social services; social marketing; socially vulnerable groups; information promotion; social marketing effectiveness.

В последние годы наблюдается рост интереса к вопросам маркетинга в социальной сфере, что связано с изменением подходов к оказанию социальных услуг. Традицион-

ные методы информирования о социальных программах и услугах уже не всегда эффективны, что подчеркивает важность внедрения современных маркетинговых стратегий,

нацеленных на удовлетворение потребностей различных категорий граждан. Развитие современной концепции рекламы и социального маркетинга: дальнейшее развитие теоретических основ маркетинга в социальной сфере, в частности, адаптация классических маркетинговых моделей к специфике социальных услуг, а также систематизация факторов, влияющих на восприятие социальных услуг населением, и разработка новых критериев их оценки — одна из важных задач совершенствования деятельности социальных служб.

В современном государстве социальные службы играют ведущую роль в поддержке уязвимых групп граждан, гарантируя доступ к жизненно важным ресурсам и услугам, для повышения уровня их социального благополучия. В условиях растущей технологической информатизации и цифровизации сфер коммуникации, социальные службы сталкиваются с вызовами, требующими постоянной разработки новых стратегий эффективного взаимодействия с целевыми аудиториями как для продвижения своих услуг, их предоставления, так и для формирования обратной связи, необходимой для точного понимания потребностей различных групп населения, с учетом регионального компонента. В этом контексте маркетинг и реклама становятся современными инструментами, позволяющими повысить осведомленность о предоставляемых услугах и, привлекая целевые аудитории, выстраивая диалог, имеют возможность оперативно адаптировать социальную помощь под их реальные запросы.

Основными факторами, формирующими запрос на гибкую систему методов работы с общественностью, являются:

- динамика социальных проблем — современная социальная реальность наполнена новыми вызовами, иногда радикально меняющих привычное течение жизни и приводящих к фрустрации фактически все общество в целом (пандемия, геополитические процессы, экономические санкции и др.);

- технологический прогресс — внедрение цифровых инструментов (онлайн-консультирование, AI в оценке рисков и др.), которые предоставляя, с одной стороны новые возможности, с другой-порождают новые риски,

особенно финансовой безопасности, которые характерны, опять же, для всех слоев населения, создавая новые формы социальной незащищенности и уязвимости;

- динамика потребностей населения, зависимая от демографических, социокультурных, экономических процессов, определяющих новые практики социального взаимодействия, новые условия социального благополучия и новые меры социальной поддержки (например, старение населения, миграционные процессы, структурный и функциональный кризис семьи и брака и др.).

Все это способствует переходу социальных служб от стандартизированных подходов к персонализированным (индивидуальные программы помощи, мобильные службы), при которых активная обратная связь между субъектом и объектом социальной помощи является гарантом эффективности и результативности их деятельности. Использование социальных сетей, онлайн-платформ и мобильных приложений позволяет: расширить охват аудитории, улучшить взаимодействие с клиентами, повысить уровень информированности граждан о мерах социальной поддержки. Кроме того, социальные службы могут использовать эти инструменты для создания информативного и привлекательного контента, который будет отвечать интересам и потребностям целевой аудитории, создавать положительный образ социальных служб.

Анкетирование, интервью и фокус-группы не только способствуют повышению качества предоставляемых услуг организациями, но и позволяют проанализировать предложения и пожелания населения по совершенствованию организации работы с населением. Эффективная система обратной связи также способствует формированию доверия между гражданами и социальными службами, что является необходимым условием для успешной работы в данной области.

Кроме того, необходимо учитывать, что маркетинг в социальной сфере имеет свои особенности. Социальные службы не могут опираться исключительно на коммерческие принципы, так как их основная цель — не получение прибыли, а улучшение качества жизни граждан. Поэтому важно разрабаты-

вать маркетинговые стратегии, которые будут этичными и ориентированными на общественные интересы. Акцентом при разработке мероприятий по связям с общественностью является внедрение инклюзивного подхода (включение в процесс обратной связи людей, испытывающих трудности с доступом к информации (пожилые люди, людей с ограниченными возможностями и др.).

Научная разработанность данной темы также заслуживает внимания. Исследования в области маркетинга и рекламы в социальных службах активно развиваются, однако многие аспекты остаются недостаточно изученными.

Термин «социальный маркетинг» как деятельность, направленная на изучение и развитие спроса на социальные услуги, создание соответствующей спросу социальной среды и стимулирование спроса на созданную социальную среду, был введен в 1971 году [1, с. 320].

В. Э. Гордин выделяет несколько характеристик маркетинга в социальной сфере:

- способствование социальным перемен с помощью маркетингового инструментария (через убеждение, различного рода стимулирование и т. д.);
- возрастание роли неприбыльного сектора в решении социальных вопросов и проблем;
- проникновение рыночных отношений в различные сферы общественной жизни.

Главное отличие социального маркетинга от обычного заключается в том, что он ориентирован на четкий общественный запрос и контролируется общественностью. Он нацелен на развитие социальной сферы. Как правило, его основная цель — содействие улучшению качества жизни отдельного человека и общества в целом.

В научной литературе выделяется пять блоков функций маркетинга в системе социальной работы:

- аналитическая функция — исследование рынка социальных услуг, внешней и внутренней среды социального учреждения, его структуры, потенциальных клиентов;
- инновационная функция — мониторинг качества социальных услуг, повышение их конкурентоспособности, разработка новых услуг;
- функция реализации включает — организация системы движения социальных про-

грамм, организация работы по предоставлению социальных услуг;

- формирующая функция — формирование спроса на социальные услуги и стимулирование их реализации;
- функция управления и контроля — контроль маркетинга, информационное обеспечение управления маркетингом, организация планирования процесса по оказанию социальных услуг.

Существующие исследования часто сосредоточены на отдельных элементах маркетинговых стратегий, тогда как комплексный подход к анализу их влияния на восприятие социальных услуг населением остается недостаточно проработанным. Это создает необходимость в более глубоком понимании роли маркетинга и рекламы в деятельности социальных служб, что, в свою очередь, может способствовать повышению их эффективности и доступности. К примеру, Ф. Котлер исследовал применение маркетинговых стратегий для продвижения социальных идей и услуг, А. Андреасен изучал маркетинг в некоммерческих организациях и социальных услуг, П. Блум проводил анализ эффективности рекламных кампаний в социальном секторе, влияние коммуникационных стратегий на доверие к социальным службам, Р. Вудрафф, разрабатывал методы оценки эффективности рекламы в соцслужбах [2, с. 312].

Среди отечественных авторов, изучающих практики социального маркетинга можно отметить В. А. Винокурова, акцентирующего научный интерес на проблемах организации социально-маркетинговой деятельности, М. К. Сидорову, описывающих практические аспекты организации рекламных мероприятий в государственных структурах, Н. Ф. Солдакову и Н. В. Ребрикову, изучающих трансформацию маркетинговой деятельности в условиях глобальных вызовов, О. В. Прохорова описывала социальный маркетинг в контексте социального управления [3, 4].

За последние двадцать лет социальный маркетинг прошел все стадии институционализации, начиная от пробной, экспериментальной деятельности, заимствованной за границей, до ее нормативного и организационного оформления, с накоплением опыта работы в условиях российского конфессио-

нального, этнического, территориального разнообразия.

Ранее, в социальных службах функции маркетинговой деятельности выполнялись сотрудниками общего профиля (специалистами по социальной работе, методистами) или передаваться на аутсорсинг. В настоящее время данная деятельность проходит этап профессионализации, и структура организаций обогащается специалистами в сфере рекламы, связи с общественностью и социального маркетинга. В таблице 1 рассмотрим должности, основные обязанности и ключевые компетенции специалистов [4].

Эффективность маркетинга и рекламы в деятельности социальных служб представляет собой комплексную характеристику, отражающую степень достижения поставленных целей при оптимальном использовании доступных ресурсов. В отличие от коммерческой сферы, где эффективность традиционно измеряется экономическими показателями (ROI, конверсия, прибыль), в социальной работе ключевыми критериями выступают [5, с. 52]:

1. Социальная значимость — реальное улучшение качества жизни целевых групп.

2. Доступность услуг — увеличение охвата нуждающихся категорий населения.

3. Осведомленность — уровень информированности целевых аудиторий о предоставляемых услугах.

4. Экономическая рациональность — оптимальное соотношение затрат и достигаемых результатов.

Для измерения эффективности маркетинговой деятельности социальных служб применяются следующие группы методов:

1. Количественные методы:

- анализ статистики обращений (динамика до/после кампании);

- мониторинг охвата аудитории (просмотры, охваты в соцсетях);

- анкетирование и опросы целевых групп.

2. Качественные методы:

- глубинные интервью с благополучателями;

- фокус-группы с представителями целевых аудиторий;

- экспертные оценки эффективности коммуникаций;

- анализ обратной связи (отзывы, жалобы, предложения).

3. Специфические методы социального маркетинга:

- оценка социального возврата на инвестиции;

- измерение уровня доверия к учреждению;

- анализ изменения социальных показателей (снижение уровня бедности, повышение занятости и др.);

Таблица 1. Основные должности, связанные с внедрением маркетинга и рекламной деятельности в социальных службах

Должность	Основные обязанности	Ключевые компетенции
Маркетолог / Специалист по продвижению	Анализ ЦА, разработка рекламных кампаний, оценка эффективности	Знание SMM, контекстной рекламы, основ социологии
PR-менеджер	Взаимодействие со СМИ, организация мероприятий, написание пресс-релизов	Навыки копирайтинга, медиапланирования
SMM-специалист	Ведение соцсетей, создание контента, работа с аудиторией	Владение графическими редакторами, аналитика охватов
Дизайнер социальной рекламы	Разработка макетов, баннеров, видеороликов	Знание Adobe Illustrator, Figma, основ визуальной коммуникации
Социолог / Аналитик	Исследование потребностей целевых групп, оценка эффективности рекламы	Владение SPSS, Google Analytics, проведение опросов
Менеджер по работе с партнерами	Привлечение спонсоров, сотрудничество с НКО и бизнесом	Навыки переговоров, фандрайзинга

Социальные службы могут использовать следующие инструменты для повышения эффективности маркетинговых коммуникаций:

1. Цифровые технологии:

- CRM-системы для работы с клиентами.
- Автоматизированные сервисы обратной связи.
- Таргетированная реклама в социальных сетях.
- Мобильные приложения для информирования.

2. Традиционные методы:

- Социальная реклама в СМИ.
- Информационные стенды в учреждениях.
- Прямая почтовая рассылка.
- Работа с лидерами мнений в местных сообществах.

Несмотря на имеющийся арсенал методов и инструментов, социальные службы сталкиваются с рядом системных проблем, ограничивающих эффективность их маркетинговой деятельности. Так исследователи отечественного социального маркетинга выделяют следующие типы проблем:

1. Организационные проблемы:

- отсутствие выделенных маркетинговых бюджетов;
- дефицит профессиональных кадров в области маркетинга;
- устаревшая материально-техническая база.

2. Методические проблемы:

- отсутствие единых стандартов оценки эффективности;
- сложность количественного измерения социальных результатов;
- недостаток адаптированных методик для социальной сферы.

3. Коммуникационные проблемы:

- низкий уровень доверия к социальной рекламе;
- языковые и культурные барьеры в работе с мигрантами;
- недостаточная персонализация коммуникаций.

4. Технологические проблемы:

- неразвитость цифровых каналов коммуникации;
- отсутствие систем аналитики и мониторинга.

В рамках курсового и дипломного исследования, студенты — будущие специалисты по социальной работе, проводят локальные исследования эффективности социального маркетинга различных социальных служб на территории Красноярского края с применением методов социологического исследования: глубинные опросы специалистов, профессионально занимающихся данной деятельностью, и анкетирование получателей социальных услуг, а так же широкой общественности, на выявление информированности жителей поселений о мерах их социальной поддержки.

Проведенные исследования маркетинговой и рекламной деятельности за 2024–2025 гг. показывают, что Министерством социальной политики Красноярского края разработана и реализуется информационная кампания, направленная на популяризацию и продвижение традиционных семейных ценностей, а также на поддержку и защиту семьи, материнства, отцовства и детства [6]. Информация о мерах социальной поддержки, публикуется на постоянной основе на официальном сайте Министерства социальной политики Красноярского края (szn24.ru), едином краевом портале «Красноярский край» (krskstate.ru), в социальных сетях Министерства социальной политики Красноярского края и подведомственных учреждений социального обслуживания (ВКонтакте, Одноклассники, Telegram), освещается в средствах массовой информации.

Информирование граждан о мерах социальной поддержки осуществляется с использованием Единого контакт-центра взаимодействия с гражданами (ЕКЦ) 8–800–100–00–01. Кроме того, для получения общей справочной информации по вопросам социальной защиты жители края имеют возможность задать вопрос специалистам контакт-центра с использованием интерактивного голосового меню и элементов искусственного интеллекта по социальным вопросам на базе единого контакт-центра с номером 122.

Для консультирования граждан активно используются различные ресурсы в сети Интернет, социальные сети. В качестве дополнительных форматов информирования населения о существующих мерах социальной поддержки в рамках интернет-проекта «#Соц-

политикаонлайн» функционируют две новые информационные рубрики:

– «Спроси у министерства» — это онлайн-площадка, проводимая в форме прямого эфира в социальной сети ВКонтакте, спикерами которой являются представители Министерства социальной политики Красноярского края. Каждая из встреч посвящается определенной тематике, а темы формируются в зависимости от запросов, поступающих от жителей;

– «Социальный ликбез» — короткие ответы на наиболее часто задаваемые в социальных сетях вопросы. Дополнительно в социальных сетях на регулярной основе размещаются информационные карточки по различным мерам социальной поддержки и другие мероприятия.

На федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (ЕПГУ) работает сервис проактивного информирования, позволяющий получать персональные уведомления о положенных пособиях и мерах социальной поддержки.

Тем не менее, опросы общественного мнения, выявляют дефицит социальной информации как о мерах социальной поддержки, так и о площадках, поиска данной информации. Несмотря на то, что большинство (52 %) считают социальные сети наиболее удобным каналом коммуникации, что указывает на необходимость цифровизации маркетинговой стратегии, тем не менее отдельные демографические группы (пожилые люди) отмечают сложности работы с этими каналами информации [7].

Комплексный анализ ответов специалистов в области социального маркетинга и общественности позволяет выделить ключевые направления дальнейшего совершенствования социального маркетинга в регионе:

– развитие цифровых коммуникаций (соцсети, видеоконтент, онлайн-консультации);

• улучшение офлайн-информирования (тематические буклеты, размещение материалов в общественных местах);

• повышение прозрачности и доступности информации (упрощение подачи данных, регулярное обновление ресурсов);

• внедрение системы обратной связи (онлайн-опросы, оценка качества услуг).

Реализация этих мер позволит повысить доверие к организации, расширить охват целевой аудитории и улучшить доступность социальных услуг для уязвимых групп населения.

Исследование определило ключевые пожелания в сфере продвижения социальной информации:

1. Развитие цифровых каналов:

• создание сообществ в социальных сетях («ВКонтакте»);

• запуск рубрик «Вопрос-ответ» и видео-контента.

2. Улучшение офлайн-коммуникации:

• разработка тематических буклетов для разных категорий благополучателей;

• увеличение количества печатных материалов в общественных местах.

3. Повышение доступности информации:

• упрощение подачи информации об услугах;

• регулярное обновление данных на сайте и в соцсетях.

4. Обратная связь:

• внедрение системы оценки качества услуг онлайн;

• проведение регулярных опросов для адаптации стратегий.

Решение указанных проблем требует комплексного подхода, включающего совершенствование нормативной базы, развитие профессиональных компетенций сотрудников, внедрение современных цифровых инструментов и разработку адаптированных методик оценки эффективности маркетинговых коммуникаций в социальной сфере.

Литература

1. Андреасен А. Маркетинг социальных изменений. — Москва: Альпина Паблишер, 2005. — 320 с.

2. Вудрафф Р. Управление качеством в социальных службах. — Москва: Инфра-М, 2017. — 312 с.

3. Солдатова Н. Ф., Н. В. Ребрикова Н. В. Социальный маркетинг: тенденции прошлого и реалии настоящего // Инновации и инвестиции. — 2022. — С. 89–92.

4. Прохорова О. В. Социальный маркетинг как инструмент повышения качества жизни насе-

ления // Вопросы экономики и управления. — 2016. — № 3.1 (5.1). — С. 131–134. — URL: <https://moluch.ru/th/5/archive/31/984/>

5. Бердичевская А. В. Оценка эффективности рекламной деятельности // Маркетинг в России и за рубежом. — 2002. — № 4. — С. 51–58. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12345678> — (дата обращения: 26.05.2025).

6. Министерство социальной политики Красноярского края: офиц. сайт. Красноярск, 2025. — URL: <https://szn24.ru/> — (дата обращения 17.08.2025)

7. Шабунова А. А., Ростовская Т. К. Демографическая политика в современной России: взгляд населения и экспертная оценка // Вестник РАН. — 2022. — Т. 92. — № 12. — С. 1145–1156.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В ПРАКТИКЕ ПОСРЕДНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО РАБОТЕ С СЕМЬЕЙ

О. В. Логунова

Логунова Ольга Викторовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии, педагогики, и социальной работы Института социального инжиниринга Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика М. Ф. Решетнёва», Красноярск.

Контактный адрес: l.o.v.e.2006@mail.ru

Современные особенности организации комплексной помощи семьям с детьми определяют новые требования к подготовленности специалистов к взаимодействию с ними. Посредническая деятельность специалистов по работе с семьей или социальных посредников представлена как деятельность по установлению взаимосвязи, взаимопонимания, качественного обмена информацией и действиями с различными учреждениями, организациями, предприятиями социальной сферы с учетом особенностей их функционирования, организации и координирования межведомственного взаимодействия. В связи с этим педагогические стратегии могут быть использованы для формирования и развития у семей с детьми необходимых умений, навыков эффективно решать собственные жизненные проблемы с опорой на имеющиеся ресурсы.

Ключевые слова: *посредническая деятельность; специалисты организаций социального обслуживания; социальные посредники; семья; педагогические стратегии.*

PEDAGOGICAL STRATEGIES IN THE PRACTICE OF MEDIATION ACTIVITIES OF FAMILY SPECIALISTS

O. V. Logunova

Logunova Olga Viktorovna — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Social Work at the Institute of Social Engineering Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk.

Contact address: l.o.v.e.2006@mail.ru

Modern features of the organization of comprehensive assistance to families with children determine new requirements for the preparedness of specialists to interact with them. The intermediary activity of specialists working with families or social intermediaries is presented as an activity to establish relationships, mutual understanding, high-quality exchange of information and actions with various institutions, organizations, enterprises in the social sphere, taking into account the specifics of their functioning, organization and coordination of interdepartmental interaction. In this regard, pedagogical strategies can be used to form and develop in families with children the necessary skills and abilities to effectively solve their own life problems based on available resources.

Keywords: *intermediary activities; specialists of social service organizations; social mediators; family; pedagogical strategies.*

В России внимание представителей общественности, практикующих специалистов социальной сферы, научных кругов к социальному посредничеству (посреднической деятельности), как одной из технологий соци-

ального обслуживания граждан, стало оформляться под влиянием зарубежного опыта. В США, европейских странах, начиная с 60-х годов прошлого столетия, социальное посредничество получило свое институциональное

закрепление. Неофициальность, гибкость, конструктивность во взаимодействии, обмен информацией, гармонизация, диалогичность, содействие, нейтральность — вот неполный перечень возможностей социального посредничества в сфере «человек — человек». Усложнение современной системы социального обслуживания граждан в российском обществе, несовершенство реализуемых механизмов в области социальной защиты, обуславливают повышение потребности граждан в посреднических услугах. В связи с этим, расширение спектра оказываемых семьям посреднических услуг напрямую влияет на особенности посреднической деятельности, реализуемой специалистами. Данные особенности формируются за счет включения в деятельность посредников различных педагогических стратегий, дающие возможность комплексно и результативно решать социальные проблемы семей с детьми. Особенно это касается семей с низким уровнем педагогической компетентности родителей.

Посредническая деятельность специалистов организаций социального обслуживания, особенности ее осуществления нашли свое отражение в ряде современных нормативно-правовых документах, таких как: Федеральный закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации»; Федеральный закон Российской Федерации «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»; Национальный стандарт Российской Федерации «Социальное обслуживание населения. Требования к персоналу учреждений»; профессиональных стандартах «Специалист по социальной работе», «Специалист по реабилитационной работе в социальной сфере», «Руководитель организации социального обслуживания», «Специалист по работе с семьей». В целом, в перечисленных документах отражается необходимость личного участия специалистов в посреднической деятельности для решения задач социальной защиты семей, способность работы в команде, организация, содействие в координации деятельности социальных организаций, учреждений и институтов общества.

Посредническая деятельность специалистов организаций социального обслуживания характеризуется как социальная, *так как свя-*

зана с социальными принципами взаимодействия, опосредования. Деятельность специалистов, в число которых входят специалисты по социальной работе, социальные педагоги, социальные работники, психологи социальной сферы, реабилитологи и другие, распространяется на получателей социальных услуг — людей различного возраста, социального статуса, которых объединяет сложность их жизненных обстоятельств. Такие специалисты, как субъекты в посреднической деятельности, нацелены на положительный результат, осуществление качественного взаимодействия, получение обратной связи; в рамках содействия вносят свой вклад в общую результативность оказываемой социальной помощи и поддержки получателям социальных услуг. Каждый специалист имеет свое профессиональное предназначение и выполняет только ему присущие трудовые функции, а в рамках реализуемой посреднической деятельности формы их работы пересекаются. Результативность данной деятельности одного специалиста не может быть обеспечена без сопутствующей работы другого специалиста, взаимодействия с ним, что в целом влияет на конечный результат их посреднической деятельности — усиление позиции семей с детьми, активизация их ресурсов, защита их прав и интересов, восстановление их социального статуса в обществе [7].

Результативность применения посреднической деятельности как технологии можно наглядно проследить на примере организаций системы социального обслуживания семей с детьми г. Красноярск, выступающих проводниками социальных перемен в обществе на уровне местного сообщества. В связи с этим, данные учреждения имеют возможность напрямую взаимодействовать с семьями, детьми, принимать активное участие в решении их проблем и проблем их ближайшего окружения.

Перед специалистами в процессе их социально ориентированной деятельности поставлены, как минимум, две задачи. В качестве первой задачи выступает усиление специалистами позиции семьи как социального института общества, активизация ее ресурсов и ресурсов ближайшего окружения, выяв-

ление потенциала семьи, содействие семье, гармонизация внутрисемейных отношений, приобщение члена(-ов) семьи к социально-одобряемым нормам поведения, обогащение методической копилки родителей психолого-педагогическими знаниями, ориентирование на здоровый образ жизни, решение конкретных случаев в соответствии с индивидуальными потребностями получателей социальных услуг, осуществление посреднической позиции в связке «получатель социальных услуг — специалист социального учреждения — поставщики социальных услуг, институты общества». Социальные посредники подводят семьи к мысли о целесообразных действиях, предлагают им пробовать, экспериментировать, выдвигать и обсуждать альтернативные варианты решения собственных проблем, воплощать их в жизнь, способствуют во взаимодействии осознанию и принятию совершенных ошибок и достигнутых успехов.

Специалисты оформляют работу с семьей как получателем социальных услуг в виде индивидуальной программы, основной целью которой является организация и осуществление социального сопровождения семьи, при необходимости, представителей ее ближайшего окружения. Практически данная работа представлена в том числе в виде функционирующего социального консилиума как формы работы по месту жительства, на заседания которого приглашаются родители, и их несовершеннолетние дети.

Второй задачей социальных посредников является укрепление престижа социальных организаций, которые они представляют, координация действий социальных институтов, занятых в работе с конкретными случаями. Проводимая работа в данном направлении предполагает взаимодействие как с получателями социальных услуг, так и представителями субъектов системы профилактики детского и семейного неблагополучия в районах города. В этом случае специалисты содействуют мобилизации общественных ресурсов и ресурсов взаимодействующих организаций социального обслуживания семьи и детей, ведомств. То есть, они организуют заинтересованное посредничество от имени семьи, конкретного ребенка с целью реализации их права

на получение необходимых услуг и средств в соответствующих организациях, ведомствах.

В ходе исследования на базе центров г. Красноярска, реализующих семейно-ориентированный подход, было замечено, что комплексный подход и соблюдение междисциплинарного принципа в работе с семьями и детьми включает в себя четкие и последовательные педагогические стратегии деятельности, а именно:

- активизация;
- содействие;
- приобщение;
- гармонизация;
- ориентирование;
- сопровождение;
- обогащение;
- мобилизация.

Выбор специалистами каждой из перечисленных педагогических стратегий осуществляется с учетом следующего: особенностей каждого индивидуального случая, то есть таких переменных характеристик, как возраст, категория и состав семьи, стиль семейного воспитания и лидерства в семье, наличие усугубляющих факторов; условий реализации (на дому, по месту жительства, в стационарных условиях); уровня профессиональной компетентности самих специалистов; наличия (доступ) определенных ресурсов; наличия степени влияния объективных и субъективных факторов (миграция, референтная группа/человек, безработица).

Выделенные в деятельности социальных посредников педагогические стратегии в тоже время могут быть в зависимости от ситуации реализованы специалистами и как тактики, и как стратегические задачи. Например, работа с семьей А. предполагает использование стратегии гармонизация как основной, в то время как стратегии обогащение и ориентирование включены в процесс как тактики, что позволит эффективно достичь поставленных целей.

Немаловажное значение для изучения педагогических стратегий в области посреднической деятельности социальных посредников имеет обращение к педагогическим идеям Валентины Владимировны Игнатовой, в соответствии с которыми можно отметить следующее. Сама *стратегия* определяется

как способ действий в решении конкретной ситуации. Следовательно, применение педагогических стратегий в практике социальных посредников используется в том случае, когда для прямого достижения основной цели им недостаточно наличных ресурсов (как у специалистов, так и у граждан). В этом случае, для достижения основной цели с помощью стратегий происходит более эффективное использование *наличных ресурсов* [2, с.195], а также активизация скрытых ресурсов. Отмечается, что педагогический смысл понятия «стратегия» связывается с умением организовывать стратегическое планирование, подразумевающее, что личность создает и реализовывает для себя такие условия, «которых нет в наличии» [3, с.45].

Использование педагогических стратегий в практике посреднической деятельности социальных посредников позволяет выделить некоторые преимущества. Опираясь на исследования В. В. Игнатовой, можно выделить:

- реализацию намеченной цели в долгосрочной перспективе с опорой на процессы диагностики, прогнозирования и планирования, возможности конструктивного взаимодействия;
- определение конкретных субъектов деятельности для достижения цели, их активных действий и необходимых ресурсов, при необходимости, активизация их деятельности;
- разработку и последовательную адресную реализацию в деятельности целесообразных способов, методов, организационных форм;
- использование обратной связи от субъектов взаимодействия;
- ориентирование на ожидаемые результаты, осуществление за ними контроля;
- осознание возможных рисков при достижении цели, возможностей их коррекции;
- использование личностно-профессионального потенциала самих специалистов, их способности творчески мыслить и действовать.

В исследовании нами используется понятие *педагогической стратегии* как творчески спланированной деятельности всех субъектов образовательного процесса по реализации педагогической цели, решение некоторой педагогической (социальной) проблемы или

задачи за определенный период времени [3, с.47].

В контексте нашего исследования, наибольший интерес для нас представляют изучение таких педагогических стратегий, как «содействие» и «сопровождение» (в контексте научных исследований В. В. Игнатовой, Л. А. Барановской, О. А. Шушериной). Рассмотрим содержание указанных стратегий.

В толковых словарях русского языка под *содействием* понимается помощь, поддержка в каком-нибудь деле, деятельности [10]; деятельностное участие в чьих-нибудь делах с целью облегчить, помочь, поддержать в какой-нибудь деятельности [8, с.606]; помощь, помогать кому-либо, чему-либо в чем-либо; способствование, способствовать; деятельностное участие в чьих-нибудь делах с целью облегчить, помочь, поддержать в какой-нибудь деятельности; совместное действие; соучастие [11].

В. В. Игнатова определяет *содействие* как особый вид педагогической деятельности, при этом содействие всегда является *осознанной совместной деятельностью*, направленной на оказание помощи и поддержки учащихся в их образовательной деятельности *в процессе* учебного взаимодействия [2, с.199].

Л. А. Барановская понимает под *содействием* сознательное деятельностное участие педагога по оказанию помощи, поддержки воспитаннику [2, с.127]. Как отмечает исследователь, в данном понимании отражается социальность содействия, его направленность на человека [3, с.49].

Использование содействия социальными посредниками в решении социальных ситуаций граждан предполагает:

во-первых, проявление с их стороны сознательного деятельного участия, направленного на развитие личности получателя социальных услуг;

во-вторых, толерантное принятие получателя социальных услуг, учитывая его интересы, возможности, эмоциональное состояние, отношение к своей проблеме;

в-третьих, принятие субъектности получателя социальных услуг, то есть гражданин должна быть представлена возможность стать активным субъектом собственного становления;

в-четвертых, целенаправленно реализуемая совместная деятельность (работа ведется на основе двустороннего договора об оказании помощи) создает условия для соблюдения перспектив развития личности получателя социальных услуг, предоставления ему определенной свободы в своих действиях, права выбора получателем из предложенных коррекционных мероприятий;

в-пятых, оставаться на протяжении всего взаимодействия с получателем социальных услуг, другими субъектами социальной сферы куратором случая, то есть нести персональную ответственность за последовательное исполнение действий, за наличие гибкости в планируемых мероприятиях, за конечные результаты.

В. В. Игнатова, Л. А. Барановская представляют в реализации содействия как педагогической стратегии последовательные этапы, которые можно приобщить к деятельности социальных посредников. Исследователи, исходя из контекста этапов, условно разделяют на теоретические (аналитический этап, этап альтернативного выбора, формулирование, проектирование) и практические (реализация, регуляция).

Таким образом, содействие обеспечивает специалистам реализацию посреднической деятельности и осмысливается как осознанная совместная деятельность, как минимум 2-х субъектов, таких как специалисты организаций социального обслуживания и получатели социальных услуг в лице семей с детьми. Содействие направлено на построивание социальных связей и отношений в интересах получателей социальных услуг и оказания им квалифицированной качественной и своевременной, результативной помощи и поддержки, сопровождение. При этом последовательная деятельность занятых в социальной сфере специалистов направлена на активизацию жизненной позиции получателей социальных услуг.

Далее перейдем к педагогической стратегии «сопровождение».

Специалисты организаций социального обслуживания, как специалисты помогающих профессий, в силу функциональных особенностей деятельности, *выступают одновременно*

субъектами и объектами сопровождения. Сопровождение усиливает позитивные факторы развития, поиск скрытых ресурсов развития человека, опору на его собственные возможности [6]; предусматривает поддержку естественно развивающихся реакций, процессов и состояний личности [7].

Е. И. Казакова, А. П. Тряпицына отмечают, что содержание понятия «сопровождения» выражается в самостоятельности субъекта в принятии решения, через «обеспечение условий для принятия субъектом решения», «данный субъект определяется и как развивающийся человек, и как развивающаяся система» [4]. Л. Г. Тарита подчеркивает, что специалист как сопровождающий не решает за получателя социальных услуг как сопровождаемого проблемную ситуацию, а *содействует ему в выборе «наиболее разумных решений, актуальных для каждого получателя социальных услуг в его конкретной жизненной ситуации»* [9].

В. В. Игнатова, О. А. Шушерина описывают *сопровождение* как вид педагогической стратегии, понимая под ним особый *вид институционализированной деятельности*, реализующейся в краткосрочных и пролонгированных формах и предполагающей создание условий, направленных на грамотное планирование, поэтапное осуществление и своевременную саморегуляцию деятельности за счет выбора содержания, методов и средств данной деятельности адекватно ее целям и задачам [1].

С позиции исследователей, в процессе сопровождения субъект самостоятелен в принятии решений, что дает возможность раскрыть исследуемое понятие «*через создание условий для принятия субъектом решения в ситуации выбора*». То есть, сопровождение более индивидуализировано и гибко, многоаспектно, имеет постоянный характер; в процессе сопровождения получатель социальных услуг как субъект самостоятелен в принятии решений.

Сопровождение — это всегда:

- специально спланированный и организованный процесс, носящий пролонгированный, комплексный характер;
- управляемый процесс, создающий условия для минимизации негативных последствий или полного решения социальной ситуации

ции, а также для перехода личности к самопомощи;

- комплекс действий, мероприятий в рамках индивидуального подхода, реализующихся на протяжении всего срока программы сопровождения;

- деятельность, имеющая правовое закрепление (например, постановлением комиссии по делам несовершеннолетних, договором об оказании помощи);

- реализуется параллельно с другими педагогическими стратегиями или тактиками;

- процесс, ведущийся специально подготовленными кадрами, в нашем случае социальными посредниками.

Среди видов сопровождения, независимо от того, с какой категорией специалисты взаимодействуют, можно выделить: социальное, информационное, социально-медицинское, социально-правовое, социально-педагогическое; объединяет их комплексный подход. Принципами сопровождения (они применимы, в том числе и к содействию) выступают взаимодействие, личностно-ориентированный подход, позитивное восприятие и принятие личности, конфиденциальность.

При сопровождении получателей социальных услуг социальные посредники всегда реализуют *основные функции*, среди которых можно выделить:

- 1) изучение и оценка ситуации получателей социальных услуг (диагностика);

- 2) разработка, планирование индивидуальной программы;

- 3) вмешательство в ситуацию получателей социальных услуг и целенаправленное влияние на нее (реализация индивидуальной программы);

- 4) *управление* ситуацией получателей социальных услуг, осуществление *контроля*, *координирование* действий субъектов социального взаимодействия.

Занятие посреднической позиции специалистов организаций социального обслуживания возможно при защите ими прав и интересов получателей социальных услуг в судах, государственных структурах и ведомствах, в том числе в связи с их частичной или полной недееспособностью. Особо остро стоит этот вопрос в отношении детей и подростков, по-

жилых людей, чьи права и интересы нередко нарушаются либо не соблюдаются вовсе со стороны их законных представителей, представителей учреждений образования и здравоохранения, государства или социума.

Исходя из вышесказанного, можно определить целевую установку в деятельности социальных посредников. *Основной целью взаимодействия* социальных посредников и получателей социальных услуг является оптимизация социального функционирования последних, предполагающая:

- 1) увеличение степени самостоятельности получателя социальных услуг, его способности контролировать свою жизнь и более эффективно разрешать возникающие проблемы;

- 2) создание условий, в которых получатель социальных услуг может в максимальной мере проявить свои возможности, способности и ресурсы;

- 3) содействие в адаптации или реадaptации граждан в обществе.

Результатом же (конечной целью) деятельности специалистов организаций социального обслуживания является разрешение проблем, отсутствие необходимости в их услугах.

Педагогические стратегии выполнимы при определенных требованиях к *специалистам организаций социального обслуживания, выступающим ответственными за планирование, проектирование, организацию и координирование посреднической деятельности на всех ее этапах*. Рассмотрим и проанализируем эти требования.

Для реализации педагогических стратегий в своей практике, специалистам организаций социального обслуживания необходимо овладеть соответствующими знаниями, умениями. *Успех реализации специалистами организаций социального обслуживания данного рода деятельности зависит от* овладения ими системой теоретических и практических *знаний* в области педагогических стратегий, социального посредничества, в том числе, о целях, принципах и основах административно-организационной деятельности по реализации социального обслуживания граждан, целях, принципах и основах организации социального посредничества между получателями со-

циальных услуг и различными социальными институтами для представления интересов получателей социальных услуг и решения их социальных проблем, регламент межведомственного взаимодействия; *умений и навыков* в обеспечении координации деятельности различных специалистов в решении актуальных задач социального обслуживания граждан, соблюдая при этом профессионально-этические требования к деятельности специалистов социальной сферы.

Однако мы считаем, что реализация посреднической функции специалистами на практике может быть связана с различными рисками, затруднениями (*то есть, действиями, реализация которых ставит под угрозу удовлетворение какой-либо достаточно важной потребности* [10]), что, в конечном итоге, осложнит выполнение посреднической деятельности, снизит качество оказываемых посреднических услуг. Среди таких затруднений можно выделить:

- недостаточная изученность сущности и содержания посреднической деятельности специалистов в теории и практике социальной сферы;
- отсутствие навыков по осознанной реализации на должном уровне посреднической функции;
- преодоление отказа от привычных ролей профессионального поведения («арбитр», «судья», «консультант», «помощник», «друг») и переход в посредническую позицию;
- несформированность посреднических отношений, их места и роли в обществе, неизученность форм проявлений посреднических отношений и влияния на них социальных условий и факторов;
- не умение самостоятельно проводить диагностику соответствующих возникающих трудностей, мешающих при реализации посреднической функции, и, как следствие, отсутствие у большинства социальных посредников индивидуальных образовательных траекторий совершенствования данной деятельности, ее сопровождения и самосопровождения.

Анализ статьи позволяет сформулировать некоторые общие и частные выводы. В деятельности специалистов по работе с семьей

педагогические стратегии играют ключевую роль и выступают инструментом социальной помощи и поддержки семьям с детьми. Потенциал педагогических стратегий позволяет специалистам комплексно подходить к решению поставленных обществом перед ними социальных задач за счет выделения цели, стратегического ориентира и индивидуальных средств достижения конкретной цели. Реализация педагогических стратегий зависит от личности социальных посредников, играющих при этом роль «главной скрипки», сформированности у них профессиональной компетентности в контексте посреднической деятельности, включающей, в том числе, элементы рефлексии, саморефлексии и самообразования.

Литература

1. Игнатова В. В. Педагогические стратегии в контексте профессионально-культурного становления личности студента вуза / В. В. Игнатова, О. А. Шушерина // Сибирский педагогический журнал. — 2004. — № 1. — С. 105–113.
2. Игнатова В. В. Педагогическое обеспечение духовно-творческого становления личности в модуле стратегического подхода // Региональные концепция и программа-ориентир воспитания детей молодежи Красноярского края до 2013 г.: проект / под ред. М. И. Шиловой. — Красноярск: КГПУ, 2009. — 28 с.
3. Игнатова В. В. Содействие как педагогическая стратегия / В. В. Игнатова, Л. А. Барановская // Сибирский педагогический журнал. — 2008. — № 14. — С. 44–52.
4. Казакова Е. И. Диалог на лестнице успеха (школа на пороге нового века) / Е. И. Казакова, А. П. Тряпицына. — Санкт-Петербург: Петербург-XXI в., 1997. — 160 с.
5. Логунова О. В. Организационно-педагогическое сопровождение посреднической деятельности специалистов социальных учреждений: автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Красноярск, 2014. — 23 с.
6. Муравьев Е. М. Психолого-педагогическое сопровождение профессиональной деятельности персонала органов управления образованием: дис. ... д-ра. пед. наук. — Великий Новгород, 2004. — 362 с.
7. Мухина В. С. Развитие, воспитание и психологическое сопровождение личности в системе непрерывного образования: концепция и опыт

работы ИРЛ РАО / В. С. Мухина, В. А. Горянина // Воспитание и развитие личности: материалы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. А. Горяниной. — М. : ИРЛ РАО, 1997. — С. 4–12.

8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — Москва, 2003. — 944 с.

9. Тарита Л. Г. Методическое сопровождение инновационных процессов в районной образова-

тельной системе: дис. ... канд. пед. наук. — Санкт-Петербург, 2000. — 145 с.

10. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. — Москва: Терра, 2007. — 824 с.

11. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Русский гуманитарный Интернет-университет / Словари и справочники. — Режим доступа: <http://www.i-u/biblio/dict.aspx#find>.

ПРОЕКТ «АкваОВЗ»: ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД К АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

О. А. Рудых, Е. О. Поталовская

Рудых Оксана Алексеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры психологии, педагогики, и социальной работы Института социального инжиниринга Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика М. Ф. Решетнёва», Красноярск.

Контактный адрес: Oksa.rubl@yandex.ru

Поталовская Елизавета Олеговна — студент 4 курса Института социального инжиниринга, кафедры психологии, педагогики и социальной работы Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика М. Ф. Решетнёва», Красноярск.

Контактный адрес: potalovskaya27@gmail.com

В статье исследуется значение адаптивной физической культуры, особенно в контексте её применения для лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Автор акцентирует внимание на плавании как одном из наиболее эффективных и доступных методов реабилитации для людей с различными формами инвалидности. Рассматривается проект «АкваОВЗ», реализуемый на базе Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнёва, который представляет собой социально ориентированную инициативу, направленную на создание доступной водной среды для лиц с ОВЗ.

Проект «АкваОВЗ» предоставляет возможность людям с инвалидностью не только заниматься плаванием, но и улучшать физическое и психоэмоциональное состояние. В статье проанализированы инновационные методы, используемые в адаптивном плавании, и представлены статистические данные, подтверждающие его эффективность в реабилитации. Особое внимание уделено роли волонтеров в реализации проекта и их вкладу в поддержку участников с ОВЗ.

Автор также оценивает текущее состояние подобных инициатив в России и обсуждает перспективы дальнейшего расширения проекта, его влияние на социальную интеграцию и улучшение качества жизни людей с инвалидностью.

Ключевые слова: социальная работа; адаптивная физическая культура; реабилитационное плавание.

«AQUAOVZ» PROJECT: AN INNOVATIVE APPROACH TO ADAPTIVE PHYSICAL CULTURE

O. A. Rudykh, E. O. Potalovskaya

Oksana Alekseevna Rudykh — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Social Work at the Institute of Social Engineering of the Siberian State University of Science and Technology named after Academician M. F. Reshetnev.

Contact address: Oksa.rubl@yandex.ru

Elizaveta Olegovna Potalovskaya — 4th year student of the Institute of Social Engineering, Department of Psychology, Pedagogy and Social Work of the Siberian State University of Science and Technology named after Academician M. F. Reshetnev.

The article examines the importance of adaptive physical culture, especially in the context of its application for people with disabilities (HIA). The author focuses on swimming as one of the most effective and affordable rehabilitation methods for people with various forms of disability. The project “AquaOVZ” is being considered, implemented on the basis of the Siberian State University of Science and Technology named after Academician M. F. Reshetnev, which is a socially oriented initiative aimed at creating an accessible aquatic environment for people with disabilities.

The “AquaOVZ” project provides an opportunity for people with disabilities not only to swim, but also to improve their physical and psycho-emotional state. The article analyzes the innovative methods used in adaptive swimming and presents statistical data confirming its effectiveness in rehabilitation. Special attention is paid to the role of volunteers in the implementation of the project and their contribution to the support of participants with disabilities.

The author also evaluates the current state of such initiatives in Russia and discusses the prospects for further expansion of the project, its impact on social integration and improving the quality of life of people with disabilities.

Keywords: *social work; adaptive physical education; rehabilitation swimming.*

Адаптивная физическая культура (АФК) представляет собой систему физических упражнений, специально разработанных для людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Основная цель АФК — содействие развитию физических, психоэмоциональных и социальных способностей людей с инвалидностью, а также их интеграция в общество через физическую активность. АФК включает в себя широкий спектр упражнений и спортивных дисциплин, адаптированных с учетом индивидуальных потребностей каждого человека, что делает её важным инструментом реабилитации и социализации.

Адаптивная физическая культура представляет собой важный аспект социальной работы с людьми с ограниченными возможностями. В последние годы правительство Российской Федерации активно развивает данное направление, что подтверждается рядом указов и постановлений, направленных на улучшение качества жизни людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Адаптивное плавание, как одно из наиболее эффективных средств реабилитации, становится все более популярным среди организаций, занимающихся социальной поддержкой и физической реабилитацией. В этом контексте проект «АкваОВЗ», реализуемый на базе кафедры психологии, педагогики и социальной работы, представляет собой пример эффективного сотрудничества между образовательными учреждениями и обществом, направленного на улучшение жизни людей с ОВЗ [1].

Согласно федеральным государственным образовательным стандартам и программам реабилитации в России, адаптивная физическая культура играет ключевую роль в реабилитации лиц с ОВЗ. Она направлена на улучшение общего состояния здоровья, развитие двигательных навыков, повышение самооценки, улучшение коммуникативных способностей и адаптацию в социуме. Минспорт России в своих докладах указывает, что АФК является важной частью программ реабилитации и активно поддерживается на государственном уровне [2].

Одной из наиболее эффективных форм АФК для лиц с ограниченными возможностями является реабилитационное плавание. Оно используется для восстановления и поддержания двигательных функций, а также способствует снижению мышечного гипертонуса, улучшению координации движений, а в некоторых случаях — укреплению дыхательной системы и сердечно-сосудистой системы. Плавание имеет минимальное воздействие на суставы, что особенно важно для людей с ограниченными физическими возможностями, так как вода снижает нагрузку на опорно-двигательный аппарат и обеспечивает комфортные условия для выполнения упражнений.

Исследования показывают, что регулярные занятия плаванием для людей с инвалидностью могут улучшить их физическую выносливость, уменьшить уровень боли и улучшить общее качество жизни. В частности, Европейская федерация адаптивного плавания (European Swimming Federation) приводит данные, что занятия в воде снижают риски вторич-

ных заболеваний, связанных с гиподинамией, таких как сердечно-сосудистые заболевания и ожирение, а также способствуют нормализации психологического состояния [4].

Таким образом, реабилитационное плавание играет важную роль не только в физической реабилитации, но и в психосоциальной адаптации людей с ОВЗ, что делает его одним из наиболее ценных направлений адаптивной физической культуры.

Социальная адаптация и физическая реабилитация людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) являются приоритетными направлениями современной социальной политики и науки. Одним из новаторских проектов в этой области является проект «АкваОВЗ», стартовавший в ноябре 2019 года. Его целью является создание доступной водной среды для людей с инвалидностью, что способствует их физическому и социальному развитию. Этот проект позволяет участникам не только улучшать физическое состояние, но и интегрироваться в общество через занятия физической культурой в специально адаптированных условиях.

Проект «АкваОВЗ» был создан на базе кафедры психологии, педагогики и социальной работы Института социального инжиниринга Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнёва (СибГУ). Заведующим кафедрой является Игорь Витальевич Гудовский, который оказывает поддержку в развитии и научной обоснованности данного проекта. Руководителем проекта является Врублевская Оксана Алексеевна, кандидат философских наук, доцент, под чьим внимательным руководством проект «АкваОВЗ» сумел объединить вокруг себя команду профессионалов и волонтеров.

Особая роль в создании проекта принадлежит трём ключевым фигурам, благодаря которым проект получил своё развитие и поддержку:

– Акбулатов Эдхам Шукриевич — ректор СибГУ, который внёс значительный вклад в организационную поддержку проекта;

– Каптелинина Наталья Олеговна — депутат Государственной Думы VIII созыва, которая оказала содействие в развитии социально значимых программ;

– Пискорская Светлана Юрьевна — директор Института социального инжиниринга, подержавшая инициативу на уровне Института.

Успех проекта в значительной степени зависит от наличия современной материальной базы, включая уникальный закрытый бассейн. Такие условия позволяют обеспечивать высококачественные занятия, что является редкостью для большинства учебных заведений. Бассейн предоставляет возможность для комфортного и безопасного обучения плаванию, а также для проведения различных реабилитационных мероприятий. Инфраструктура, доступная для людей с ОВЗ, создает условия, способствующие максимальному вовлечению участников в процесс обучения и реабилитации.

Важным аспектом проекта является высокий уровень мастерства педагогического коллектива и волонтеров. Их культура и профессиональные качества способствуют формированию личностных и нравственных характеристик участников, создавая благоприятную атмосферу для социализации и развития. Волонтеры активно вовлекаются в процесс обучения, помогая участникам не только с физическими упражнениями, но и обеспечивая эмоциональную поддержку. Их работа способствует созданию среды, где каждый чувствует себя нужным и важным, что, в свою очередь, влияет на успешность реабилитационных мероприятий.

Волонтерская поддержка проекта осуществляется группой студентов кафедры психологии, педагогики и социальной работы, которые активно участвуют в сопровождении занятий и помогают участникам проекта. В состав команды волонтеров входят: Поталовская Елизавета, Лыхнин Артём, Дмитриев Владислав, Канецкая Антонина, Власова Любовь, Гордеева Анастасия, Тешебаева Алёна, Полянский Дмитрий, Пфунд Валерия, Потылицына Алина, Добрычева Виктория, Данильчук Арина, Медведева Анастасия, Вяткина Влада, Буркова Полина. Их вклад заключается не только в непосредственной поддержке участников на занятиях, но и в создании благоприятной атмосферы для людей с ОВЗ.

Плавание давно признано одной из наиболее эффективных форм физической активности для людей с ограниченными возможностями здоровья. Оно положительно влияет на организм, улучшает кровообращение, укрепляет мышцы,

снижает уровень стресса и способствует улучшению координации движений. Водная среда позволяет участникам проекта «АкваОВЗ» безопасно тренировать свои двигательные навыки, снимая излишнюю нагрузку на суставы и позвоночник, что особенно важно для людей с ограниченной подвижностью. Проект «АкваОВЗ» применяет инновационные адаптивные методики плавания, учитывающие индивидуальные особенности каждого участника. Сопровождение волонтеров и инструкторов помогает участникам постепенно преодолевать свои физические барьеры, развивая уверенность в своих силах.

Адаптивное плавание в рамках проекта «АкваОВЗ» имеет значительное влияние на психоэмоциональное состояние участников, что делает его важным компонентом комплексной реабилитации людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Плавание предоставляет уникальную возможность для улучшения не только физического, но и психического благополучия участников. Занятия в воде способствуют значительному снижению уровня стресса и тревожности. Это связано с тем, что вода оказывает успокаивающее действие, помогая расслабиться и отвлечься от повседневных забот. Исследования показывают, что плавание способствует выработке эндорфинов, что, в свою очередь, помогает улучшить настроение и общее самочувствие. Участники отмечают, что после занятий чувствуют себя более расслабленными и спокойными, что имеет большое значение для людей, страдающих от депрессии и других психоэмоциональных расстройств.

Участие в проекте позволяет людям с ОВЗ развивать уверенность в своих силах. Возможность обучаться плаванию и преодолевать собственные физические и психологические барьеры создает условия для формирования позитивного отношения к себе. Многие участники отмечают, что успешное освоение новых навыков в плавании влияет на их самооценку и уверенность в себе в других сферах жизни. Плавание в группе способствует социализации и развитию межличностных отношений. Участники проекта становятся частью дружного сообщества, где они могут делиться опытом, радостями и трудностями. Это создает атмосферу взаимопомощи и поддержки, что особенно важно для людей с ОВЗ, которые часто могут чувствовать себя изолированными.

Командные занятия способствуют созданию дружеских связей, а волонтеры играют ключевую роль в обеспечении эмоциональной поддержки и мотивации. Плавание также имеет психотерапевтический эффект, который не следует недооценивать. Вода, создавая ощущение легкости и свободы, позволяет участникам избавиться от негативных мыслей и переживаний. Для некоторых людей плавание становится способом справиться с внутренними страхами и тревогами, что положительно сказывается на их общем эмоциональном состоянии. Многие участники проекта отмечают, что занятия в воде позволяют им лучше понимать свои эмоции и справляться с ними.

Также отдельное внимание стоит уделить влиянию плавания на сердечно-сосудистую и дыхательную систему. При плавании тело человека принимает горизонтальное положение, осуществляются циклические движения руками и ногами, задействованы все группы мышц, повышается давление воды на подкожное венозное русло, диафрагмальное дыхание становится глубоким, а состояние гидростатической невесомости способствуют притоку крови, что существенно облегчает сердцу работу [5].

Плавание в реабилитации людей с ОВЗ считается одним из самых эффективных методов благодаря уникальным физическим свойствам водной среды. Вода снижает нагрузку на опорно-двигательный аппарат и суставы, что позволяет выполнять широкий диапазон движений без риска травм и перегрузок. В отличие от занятий в обычных условиях, в воде снижается воздействие гравитации на тело, что помогает облегчить выполнение движений и улучшить координацию, гибкость и силу.

Плавание способствует:

- улучшению работы сердечно-сосудистой системы;
- усилению кровообращения и нормализации артериального давления;
- развитию дыхательной системы, особенно при дыхательных нарушениях;
- снижению мышечного тонуса, что особенно важно для людей с ДЦП и другими неврологическими расстройствами;
- улучшению координации движений и баланса;

– социальной интеграции и улучшению эмоционального состояния участников.

По данным Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на 2022 год в стране насчитывалось более 11 миллионов людей с инвалидностью, среди которых около 700 тысяч — дети с ОВЗ. Среди взрослых доля людей с инвалидностью составляет около 8 % от общей численности населения. Наиболее распространёнными причинами инвалидности являются заболевания опорно-двигательного аппарата, нервной системы и дыхательной системы. В такой ситуации эффективные методы реабилитации, такие как плавание, приобретают особую значимость [3].

Кроме того, исследования показывают, что среди взрослых с инвалидностью около 60 % испытывают сложности с передвижением, что ограничивает их участие в повседневной жизни и социальной активности. В этом контексте плавание, как одна из немногих доступных форм физической активности, становится важным инструментом для улучшения физического состояния и повышения социальной адаптации людей с ОВЗ.

Для каждой категории людей с ОВЗ плавание приносит специфические преимущества, благодаря чему оно стало важной частью многих реабилитационных программ.

1. Люди с нарушениями опорно-двигательного аппарата:

– Плавание помогает снять нагрузку с суставов и позвоночника, что делает его безопасным для людей с нарушениями двигательной функции.

– Вода способствует развитию мышечной силы и улучшению координации движений. Участники с ограниченной подвижностью могут безопасно выполнять физические упражнения в воде, что способствует восстановлению двигательных способностей.

2. Люди с неврологическими заболеваниями (например, ДЦП):

– Вода уменьшает спастичность мышц, помогая контролировать гипертонус и улучшая общее самочувствие. Это особенно важно для людей с церебральным параличом, у которых часто наблюдаются скованные или спазмированные мышцы.

– Участники могут работать над улучшением равновесия и координации, выполняя упражнения, недоступные им в обычной среде.

3. Люди с нарушениями зрения и слуха:

– В бассейне люди с инвалидностью по зрению и слуху могут развивать свои осязательные и пространственные способности. Волонтеры и тренеры помогают им освоиться в воде и получать навыки самоконтроля.

– Плавание способствует психологической адаптации и снижению уровня тревожности, создавая среду, где они могут чувствовать себя комфортно и безопасно.

4. Люди с психическими и когнитивными расстройствами:

– Плавание помогает улучшить концентрацию, снять стресс и тревожность, а также повысить уровень самооценки и уверенности в себе.

– Вода оказывает успокаивающее действие на нервную систему, что особенно важно для людей с аутизмом и расстройствами, связанными с тревожностью и гиперактивностью.

Одним из ключевых аспектов плавания для людей с ОВЗ является его влияние на психоэмоциональное состояние участников. Для многих людей с инвалидностью плавание не только улучшает физическое состояние, но и способствует их эмоциональному и социальному развитию. Водные занятия способствуют снижению уровня стресса, тревожности и депрессивных состояний, улучшая общее самочувствие и настроение. Плавание также способствует социальной интеграции. Многие люди с ОВЗ сталкиваются с социальной изоляцией и ограниченными возможностями взаимодействия с окружающими. Занятия в бассейне в рамках проектов, подобных «АкваОВЗ», позволяют им найти поддержку, установить новые социальные связи и наладить коммуникацию с другими участниками и волонтерами. Это создает ощущение принадлежности к коллективу и стимулирует развитие межличностных отношений.

Один из участников проекта «АкваОВЗ», Денис Каверзин, с четырехлетним стажем занятий в бассейне, рассказывает: «С начала моего диагноза я занимаюсь в бассейне. Мне необходимо реабилитироваться, плавая в воде. И я действительно ощущаю эффект. Гипер-

тонус снижается, и общее самочувствие улучшается».

Такие отзывы подчеркивают значимость плавания для людей с ОВЗ как эффективного способа не только физической, но и психоэмоциональной реабилитации.

Плавание, как инновационная и универсальная форма реабилитации, имеет большой потенциал для расширения по всей России. На сегодняшний день подобные программы, как «АкваОВЗ», существуют в нескольких регионах страны, однако они охватывают далеко не всех нуждающихся. Для расширения их доступности необходимы дополнительные инвестиции в создание доступных бассейнов и обученных специалистов, которые могли бы сопровождать людей с ОВЗ на занятиях.

В России реализуется несколько проектов, направленных на адаптивную физическую культуру для людей с ОВЗ, однако их количество остается недостаточным для того, чтобы охватить всех нуждающихся. Многие программы ограничены в своих ресурсах и действуют только на уровне крупных городов или отдельных учреждений. В связи с этим проект «АкваОВЗ» выделяется своей устойчивостью и интеграцией в образовательный процесс СибГУ. Проект «АкваОВЗ» демонстрирует высокий потенциал для распространения на другие регионы страны, благодаря своей научной обоснованности и поддержке со стороны университета и других образовательных учреждений. Он может служить моделью для разработки аналогичных инициатив в других регионах, направленных на улучшение качества жизни и социальной интеграции людей с ограниченными возможностями здоровья.

В будущем проект «АкваОВЗ» планирует расширить свою деятельность и привлечь большее количество участников, в том числе волонтеров и специалистов. Планируется разработка дополнительных программ и методик, направленных на совершенствование реабилитационных и оздоровительных практик для людей с ОВЗ. Проект также стремится расширить сотрудничество с другими вузами, научными и социальными организациями, чтобы распространять лучшие практики в области адаптивной физической культуры и реабилитации.

Среди долгосрочных целей проекта — расширение межрегиональных связей и привлечение государственных и общественных организаций для устойчивого финансирования и поддержки инициатив, направленных на улучшение социальной инклюзии и качества жизни людей с ОВЗ. Проект «АкваОВЗ» продолжает оставаться важной платформой для обмена знаниями и опытом, объединяя усилия специалистов, волонтеров и научного сообщества в достижении общих целей.

Проект «АкваОВЗ» представляет собой значительный вклад в развитие адаптивной физической культуры и социальной реабилитации людей с ограниченными возможностями здоровья. Благодаря поддержке СибГУ и командной работе волонтеров и специалистов, этот проект служит примером успешной социальной инициативы, способной изменить жизнь людей к лучшему. Создание доступной среды и возможностей для физической активности для людей с ОВЗ — это не только практическое решение задач реабилитации, но и важная миссия, направленная на формирование инклюзивного общества.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2016 г. № 326 «О развитии системы социальной поддержки инвалидов в Российской Федерации». — [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41500> (дата обращения: 07.10.2025).
2. Министерство спорта Российской Федерации. Адаптивная физическая культура: доклад о состоянии и развитии системы физического воспитания в Российской Федерации [Электронный ресурс]. — М., 2023. — Режим доступа: <https://minsport.gov.ru> (дата обращения: 07.10.2025).
3. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Статистика инвалидности в России на 2022 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru> (дата обращения: 07.10.2025).
4. Федерация адаптивного плавания Европы. Annual Report on Aquatic Therapy and Rehabilitation for People with Disabilities. — 2022. — 156 p.
5. Плавание: учебник для вузов / Н. Ж. Булгакова [и др.]; под общ. ред. Н. Ж. Булгаковой. — М.: Физкультура и спорт, 2001. — 400 с.

АРТ-ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК МЕТОД УЛУЧШЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЖЕНЩИН, НАХОДЯЩИХСЯ НА ЛЕЧЕНИИ С РИСКОМ ПОТЕРИ ПЛОДА И ПЕРИНАТАЛЬНОЙ ПОТЕРИ

С. А. Томилова

Томилова Светлана Александровна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и социальной работы Института социального инжиниринга Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика М. Ф. Решетнёва», Красноярск.

Контактный адрес: sunlusia@mail.ru

В современном мире существует ряд проблем, которые в психотерапевтической работе с женщинами, занимают одну из ведущих позиций. Перинатальные потери рассматриваются через призму проблем со здоровьем, и психотерапевтическая работа направлена на восстановление психофизиологического состояния женщины. В данной работе мы раскрываем содержание арт-технологий, которые позволяют улучшить эмоциональное состояние женщины с перинатальной потерей или риском потери плода.

***Ключевые слова:** арт-терапия; перинатальная потеря; риск перинатальной потери; эмоциональное состояние; психологическая травма; терапия горя.*

ART THERAPEUTIC TECHNOLOGIES AS A METHOD FOR IMPROVING THE EMOTIONAL STATE OF WOMEN UNDERGOING TREATMENT AT RISK OF FETAL LOSS AND PERINATAL LOSS

S. A. Tomilova

Svetlana Aleksandrovna Tomilova — PhD in Psychology, Associate Professor in the Department of Psychology, Pedagogy, and Social Work at the Institute of Social Engineering, Siberian State University of Science and Technology named after Academician M. F. Reshetnev, Krasnoyarsk.

Contact address: sunlusia@mail.ru

In today's world, a number of issues exist that are a key focus in psychotherapeutic work with women. Perinatal losses are viewed through the lens of health issues, and psychotherapeutic work is aimed at restoring the woman's psychophysiological state. In this paper, we explore art technologies that can improve the emotional well-being of women with perinatal loss or risk of fetal loss.

***Keywords:** art therapy; perinatal loss; risk of perinatal loss; emotional well-being; psychological trauma; grief therapy.*

Современная реальность подчеркнуто акцентирует внимание на том, что перинатальные потери воспринимаются не как смерть члена семьи, а как проблемы с репродуктивной функцией женщины. Такие формулировки были получены при опросе более 400 женщин, которые участвовали в социальном проекте «Всё лучшее — во благо женщин».

С 1 июня до октября 2021 года команда психологов и медицинских работников объединилась в социальном проекте «Всё лучшее — во благо женщин».

Цель проекта: организовать проведение еженедельных арт-терапевтических занятий с целью улучшения эмоционального состояния женщин, находящихся на лечении с риском

потери плода и перинатальной потерей на базе КГБУЗ «Красноярская межрайонная клиническая больница № 4».

Команда специалистов работала над арт-тетрадью, которая стала опорой и проводником для женщин в сложной ситуации. Созданная арт-тетрадь уже больше года помогает самостоятельно восстанавливать эмоциональное равновесие, почувствовать себя и опору на себя. В неё вошли рекомендации врачей и психологов, арт-терапевтические упражнения, письменные практики, раскраски. Упражнения и задания, которые были отобраны для арт-тетради и арт-книги были направлены на сохранение у женщин внутреннего спокойствия, снижение уровня личностной и ситуативной тревожности, знакомство и осознание собственного эмоционального состояния. Также были включены техники самопомощи, способствующие восстановлению контакта с собой в процессе проживания травмы у женщин с перинатальными потерями.

Женщины, проживая перинатальную потерю, оказываются наедине со своими эмоциями и мыслями, фактически изолированные от адекватно контакта и поддержки со стороны близких, друзей и общества. Арт-терапия является одним из направлений, способных бережно сопровождать женщину в процессе проживания горя.

Утрата нерожденного ребенка — это сложная и болезненная тема, о которой предпочитают молчать. В практике многих роддомов нерожденного ребенка (плод весом от 500 г или сроком до 22 недель) рассматривают как биоматериал, поэтому не дают возможности матери и другим близким прикоснуться, проститься, похоронить, что позволит осознать случившееся.

Так как эмоциональная связь между матерью и ребенком формируется еще до рождения малыша (для неё этот малыш существовал реально) и она в отличие от других членов семьи теряет реального ребенка. К сожалению, в медицинском учреждении, женщина, проживающая потерю, не может найти возможности получить полную поддержку.

Этапы работы с травмой, специфика работы с перинатальными потерями. Женщина испытывает следующие чувства:

- горе, шок и боль;
- чувство собственной неполноценности и сомнения в предназначении быть матерью;
- вину и страх неудачи;
- гнев по отношению к себе, супругу, друзьям и к тем, кто пытается минимизировать потерю или не признает ее значимость;
- депрессию, чувство пустоты и печали;
- неконтролируемый плач;
- постоянные размышления и озабоченность о потере ребенка;
- отчуждение по отношению к людям и происходящим событиям;
- ревность к другим женщинам, особенно к тем, у кого есть дети;
- сниженную самооценку [1].

Перинатальной потерей считается гибель плода на различных стадиях беременности, во время родов или смерть новорожденного вскоре после родов.

Особенность переживания перинатальной потери: наличие эмоциональной связи родителей с плодом, особенно матери, возникшей еще до рождения ребенка; различное выражение переживания потери женщиной и мужчиной, а так также членами их семьи (дети, бабушки, дедушки); присутствие физиологического стресса, при котором существует реальная или воображаемая угроза жизни и здоровью самой женщины; нет выраженного феномена отсутствия, чтобы дать сигнал об утрате, что способствует трудности интернализации того факта, что действительно произошла смерть. Таким образом, женщина, проживающая утрату, не может в достаточной мере получить поддержку и опору от своих близких, что может привести к разрушению внутренней устойчивости, повышенному уровню личностной и ситуативной тревожности, а также эмоциональному выгоранию.

В современных исследованиях выделены факторы, продлевающие и искажающие проживание горя:

- незнание причины и чувство вины;
- любое амбивалентное отношение к беременности;
- мысли о предательстве тела и связанное с этим чувство стыда;
- мучительные страхи о нормальности плода и будущей беременности;

– невозможность видеть или, наоборот, позволение видеть плод или ребенка;

– сведение окружающими к минимуму ее потери и горя;

– информация о положительном протекании беременности из социума, негативный результат в силу своей неожиданности усугубляет процесс проживания потери;

– табу на осуждение темы смерти;

– мотивация зачатия;

– отсутствие специальной подготовки медперсонала, позволяющей психологически грамотно сообщить об утрате, квалифицированно обсудить тему смерти;

– отчужденное отношение семьи и врачей к потере.

Арт-терапевтические технологии были выбраны командой специалистов с целью помочь женщинам не держать переживания в себе, а научиться транслировать и проговаривать их с помощью образов и слов, когда они рассказывают о своем рисунке. В процессе реализации проекта «Всё лучшее — во благо женщин» пациентки разрешали себе на арт-терапевтических занятиях открыто проживать свои эмоции (плакать, кричать, говорить о своей боли), что давало возможность снять общее напряжение и помочь прожить острый этап утраты. С помощью письменных практик, таких как «письмо нерожденному малышу», женщины получали возможность разъединиться с малышом, тем самым уменьшив боль. Нарративная психотерапия помогает бережно и аккуратно создать условия для «прощания» с малышом. В таких письмах женщины могли рассказать о своих ожиданиях и мечтах, выписывая выплакать то, что так и не будет реализовано, так и не станет реальностью.

Далее арт-терапия способствовала созданию образа будущего и женщины с улыбкой «мечтали» на бумаге своё будущее и будущее семьи. Для возможности сформировать положительные эмоции, переключить пациенток с проживания разрушающего негативного прошлого, на осознание себя в настоящем и видением собственного будущего, были использованы футуропрактики. В практической работе были использованы следующие упражнения: «Карта счастья», «Я — это любовь», «Река будущего». Данные техники позволяют через

образы и символы разрешить женщинам мечтать о том, что будущее будет наполнено ресурсами, реализацией задуманного, воплощением желаемого, а это рождение ребенка, что создает внутренние опоры на собственные ресурсы.

Сложность в реализации проекта заключалась в том, что женщины находились на разных фазах проживания перинатальной потери. Необходимо было найти индивидуальный подход и оказать психологическую поддержку.

Фазы переживания перинатальной потери (по Костериной Е. М.):

фаза 1. Шок, ступор, протест.

Фаза 2. Поиски тоска.

Фаза 3. Дезориентация.

Фаза 4. Реорганизация.

Психологическая помощь на разных фазах проживания горя:

1 фаза — формирование зрелых защитных механизмов, объяснение и принятие происходящего.

2 фаза — помощь в проживании собственных чувств, в этом хорошо помогают средства арт-терапии.

3 фаза — на этом этапе формирует осознание того, что женщина полноценна и способна жить дальше.

4 фаза — формировать представления о будущем, положительными образами себя и собственной жизни [2].

В социально-психологическом аспекте принято различать следующие формы переживания перинатальной проблемы: утрата физическая и символическая.

Физическая утрата — утрата осязаемого объекта, очевидного и понятного окружающим, чаще всего признается окружающими.

Символическая утрата — это потеря чего-то неосязаемого, но символически значимого для человека, и зачастую не признается окружающими как утрата, вызывающая чувства, требующая переживания в течение некоторого времени.

Горе — процесс переживания психологической, поведенческой, социальной и физической реакции на утрату, растянутую во времени, включающий в себя множество изменений.

Скорбь — это весь комплекс эмоциональных, соматических и социальных процессов,

вызванный смертью близкого человека, переживание потери.

Особенности переживания перинатальной потери подталкивают к поиску новых технологий, которые позволят создать максимально поддерживающую среду для женщины.

В процессе работы был создан авторский алгоритм, позволяющий выявлять фазу и подбирать индивидуально техники, способствующие эффективному восстановлению в процессе проживания горя. Содержание алгоритма работы с использованием арт-терапевтических и письменных практик (авторская модель, разработанная Томиловой С. А.):

1 шаг — «Взгляд внутрь» — самоисследование и самоосознание.

2 шаг — «Щит и меч» — механизмы психологической защиты, рецепты самовосстановления после взаимодействия с токсичными людьми.

3 шаг — «Вешаем флажки» — определяем личные границы и исследуем механизмы их отстаивания и защиты.

4 шаг — «Расфокусировка» — поиск и распределение внутриличностных ресурсов.

5 шаг — «Пирамида амбиций» — осознание собственной целостности и значимости. Работа с чувством гордости и уверенности в себе и своих силах.

6 шаг — «Поиск мишени» — определяем личную траекторию развития, намечаем цели и шаги в направлении к мечте.

7 шаг — «Опора» — определение устойчивой жизненной позиции, исследование механизмов поддержания равновесия.

8 шаг — «Внутренний стержень» — повышение уровня осознанности и ответственности за свою жизнь и принимаемые решения.

С помощью созданного в рамках реализации проекта опросника, можно было определить на каком этапе (шаге) находится каждая из пациенток и предложить ей индивидуально набор арт-терапевтических техник. Каждый из этапов содержал набор арт-терапевтических техник и письменные практики.

На основе описания пациентками к созданным рисункам и арт-объектам, в особенно тяжелых случаях прописывались тексты поддержки. Письменные практики (ведение дневника, экспрессивное письмо, свободное

письмо) появлялась возможность прорабатывать контакт с женщинами и демонстрировать на примере текстов, какую самоподдержку они могут оказать себе в процессе дальнейшего восстановления.

Пример текста, созданного в процессе терапии (под запрос клиента): «Проходи, хорошая моя, садись, налить ли тебе чаю, пусть согреет он твои руки и твоё сердечко. Проходи, милая, вижу слезы тяжким колючим комом в груди твоей, разрывают просят изнутри выйти потоком колючим и холодным, сметая всё на своём пути. Садись уютно, завернись в плед, укутайся, убаюкайся, завернись в кокон, дай урагану слов очищающим потоком струиться сквозь тебя.

Приму, услышу, обниму душой, согрею словом, вопросом нужным, руку подам там, где страшно идти одной, а дальше... буду любоваться твоим блеском в светлых от осознания очищения души глазах, разглядывать твои раскрывшиеся за спиной «крылья могучей женской силы». Встречай боль с благодарностью. Она сигнализирует о неверном решении, не том человеке, не своем пути!

Верь в себя, милая! Слушай себя, слушай тело своё, замри хотя бы на секунду в этом стремительном потоке событийности. Задержи дыхание...

Слышишь ритмы своего сердца? Это ритм твоих шагов по дороге жизни! Никто не вправе «учить» тебя как правильно и как неправильно жить, ты внутри себя носишь истинное знание о себе, других и мире» (авторский текст Томиловой С. А.).

Женщин знакомили с арт-терапевтической техникой «Спонтанного рисования», где нет рабом, материалы могут быть любые, которые находятся под рукой, целью данного упражнения является выплескивание эмоций, проживание их в моменте. В процессе спонтанного рисования психолог не вмешивается в процесс, не комментирует и не задает вопросы, по завершению работы женщина сама рассказывает о своих переживаниях и мыслях, в ряде случаев, пациентка рисует не одну работу, чтобы снять напряжение и негативные эмоции.

Когда после высвобождения негативных эмоций женщина хочет и может продолжать

работу и запрос обретает форму запроса на дальнейшую жизнь, то стоит предложить описать жизнь ребенка вне семьи, его уход. Здесь можно опять же воспользоваться изо-техникой или обратиться к сказкотерапии.

Методы работы в рамках проекта были нами выбраны с точки зрения возможности работать с бессознательным женщин и корректировать безопасно эмоциональное состояние.

Написать сказку своей беременности и своего ребенка. Финалом сказки обязательно должно быть отпускание ребенка в счастливое существование в этом мире или ином (любом придуманном, в случае перинатальной потери). А также должна быть описана жизнь родителей после ухода ребенка.

Если финал печальный и герои сказки остаются в состоянии горя, сказка перерабатывается заново.

При рождении ребенка с особыми возможностями здоровья основной акцент делается на его успешную жизнь в этом мире и то, как его родители могут ему помочь.

Родителям необходимо осознать, что у них есть возможность дать ему счастливое детство и жизнь, увидеть в нем уникальную

личность, подарить любовь и заботу, помочь ребенку адаптироваться к социальным условиям жизни.

Следует отметить, что в рамках проекта женщины под руководством психологов рисовали картины, отображающие их внутреннее состояние — страхи, переживания, надежды.

Таким образом, в ходе реализации проекта, были использованы современные арт-терапевтические технологии, которые помогли облегчить боль утраты, способствовали восстановлению сил и поиску ресурсов для нового уровня восприятия мира, снизили неадекватные эмоциональные проявления, стабилизировали психоэмоциональное состояние пациенток.

Литература

1. Маркман Е. В. Перинатальная утрата: практикум по арт-терапии / Е. В. Маркман. — М.: МАCards при участии ИП Лурко А. А., 2020. — 112 с.
2. Добряков И. В., Блох М. Е., Фаерберг Л. М. Перинатальные утраты: психологические аспекты, специфика горевания, формы психологической помощи // Журнал акушерства и женских болезней. — 2015. — Т. 64. — №3. — С. 4–10.

ВОЛОНТЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ САМООРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Астапов В. В.

Астапов Виталий Валерьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры психологии, педагогики и социальной работы Института социального инжиниринга Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика М. Ф. Решетнёва», Красноярск.

Контактный адрес: astapov.vit@mail.ru

В статье рассматривается самоорганизация российской молодежи, которая может принимать различную направленность. Проанализированы проблемы и подходы к рассмотрению волонтерства как формы позитивной самоорганизации молодежи.

Ключевые слова: волонтерство; самоорганизация; потенциал; добровольчество; молодежь.

VOLUNTEERING AS A SELF-ORGANIZATION OF THE RUSSIAN YOUTH

V. V. Astapov

Vitaly Valerievich Astapov — PhD, Associate Professor in the Department of Psychology, Pedagogy, and Social Work at the Institute of Social Engineering, Siberian State University of Science and Technology named after Academician M. F. Reshetnev, Krasnoyarsk.

Contact address: astapov.vit@mail.ru

The article examines the self-organization of Russian youth, which may take a different direction. Problems and approaches to considering volunteerism as a form of positive self-organization of young people are analyzed.

Keywords: volunteering; self-organization; potential; volunteerism; youth.

Самоорганизация как непрерывный процесс внутреннего упорядочивания и совершенствования системы и её социальных связей присутствует во всех сферах человеческого общества, существует на всех его уровнях, начиная со всего общества и заканчивая примитивными группами. Самоорганизация является источником пробуждения в людях инициативы и повышения их активности. Участвуя в процессах самоорганизации, человек достигает определенных целей, главные из которых — самореализация и становление личности. Эффективность процесса самоорганизации граждан обусловлена как объективными, так и субъективными факторами. К объективным факторам относятся состоя-

ние гражданского общества и формирование правового государства, кризис гражданской и национальной идентичности, высокий уровень социальной дифференциации, ценностно-нормативный и идеологический кризис. Среди субъективных факторов, влияющих на масштабы и характер самоорганизации, социальное самочувствие и настроение, мотивы и цели деятельности представителей различных социальных групп, социальная (и личная) значимость предмета, на котором осуществляется деятельность направлен; уровень социальных ожиданий, личностные ценностные ориентации. Изучение процессов самоорганизации в современной молодежной среде приобретает особую актуальность, поскольку мо-

лодежь — наиболее динамичная социальная группа, находящаяся в постоянном состоянии самосовершенствования и поиска своего «Я».

Самоорганизацию следует рассматривать как одну из наиболее важных характеристик осведомленности и поведения молодежи. В широком смысле слова самоорганизация — это процесс организации внутренних и внешних отношений молодежи как особой социально-демографической группы, её индивидуальных подструктур и личности под влиянием изменений в молодежной и социальной среде.

Проблема самоорганизации российской молодежи актуальна для социологических наук и социально-трансформирующей практики, поскольку, как и любое сложное явление социальной реальности, самоорганизация в зависимости от действий его субъектов может иметь амбивалентные последствия, как конструктивные, так и крайне негативные, деструктивные, которые могут привести к кризисное развитие социальной системы вплоть до разрушения государства. Можно утверждать, что феномен самоорганизации во многом определяет перспективы развития самой молодежи и российского общества в целом, поскольку готовность и способность к этому отражают базовые человеческие качества представителей каждого поколения, степень их социальности [1].

Характер процессов самоорганизации молодежи определяется выбором методов реализации социальной субъективности. Самоорганизация может принять экстремистскую протестную направленность, но выбор должен быть сделан в пользу просоциальной модели деятельности. Примером такой самоорганизации является волонтерство, цель которого — упорядочить отношения между молодыми людьми, чтобы проявлять взаимопомощь, альтруизм, сострадание, отзывчивость, приверженность и ответственность. В определенной степени государство и структуры гражданского общества являются решающими для выбора молодым человеком конструктивной модели самоорганизации.

Безусловно, сегодня волонтерская деятельность становится все более распространенной формой самореализации граждан, решения их жизненных проблем и социально значимых

задач (помощь пострадавшим от стихийных бедствий, тяжелобольным в медицинских учреждениях, другим лицам, оказавшимся в сложной жизненной ситуации и т. д.). Массовые инициативы россиян в последние годы продемонстрировали высокий потенциал волонтерства как ресурса, способного оперативно реагировать на различные, в том числе чрезвычайные ситуации, снижать социальную напряженность в российском обществе, способствуя его консолидации. Объявление 2018 года в России Годом волонтера (волонтера) стало признанием объективной социальной значимости и необходимости популяризации и поддержки волонтерской деятельности на высшем государственном уровне. Президент России В. В. Путин, отмечая волю и щедрость граждан, которые участвуют в волонтерских проектах, призвал снять все препятствия на пути развития волонтерства и активно поддерживать такие движения.

В современном мире волонтерство — важная составляющая успешного социального развития, способная помочь решить насущные социальные и экономические проблемы государства и улучшить качество жизни людей. Термины «волонтер» и «волонтерская служба» происходят от фр. «volontair» — добровольное, и, в свою очередь, происходит от лат. «voluntarius», «voluntas» — доброжелательность и эквивалентны таким понятиям в славянском языке, как «волонтер» и «волонтерство», понимаемых как волонтерство [2].

Несмотря на то, что волонтерство плохо представлено как предмет теоретической социологии, на уровне конкретных социологических исследований, напротив, оно является одним из наиболее ценных объектов изучения в контексте мониторинга состояния гражданского общества. Основное внимание уделяется уровню волонтерской деятельности в конкретных обществах и социальных группах, социальному портрету и капиталу волонтеров, стимулам и препятствиям для волонтерского участия, популярным практикам волонтерства и т. д.

При всем разнообразии определений волонтерства исследователи включают в него несколько важных черт:

1. Добровольность — определяется способностью к самостоятельности в решении проблемы участия в волонтерской деятельности и предполагает наличие свободы, личного желания, независимости.

2. Безвозмездность — волонтерство не оплачивается и не может считаться источником материального благополучия и материального благополучия.

3. Добросовестность — определяется требованием выполнения волонтерами определенных обязательств (материальных, профессиональных, этических и т.д.), взятых на себя в процессе осуществления волонтерской деятельности.

4. Законность — требует, чтобы волонтеры знали действующее законодательство и предпринимали определенные действия только с учетом их соблюдения действующих законов, а также норм морали и этики.

5. Доступность — связана с открытостью, предоставляя всем равные возможности для участия в волонтерской деятельности, независимо от субъективных оснований дифференциации (пол и возраст, материальные, физиологические, профессиональные, образовательные, религиозные и т.д.).

Развитие виртуальных методов межличностного общения приносит с собой большой потенциал для самоорганизации. Интернет — это средство мобилизации людей на волонтерство, благодаря которому респонденты узнают, где, для кого и в каком объеме им нужна помощь. В социальных сетях появились добровольческие сообщества со значительными человеческими ресурсами и способностью быстро мобилизовать волонтеров.

Как показывают многочисленные исследования, в будущем желающих стать волонтерами будет больше, чем тех, кто уже имеет такой опыт. Это говорит о популяризации этого вида времяпрепровождения и постепенной трансформации оказания бесплатной помощи в молодежное направление [3].

Волонтерство помогает расширить возможности граждан для полноценного участия в общественной жизни страны и укрепить демократические, духовные и нравственные ценности в обществе. Волонтерство можно рас-

сматривать как ключевой элемент системы, направленной на продвижение гражданской социальной ответственности и активности среди молодежи, как один из наиболее эффективных способов развития гражданского общества.

Волонтерская инициатива государственных органов, администрации образовательных учреждений и представителей бизнеса должна выражаться в признании волонтерства, как отдельного вида занятости, способного развивать личные, социальные и профессиональные навыки. Перспектива получения оплачиваемой должности в организации, где волонтер работал в ассоциации волонтеров, станет важным фактором, побуждающим молодых людей к участию в волонтерском сообществе, поскольку поиск работы является приоритетом для молодых людей после окончания учебы. Поэтому привлечение молодого человека к участию в волонтерской деятельности должно основываться на совокупности мотивов, связанных с полезностью этой деятельности для будущей профессии, с использованием системной работы государственных органов и создания комплексных программ поддержки волонтеров. Формирование идеи волонтерства как проявления преданности обществу, альтруизма, трудолюбия, человечности, патриотизма может стать ценностной основой для формирования гражданственности в Российской Федерации.

Литература

1. Кисиленко А. В. Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. — 2018. — Т.4. — №1.
2. Волонтерское движение в гражданско-патриотическом воспитании студенческой молодежи / Л. И. Батюк [и др.] // Теория и практика физической культуры. — 2017. — №9. — С. 97–98.
3. Горлова Н. И. Организация волонтерского движения на базе высших учебных заведений России: тенденции и приоритеты развития // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. — 2017. — №4. — С. 124–131.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА»

С. А. Столярова

Столярова Светлана Андреевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и социальной работы Института социального инжиниринга Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика М. Ф. Решетнёва», Красноярск.

Контактный адрес: saprygina.svetlana@yandex.ru

Статья посвящена описанию опыта реализации технологии проектного обучения в профессиональной подготовке будущих бакалавров социальной работы в Университете Решетнёва. Данная технология реализуется в Университете Решетнёва с 2019 года. Включение обучающихся в проектное обучение способствует формированию надпрофессиональных навыков, к которым относятся: умение работать в команде, умение управлять собственным временем, организационные навыки, коммуникативные навыки. Вместе с тем автор приходит к выводу, что участие обучающихся направления «Социальная работа» в проектной деятельности способствует овладению практическими навыками профессиональной деятельности в области социальной работы, овладению универсальными, общепрофессиональными и профессиональными компетенциями.

Ключевые слова: проектное обучение; профессиональная подготовка; надпрофессиональные навыки; социальная работа; обучающийся.

THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF IMPLEMENTING PROJECT-BASED LEARNING IN THE PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF STUDENTS MAJORING IN SOCIAL WORK

S. A. Stolyarova

Svetlana Andreevna Stolyarova — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Psychology, Pedagogy, and Social Work, Institute of Social Engineering, Siberian State University of Science and Technology named after Academician M. F. Reshetnev, Krasnoyarsk.

Contact: saprygina.svetlana@yandex.ru

The article is devoted to describing the experience of implementing project-based learning technology in the professional training of future social work bachelors at Reshetnev University. This technology has been implemented at Reshetnev University since 2019. Involving students in project-based learning helps to develop over-the-counter skills, including teamwork, time management, organizational skills, and communication skills. At the same time, the author concludes that the participation of students in the Social Work program contributes to the development of practical skills in professional social work and the acquisition of universal/

Keywords: project-based learning; professional training; over-professional skills; social work; students.

Профессиональная подготовка обучающихся вуза представляет собой многообразие применяемых методов, приемов, средств, форм

и технологий обучения. Одной из технологий, которая активно внедряется в профессиональную подготовку обучающихся высшей школы,

является проектное обучение. Данная технология выступает разновидностью контекстного обучения, которое направлено на создание контекста, максимально приближенного к реальной профессиональной деятельности. Модель реализации проектно-ориентированных образовательных программ была утверждена Министерством образования и науки Российской Федерации в сентябре 2017 года¹. Согласно обозначенной модели к преимуществам проектного обучения относятся:

- контекстность;
- получение результата и продукта проекта;
- возможность использования результатов и продуктов проектной деятельности как инструмента оценки образовательных результатов;
- возможность накопления продуктов образовательно-профессиональной деятельности, составления на их основе портфолио личных и профессиональных достижений².

Исходя из выделенных преимуществ применения проектного обучения в профессиональной подготовке обучающихся вузов приходим к выводу, что данное обучение ориентировано в первую очередь на получение практических навыков будущей профессиональной деятельности и формирование над-профессиональных навыков. К числу последних отнесем способность работать в команде, связывая это с тем, что реализация проектного обучения в вузе предполагает организацию командной работы обучающихся над каким-либо проектом. Вместе с тем, в процессе работы проектной команды обучающимися осваиваются и получают дальнейшее развитие такие над-профессиональные навыки, как: ответственность, лидерство, коммуникативные навыки, навык самопрезентации, гибкость мышления, критическое мышление, творческие навыки и другие. Фактически речь идет о формировании универсальных компетенций, обозна-

ченных в ФГОС ВО 3 ++ для направлений бакалавриата.

В Университете Решетнёва (г. Красноярск) проектное обучение внедрено по направлениям подготовки бакалавриата и магистратуры. Ежегодно число направлений, охваченных проектным обучением в Университете, увеличивается. В 2023 года проектным обучением были охвачены студенты по 37 направлениям подготовки бакалавриата, специалитета и магистратуры. По состоянию на сентябрь 2025 года проектное обучение осуществляется по 57 программам высшего образования³. Это свидетельствует об актуальности рассматриваемой технологии, заинтересованности работодателей в привлечении обучающихся вуза к решению практических задач профессиональной деятельности. Отметим, что реализация проектного обучения по направлению подготовки 39.03.02 Социальная работа в Университете Решетнёва осуществляется с 2019 года.

С целью регламентации проектного обучения в Университете Решетнёва разработано Положение об организации проектного обучения. Отметим, что в 2024 года принята обновленная версия Положения, которая подлежала существенной переработке и пересмотру подхода к организации проектного обучения в университете. Так, в обновленном Положении об организации проектного обучения под результатом проектного обучения в вузе понимается проект — «командная деятельность студентов, направленная на достижение поставленной цели и состоящей из скоординированных и управляемых проектных задач в условиях временных и ресурсных ограничений»⁴.

В предыдущем Положении об организации проектного обучения проект определялся как «вид деятельности обучающихся, имеющий основной целью решение определенной практической и/или теоретической задачи, создание определённого продукта, процесса или услуги при заданных ограничениях по

¹ Модель реализации проектно-ориентированных образовательных программ различного профиля (бакалавриат/специалитет, магистратура), предполагающих командное выполнение проектов полного жизненного цикла [Электронный ресурс] Режим доступа: https://tsu.ru/upload/medialibrary/d30/modiel_poop.pdf?ysclid=mgxq0r4t3195810460

² Там же

³ Проектная деятельность. Официальный сайт СибГУ им. М. Ф. Решетнева [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.sibsau.ru/page/project-learn>

⁴ Положение об организации проектного обучения [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cloud.sibsau.ru/s/BAE7fRCSRRDWDdC>

ресурсам и срокам, а также требованиям к качеству результата»¹. То есть в настоящее время проектное обучение в вузе, прежде всего, связывается с работой обучающихся в команде на достижение общего результата, обозначенного как целевой ориентир реализации проекта. С одной стороны, в определении проектного обучения прослеживается четкое ограничение на индивидуальные проекты обучающихся, с другой стороны, данным определением подчеркивается важность организации командной работы по достижению результатов проекта, что связано с формированием надпрофессиональных навыков обучающихся.

Исходя из изменений, внесенных в определение понятия проектное обучение, были уточнены и скорректированы признаки проекта. Так, теперь к признакам проекта не относится целенаправленность. Вероятно, это связывается с тем, что целевой ориентир проекта задается инициатором проекта. К их числу признаков проекта, согласно действующего Положения, относятся: наличие четких критериев оценки результатов, уникальность, временные ограничения продолжительности проекта и невозможность достижения запланированных результатов вне проектной деятельности².

Каждый проект выполняется на основании заявки от инициатора проекта, которым, как правило, выступает профильная организация. Реже инициатором проекта могут выступать руководители структурных подразделений университета. Например, обучающиеся по направлениям, связанными с ИТ-технологиями могут выполнять задачи по разработке чат-бота для социальных сетей университета, обучающиеся по направлению рекламы и связей с общественностью выполняют проекты, связанные с коммуникационными кампаниями, наполнением визуальным содержанием контента социальных сетей структурных

подразделений университета и т.д. С целью координации деятельности проектных команд за каждым проектом закрепляется руководитель проекта от университета из числа профессорско-преподавательского состава. До начала реализации проекта проводится экспертиза паспорта проекта на его актуальность, соответствие содержания проекта заявленной заявке. По окончании реализации проекта осуществляется публичная защита результатов работы проектной команды, на которой обязательно присутствуют представители экспертного совета Университета Решетнёва и инициатор проекта.

Вместе с тем в Положении об организации проектного обучения закреплено понятие «проектное обучение», определяемое как «образовательная технология, направленная на приобретение, развитие и закрепление обучающимися знаний, умений и практического опыта в процессе планирования и выполнения практических заданий — проектов»³. Целью проектного обучения является формирование, закрепление и развитие у обучающихся различных видов компетенций, как правило — профессиональных компетенций, в процессе решения практических проектных задач, имеющих научное и / или прикладное значение, связанных с будущей профессиональной деятельностью обучающегося. Существенной характеристикой проектного обучения в Университете Решетнёва является формирование как минимум одной компетенции. В обновленной версии Положения также отмечается некоторое смещение вектора в сторону формирования, прежде всего, профессиональных компетенций обучающихся.

В качестве результатов проектного обучения обозначены:

– образовательный результат — освоение обучающимися компетенций, предусмотренных образовательной программой;

– проектный результат — созданная материальная или нематериальная ценность проекта в виде объектов интеллектуальной собственности, продуктов, технологий, способов организации;

¹ Положение об организации проектного обучения в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнёва» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cloud.sibsau.ru/s/3yaGons7LdtH46W>

² Положение об организации проектного обучения [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cloud.sibsau.ru/s/BAE7fRCSRRDWDc>

³ Там же.

– личностный результат — формирование у обучающихся надпрофессиональных навыков при реализации образовательного проекта.

Такая модель позволяет университету, заказчику и обучающемуся достигнуть цели в процессе реализации проекта. Соответственно, подчеркивается заинтересованность в реализации проекта всех ее участников: университета (в лице преподавателя), профильной организации (в лице инициатора) и обучающегося, так как каждая из сторон получает желаемый для себя результат.

Далее перейдем к описанию практического опыта организации проектного обучения будущих бакалавров социальной работы в Университете Решетнёва. Как отмечалось выше проектное обучение для данного направления подготовки реализуется с 2019 года. На сегодняшний день обучающимися реализовано более 10 проектов, выполненных по заявкам краевых учреждений социального обслуживания населения, муниципальных молодежных учреждений, социально ориентированных некоммерческих организаций города Красноярска. Ежегодно численность студентов, включенных в реализацию проектного обучения, увеличивается. Если в 2019–2020 учебном году численность участников проектного обучения была 20 студентов, то в 2024–2025 учебном году этот показатель вырос практически в 4 раза — 58 обучающихся (97 % обучающихся очной формы).

Одним из наиболее продолжительных проектов, в котором участвуют студенты направления подготовки «Социальная работа» является проект «АкваОВЗ», реализуемый с 2020 года по май 2025 года. Данный проект связан с сопровождением обучающимися Университета Решетнёва оздоровительного плавания лиц с ограниченными возможностями здоровья в плавательном бассейне университета. Опыт реализации проекта описан в публикациях преподавателей и студентов кафедры психологии, педагогики и социальной работы СибГУ им. М. Ф. Решетнёва, представлен на всероссийских научно-практических конференциях, круглых столах. Благополучателями проекта является более 40 лиц с ограниченными возможностями здоровья. Студенты направления Социальная работа, выступая волонтерами

проекта, осваивают коммуникативные навыки, навык командной работы. В настоящее время проводится работа по модернизации проекта и запуску его обновленной версии «АкваОВЗ 2.0» с расширением проектной цели и достижением более значимых результатов для благополучателей проекта.

За годы реализации проектного обучения среди студентов направления Социальная работа Университета Решетнёва можно выделить ряд проектов, направленных на организацию досуговых мероприятий для получателей социальных услуг, состоящих на обслуживании в краевых государственных учреждениях социального обслуживания. Так, одним из ключевых заказчиков проектного обучения по данному направлению являются: краевое государственное бюджетное учреждение социального обслуживания «Центр социальной помощи семье и детям «Надежда» (КГБУ СО «Центр семьи «Надежда») и краевое государственное бюджетное учреждение социального обслуживания «Реабилитационный центр для детей-инвалидов, детей с ограниченными возможностями «Радуга» (КГБУ СО «Реабилитационный центр «Радуга»).

По заявке КГБУ СО «Центр семьи «Надежда» в 2023 году был реализован проект «Сопровождение работы летней досуговой площадки для несовершеннолетних». Проект направлен на организацию волонтерского сопровождения работы летней досуговой площадки для несовершеннолетних, являющихся получателями социальных услуг КГБУ СО «Центр семьи «Надежда», в рамках его реализации за 2 месяца работы проектной команды было проведено 11 мероприятий для несовершеннолетних: организация и проведение площадки «Семейные посиделки» в рамках Фестиваля «Радуга эмоций» (городское мероприятие); интерактив по формированию навыков финансовой грамотности; спортивно-оздоровительные мероприятия для несовершеннолетних, в том числе организация и проведение зарядок (два раза в неделю) для несовершеннолетних на прилегающей к центру территории; проведение интерактивной площадки, приуроченной к празднованию Дня семьи, любви и верности. Вместе с тем обучающимися было проведено социологическое исследование по моделиро-

ванию портрета несовершеннолетнего, посещающего детскую досуговую площадку социального учреждения.

По итогам реализации проекта участники проектной команды подготовили три публикации по темам: «Социально-психологические особенности несовершеннолетних с девиантным поведением»; «Организация досуга несовершеннолетних как способ их социализации»; «Особенности социально-педагогической работы с несовершеннолетними, находящимися в социально опасном положении», которые были представлены на научно-практической конференции и в дальнейшем опубликованы в журналах, входящих в РИНЦ. Таким образом, реализация проекта способствовала получению обучающимися практических навыков работы с несовершеннолетними, являющихся получателями социальных услуг, что относится к одной из профессиональных компетенций, выделяемых в образовательной программе по направлению подготовки «Социальная работа» в Университете Решетнёва.

Вместе с тем осуществлялось освоение исследовательской компетенции, которая также входит в состав профессиональных компетенций, овладение которой предусмотрено в образовательной программе. При проведении мероприятий участники проектной команды работали в группах смешанного состава (студенты индивидуально выстраивали график работы на площадках по времени), что способствовало овладению обучающимися навыков командной работы, управления временем, коммуникации. По отзывам участников проектной команды было отмечено, что проектное обучение позволило проявлять больше самостоятельности при подготовке к мероприятиям, способствовало формированию ответственного отношения к выполняемым поручениям.

К числу проектов досуговой направленности отнесем проект «Особенный Новый год», который инициирован КГБУ СО «Реабилитационный центр «Радуга». Данный проект направлен на формирование у будущих бакалавров социальной работы практических навыков организации досуговых мероприятий с детьми-инвалидами, детьми с ограничен-

ными возможностями. Актуальность реализации проекта связана с тем, что проведение досуговых инклюзивных мероприятий с детьми-инвалидами, детьми с ограниченными возможностями является одним из средств социальной адаптации и интеграции в общество. В рамках реализации проекта были проведены три мероприятия досуговой направленности:

1. Новогодний квартирник — досуговое мероприятие, организованное на базе учебно-тренировочной квартиры. Дети, находящиеся на социальном обслуживании в КГБУ СО «Реабилитационный центр «Радуга», совместно со студентами Университета Решетнёва, обучающихся по направлению подготовки 39.03.02 Социальная работа провели «репетицию» Нового года, сопровождаемую самостоятельной подготовкой квартиры, праздничного стола (освоение социально-бытовых навыков), конкурсами, совместным общением, подарками. В процессе данного мероприятия подростками с ОВЗ были освоены социально-бытовые навыки, связанные с подготовкой к Новому году: украшение новогодней ёлки, изготовление имбирных пряников. Студентами был разработан сценарий мероприятия, подготовлены загадки, стихотворения, песни, посвященные Новому году. Это было сделано с целью приобщения подростков с ОВЗ к новогодним традициям нашей страны.

2. «Неоновая вечеринка» — досуговое мероприятие для детей, находящихся на социальном обслуживании, проводимое специалистами КГБУ СО «Реабилитационный центр «Радуга» и Университета Решетнёва, обучающихся по направлению подготовки «Социальная работа». Цель мероприятия — организация площадки взаимодействия подростков с инвалидностью и студенческой молодежи. Студенты разработали сценарий мероприятия, насыщенный играми. Был проведен мастер-класс по аквагриму.

3. «Рождественские святки» — мастер-класс по изготовлению рождественского ангела. В рамках мастер-класса была проведена лотерея, призами в которой стали игрушки ручной работы из фонда Центра Живой Истории «Музей СибГТУ». Данное мероприятие первоначально не входило в проектную заявку инициатора, его проведение было иницииро-

вано студентами совместно с руководителем структурного подразделения Университета Решетнёва — Центр Живой Истории. В чем отмечаем положительный эффект проектного обучения, проявляющийся в активизации субъектной позиции обучающихся, проявлении инициативы.

Реализация проекта «Особенный Новый год» была направлена на формирование над-профессиональных навыков, так как основными его участниками были обучающиеся первого курса. Одним из позитивных эффектов реализации проекта было введение обучающихся в практическую деятельность специалистов по социальной работе. Обучающиеся ознакомились с устройством учебно-тренировочной квартиры, погрузились в атмосферу обучения детей с ограниченными возможностями здоровья социально-бытовым навыкам. Фактически, проектная команда ознакомилась со спецификой взаимодействия специалиста по социальной работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья как одной из категорий получателей социальных услуг.

К числу инициаторов проектного обучения по направлению «Социальная работа» относятся социально ориентированные некоммерческие организации. К их числу относятся: Краевая региональная общественная организация «Агентство общественных инициатив», Автономная некоммерческая организация по реализации социально значимых проектов «Агентство социальных проектов Красноярского края», Общественное движение «Право на счастье» общественной организации «Аэростат». С 2019 года по заявкам социально ориентированные некоммерческие организации реализовано 5 проектов.

Заинтересованность некоммерческого сектора в реализации проектного обучения обусловлена рядом факторов: ограниченность ресурсов СО НКО, широкий спектр направлений деятельности СО НКО, возможность апробировать новые форматы взаимодействия с образовательными организациями, привлечение волонтерского ресурса для реализации социально значимых инициатив. Спектр проектов, которые реализуются по заявкам СО НКО, широк и представлен проектами экологической направленности (проект «Добро-

вольчество в сфере повторного потребления»), социальной направленности (проект «Студенческий Центр социального добровольчества»), инклюзивной направленности (проект «Инклюзивное сопровождение»), исследовательской направленности (проект «Проведение социологического исследования в рамках проекта «Центры местного сообщества»»).

Участие студентов в реализации проектов по заявкам СО НКО позволяет обучающимся ознакомиться со спектром социальных услуг, которые предоставляются данными организациями; включиться в различные социальные инициативы; увидеть социальную работу с более широких позиций как социальную миссию. За годы реализации проектного обучения студенты-участники проектов, инициированных СО НКО в дальнейшем выбирали данные организации для прохождения практики и разработки оригинальных выпускных квалификационных работ. Так, участники проекта «Инклюзивное сопровождение» в дальнейшем занимались разработкой выпускной квалификационной работы по различным аспектам организации инклюзивного волонтерства в Красноярском крае, реализации технологии сопровождаемого трудоустройства на базе

Общественной организации «Аэростат». Два участника проекта «Добровольчество в сфере повторного потребления» защитили выпускные квалификационные работы по темам: «Особенности развития социального предпринимательства в Российской Федерации» и «Оказание гуманитарной помощи нуждающимся гражданам в сфере повторного потребления», раскрывая в практической части деятельность Автономной некоммерческой организации по реализации социально значимых проектов «Агентство социальных проектов Красноярского края». В настоящее время обучающимися, участвовавшими в реализации проекта «Проведение социологического исследования в рамках проекта «Центры местного сообщества»», ведется активная волонтерская деятельность по проведению мероприятий по инициативе Центров местного сообщества.

Одним из направлений учебно-исследовательской деятельности, выросшей из данного проекта стала изучение социальной активно-

сти граждан как инструмента развития гражданского общества. Примечательным является то, что студенты, принимающие участие в реализации проектов по заказу СО НКО, в дальнейшем трудоустраиваются в общественные организации, благотворительные фонды. Связываем этот факт с опытом практической деятельности, которые обучающиеся получают в ходе реализации проектов.

С принятием в 2024 году обновленной версии Положения об организации проектного обучения в Университете Решетнева несколько усовершенствован подход к организации проектного обучения студентов. Одним из нововведений стало разделение проектов на: проекты, реализуемые с выделением проектного дня, и проекты, реализуемые, без выделения проектного дня. Что это означает? Первая группа проектов предполагает контактную работу преподавателя (руководителя проекта от вуза) со студентами-участниками проекта по достижению цели проекта и самостоятельную работу обучающихся.

В расписании учебной группы выделяется один день в неделю до 3 академических часов внеучебного времени для сопровождения обучающихся при подготовке и последующей защите проекта. В рамках выделенного дня руководитель проекта встречается с проектной командой с целью обсуждения хода выполнения проекта, сюда может приглашаться инициатор проекта с целью уточнения задания, может проводиться встреча с другими проектными командами, мастер-классы, дискуссии, лекции и другие совместные практико-ориентированные мероприятия. Вторая группа проектов связана с большей самостоятельностью студентов по достижению целей проекта, так как при его реализации не предусмотрены учебные часы для занятий преподавателя с участниками проекта.

В 2024–2025 учебном году кафедрой психологии, педагогики и социальной работы было реализовано два проекта с выделением проектного дня (проекты «Я — наставник» и «Развитие у обучающихся гражданственности, социальной ответственности и патриотизма») и три проекта без выделения проектного дня (проекты «Траектория безопасности», «Формирование позитивного имиджа социальной

работы», «Уроки для подростков — овладение практическими навыками»). Каждый из проектов, реализованных в 2024–2025 учебном году, был направлен на создание определенного продукта. Так, при реализации проекта «Траектория безопасности» проектные команды разрабатывали буклеты, брошюры, памятки по ключевым аспектам самосохранительного поведения молодежи. Данный проект реализовывался по заявке Главного управления Министерства внутренних дел по Красноярскому краю.

Реализация проекта «Формирование позитивного имиджа социальной работы» была связана с разработкой печатной продукции (буклеты, брошюры) или видеороликами о социальном учреждении, освещении направлений его деятельности. Продукты, подготовленные проектными командами в ходе реализации проекта, получили применение при организации приемной кампании абитуриентов в Университет Решетнёва, нашли применение в деятельности организации заказчика проекта. Вместе с тем продукты рассматриваемого проекта могут применять при проведении учебных занятий со студентами, например на дисциплине «Введение в профессию Социальная работа», «Реклама и связи с общественностью в социальной работе». В дальнейшем данный проект можно тиражировать путем привлечения новых инициаторов, заинтересованных в разработке презентационных материалов для своей организации.

Остановимся более подробно на описании проекта «Я — наставник», реализация которого осуществлялась в рамках изучения дисциплины «Социальная работа с молодежью» с выделением проектного дня. Инициатором проекта выступило Муниципальное молодежное автономное учреждение «Центр продвижения молодежных проектов «Вектор». Целью проекта является разработка сценариев наставнических мероприятий для молодежи и их проведение на базе ММАУ «ЦПМП «Вектор».

Образовательный результат реализации проекта связывается с формированием профессиональных компетенций обучающихся (ПК-1: способен к проведению оценки обстоятельств, которые ухудшают или могут ухудшить условия жизнедеятельности граждан, определению

индивидуальных потребностей граждан в предоставлении социальных услуг, социального сопровождения, мер социальной поддержки и государственной социальной помощи; ПК-2: способен к планированию деятельности по предоставлению социальных услуг, социального сопровождения, мер социальной поддержки и государственной социальной помощи, а также профилактике обстоятельств, обуславливающих нуждаемость в социальном обслуживании). Проектный результат: разработаны сценарии и проведены 4 мероприятия для молодежи. Личностный результат: развитие навыков работы в команде, коммуникации, управлению временем, креативности.

Для достижения результатов проекта обучающиеся на первом занятии по проектному обучению были объединены в четыре проектные команды. Объединение осуществлялось с применением теста «Командные роли» Р. М. Белбина¹, который позволил выделить в группе обучающихся с разными командными ролями. Данная диагностика применялась с целью повышения эффективности работы проектных команд. На одном из первых занятий была проведена презентация направлений деятельности молодежного центра. Далее на занятиях по проектному обучению участникам команд предлагалось: определить целевую аудиторию проводимого мероприятия; определить вид мероприятия, его формат; разработать план мероприятия с таймингом его проведения; разработать сценарий мероприятия; подготовить афишу мероприятия; провести мероприятие среди молодежи, посещающей молодежный центр.

Работа в проектных командах выстраивалась по принципу автономности каждой команды. Руководитель проекта от университета выступал в качестве консультанта, направляя команды в случае возникновения затруднений. За каждой командой закреплялся наставник от молодежного центра, которым выступал сотрудник подразделения, по направлению деятельности которого обучающимися было запланировано проведение мероприятия. Кроме занятий по проектному

обучению в университете, участники проектных команд еженедельно посещали молодежный центр, изучая специфику работы с различными категориями молодежи.

В результате работы над проектами командами было разработано 4 сценария мероприятия: историко-патриотическая игра «Мы помним победу», тренинг «Эмоциональный код», занятие «Путь к легкости», тренинг «Фотография как зеркало души». Данные мероприятия были реализованы среди молодежи, посещающей ММАУ «ЦПМП «Вектор». Примечательно, что одно из мероприятий — игра «Мы помним победу» было проведено дважды: один раз на базе ММАУ «ЦПМП «Вектор», второй — на базе одного из техникумов города Красноярск по заявке социального педагога. Данная игра была построена в формате «Своей игры», посвященной победе в Великой Отечественной войне, с выделением блока вопросов, связанных с вкладом сибиряков в Великую победу. Участие обучающихся в описываемом проекте способствовало овладению обучающимися организаторскими навыками. Так, одной из команд, которая разрабатывала занятие «Путь к легкости», включающего йога-практику для девушек с обучением медитации и самомассажу с использованием аромамасел.

В связи с тем, что студенты не обладают профессиональными навыками проведения йога-практики, участники проектной команды выступили в качестве разработчиков сценария мероприятия, организаторами и координаторами при его проведении. С целью проведения мероприятия участники проектной команды самостоятельно вели переговоры с преподавателями йоги-партнерами ММАУ «ЦПМП «Вектор», представителями компании по продаже аромамасел. Таким образом осуществлялось овладение коммуникативными навыками, навыками работы в команде, организационными навыками. По итогам проведения всех мероприятий по заявке инициатора проекта, была проведена публичная защита отчетов по каждому мероприятию. Участниками проектных команд отмечалось, что за время участия в проекте они расширили свои знания в области работы с молодежью, распределения ролей в команде, деятельности молодежного центра; усовершенствовали навыки проведения меро-

¹ Командные роли Белбина[Электронный ресурс] Режим доступа:<https://psytests.org/work/btrspi-run.html?ysclid=mgz5gsg5j3795938879>

приятий, командной работы; организаторские навыки.

Таким образом, проектное обучение дает возможность обучающимся знакомиться с различными аспектами профессиональной деятельности в области социальной работы. Включение обучающихся в проектную деятельность способствует формированию и развитию надпрофессиональных навыков, активизации субъектной позиции обучающегося, расширению знаний обучающихся. Участие в реализации проекта активизирует учебно-исследовательскую деятельность обучающихся.

Литература

1. Командные роли Белбина. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://psytests.org/work/btrspi-run.html?ysclid=mgz5gsg5j3795938879>
2. Модель реализации проектно-ориентированных образовательных программ различного профиля (бакалавриат/специалитет, магистратура), предполагающих командное выполнение проектов полного жизненного цикла. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://tsu.ru/upload/medialibrary/d30/modiel_poop.pdf?ysclid=mgxq0r4t3195810460
3. Положение об организации проектного обучения. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cloud.sibsau.ru/s/BAE7fRCSRRDWdDC>
4. Положение об организации проектного обучения в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cloud.sibsau.ru/s/3yaGons7LdtH46W>
5. Проектная деятельность. Официальный сайт СибГУ им. М. Ф. Решетнева. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.sibsau.ru/page/project-learn>

ОВЛАДЕНИЕ БУДУЩИМИ СОЦИАЛЬНЫМИ ПЕДАГОГАМИ СПОСОБАМИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С СЕМЬЕЙ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

А. А. Смирная, А. В. Смирнова

Смирная Анастасия Андреевна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии, педагогики и социальной работы Института социального инжиниринга Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика М. Ф. Решетнёва», Красноярск.

Контактный адрес: nastenasm@yandex.ru

Смирнова Анастасия Викторовна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика М. Ф. Решетнёва», Красноярск.

Контактный адрес: nastenasm@yandex.ru

Авторы исследуют проблему развития профессиональной компетентности будущих социальных педагогов в области построения эффективного взаимодействия с семьей. Практико-ориентированный компонент подготовки раскрывается через освоение обучающимися ключевых методик: установления контакта и работы с детьми; инкультурации (приобщения к нормам и правилам поведения); педагогического вмешательства в проблемные ситуации; психолого-педагогической поддержки, направленной на гармонизацию эмоционально-личностной сферы ребенка. Решение педагогических задач в условиях, максимально приближенных к реальным, позволяет обучающимся не только апробировать теоретические знания, но и пройти этап профессиональной идентификации. Следовательно, практическая направленность подготовки реализуется в синергии трех элементов: методической грамотности (владение приемами), ценностно-личностной ориентации (доброжелательность, позитивный настрой) и системного видения, что детерминирует необходимость и готовность к конструктивному партнерству с семьей.

Ключевые слова: обучающийся; социальный педагог; взаимодействие с семьей; профессиональная подготовка; социальная работа.

MASTERING THE METHODS OF INTERACTING WITH FAMILY BY FUTURE SOCIAL TEACHERS DURING PROFESSIONAL

A. A. Smirnaya, A. V. Smirnova

Smirnaya Anastasia Andreevna — PhD in Pedagogical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Social Work of the Siberian State University of Science and Technology named after M. F. Reshetnev, Krasnoyarsk.

Contact address: nastenasm@yandex.ru

Smirnova Anastasia Viktorovna — PhD in Pedagogical Sciences, associate professor, associate professor of English Philology Department of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Krasnoyarsk.

This article examines the development of professional competence of future social teacher in the area of effective interaction with families. The practice-oriented component of training is revealed through students' mastery of key techniques: establishing contact with children and working with them; enculturation (introduction to norms and rules of behavior); pedagogical interposition in problem situations; and psychological and pedagogical support aimed at harmonizing the child's emotional and personal sphere. Solving pedagogical problems in conditions as close to real life as possible allows students not only to put theoretical knowledge into practice but also to pass the stage of professional identification. Consequently, the practical focus of training is realized through the synergy of three elements: methodological literacy (mastery of techniques), value-personal orientation (friendliness, positive attitude), and a systemic comprehension, which determines the necessity and readiness for a constructive partnership with the family.

Key words: *student; social teacher; interaction with family; professional training; social work.*

Анализ современных исследований в области социальной педагогики, посвящённых вопросам подготовки будущих специалистов к работе с семьёй, свидетельствует о формировании теоретического фундамента за время развития этой научной отрасли. В контексте обозначенных целей и задач исследования, необходимо рассмотреть понятие «взаимодействие».

В социологическом дискурсе данное понятие трактуется как форма совместной деятельности и взаимного влияния между индивидами, порождающая обоюдную корректировку их поведенческих моделей. Представители социологической мысли, такие как Э. Гидденс, И. Гофман, Ю. Н. Давыдов и Г. Парсонс, в структуре взаимодействия выделяют два уровня: микросоциальный (непосредственные контакты) и макросоциальный (опосредованные социальными структурами).

С точки зрения психологической науки, взаимодействие понимается как процесс непосредственного или опосредованного воздействия субъектов, порождающий их взаимную обусловленность и порождающий совместную деятельность. Главными особенностями этого процесса, по мнению А. Г. Асмолова и В. А. Горяниной, выступают взаимосвязь, взаимообмен и взаимовлияние.

В педагогике рассматриваемая категория приобретает фундаментальное значение, выступая основой для совместной деятельности педагога и обучающегося (что отражено в работах В. К. Калининко, В. А. Кан-Калика, Г. М. Коджаспировой и др.). Структура педагогического взаимодействия является двухаспектной, включая функционально-ролевую

и личностную составляющие. Первая нацелена на трансформацию когнитивной сферы учащегося, тогда как вторая обращена к его мотивационно-смысловым установкам. Важно подчеркнуть, что гуманистическая направленность педагогического процесса достигается исключительно при условии субъект-субъектных, паритетных отношений между его участниками, что выводит взаимодействие за рамки простого обмена информацией.

В рамках данного исследования взаимодействие с семьёй интерпретируется как целенаправленный процесс совместной деятельности социального педагога и семьи, базирующийся на принципах сотрудничества, согласованности действий и взаимной ответственности за воспитание детей.

Профессиональная готовность будущего специалиста к такому взаимодействию представляет собой интегративное личностное образование, включающее комплекс специальных знаний, практических умений, ценностных отношений и личностных качеств. Именно этот синтез обеспечивает эффективное партнерство всех субъектов воспитательного процесса, и в первую очередь семьи, для оказания комплексной образовательно-воспитательной помощи. В контексте профессионального становления взаимодействие выступает не только целью, но и ключевым механизмом освоения профессиональной компетентности, позволяя будущим педагогам апробировать и присваивать необходимые навыки.

Сущность педагогического взаимодействия в предлагаемой трактовке заключается в его взаимообусловленном и преобразующем

характере, когда его участники оказывают взаимное влияние, способствующее развитию не только познавательной, но и эмоционально-личностной сферы каждого. Данное исследование базируется на субъект-субъектной парадигме, в рамках которой будущий социальный педагог, родители и ребенок выступают равноправными партнерами, взаимно обогащающими друг друга знаниями и стимулирующими личностный рост.

Важнейшим компонентом подготовки является практико-ориентированная деятельность, направленная на формирование у студентов умения анализировать и решать профессиональные задачи. Для этого в учебном процессе используются активные и интерактивные методы: case-study (разбор кейсов), тренинги, просмотр и анализ тематических видеоматериалов, дискуссии.

Особой эффективностью обладают упражнения, моделирующие «ситуации успеха», такие как «Сбывшаяся радость», «Неожиданная радость», «Общая радость» и «Семейная радость». Например, в ходе мини-групповой работы над ситуациями «Неожиданная радость» и «Общая радость» студенты в игровом формате осваивают алгоритм применения конкретных педагогических приемов. Анализ ситуации «Лестница» учит их выстраивать поэтапную («пошаговую») образовательную траекторию, способствующую не только усвоению знаний ребенком, но и укреплению его веры в собственные силы [3].

Для диагностики эмоционального состояния широко применяется метод незаконченных предложений. Работа с ним строится в два этапа: сначала студенты проводят ретроспективный анализ собственных школьных переживаний, а затем, путем замены ключевого слова («школа» на «университет», «лекция» и т.д.), переносят этот диагностический инструмент на другие контексты, что позволяет им глубже понять механизм проекции и эмоционального реагирования клиента.

Комплекс диагностических методик, осваиваемых будущими социальными педагогами для анализа детско-родительских отношений, включает как проективные, так и стандартизированные техники. Среди них: «Кинетический рисунок семьи» (Р. Бэнс, С. Ка-

уфман) [4], методика «Включенный конфликт» (Ю. В. Баскина [1]), цветовой тест отношений (Е. Ф. Бажин) [2], а также «Семейная социограмма» (Э. Г. Эйдемиллер) [8].

Интерпретация детских рисунков, в частности, дает будущим специалистам ценный инструмент для понимания внутреннего мира ребенка. Рисунок выступает в роли проекции его интересов, увлечений и глубинных переживаний. Анализ графических образов позволяет выявить скрытые страхи, тревоги и зоны психологического напряжения, что невозможно установить при помощи вербальных методов диагностики.

Важной составляющей профессиональной подготовки является формирование психологической устойчивости будущих специалистов. Для профилактики эмоционального выгорания и развития навыков преодоления профессиональных стрессов студенты осваивают техники саморегуляции и методы релаксации. В рамках курса проводится диагностика профессионально значимых качеств, для чего используются специализированные тесты, направленные на самооценку компетенций и определение индивидуального стиля педагогического общения [7, с. 171–176].

Центральное место в этой работе занимает тренинг личностного и профессионального роста, структура которого включает серию специализированных упражнений: «Гуманистическое представление о человеке», «Утверждение самооценности», «Части моего Я», «Круг субличностей», «Встреча с саботажником», «Оживление приятных воспоминаний», «Передача энергии», «Маяк», «Уровень счастья» [7, с. 171–176]. Данный комплекс нацелен на развитие адекватной самооценки, снижение уровня тревожности и формирование эффективных коммуникативных навыков.

Например, упражнение «Гуманистическое представление о человеке» способствует формированию позитивного мышления через методологическое разделение оценки конкретного поведения и признания безусловной ценности, уникальности и потенциала к росту каждой личности.

Следующий этап — «Утверждение самооценности» — реализуется в формате самостоятельной работы в состоянии релаксации.

Упражнение инициируется ключевым вопросом «Кто я?», после чего внутренний монолог разворачивается в нарратив, рефлексивно охватывающий личные достижения, значимые эмоциональные переживания, а также кризисные и успешные периоды жизненного пути.

Коррекционную направленность имеет упражнение «Встреча с саботажником». Его алгоритм включает следующие этапы: визуализацию значимого дела с успешным исходом; идентификацию внутренних препятствий, персонифицируемых в образе «саботажника»; актуализацию роли этого внутреннего противника с аргументацией «вторичной выгоды» от срыва планов; проведение внутренних переговоров между «Я-действенным» и «Я-саботажником».

По итогам рефлексии студенты отмечают, что данная техника позволяет объективизировать внутренние страхи, признать деструктивные установки и мобилизовать ресурсы для их преодоления.

Упражнение «Маяк» направлено на интеграцию и укрепление личностного ядра. Последовательная визуализация образа маяка — устойчивого, мощного, излучающего свет во тьме — позволяет студентам интроецировать этот символ стабильности, обретая чувство внутренней опоры и восстанавливая

Таким образом, представленный психодиагностический и тренинговый комплекс служит эффективным инструментом самопознания, способствуя снижению тревожности, гармонизации самооценки, дезактивации внутренних барьеров и оптимизации общего эмоционального состояния будущих социальных работников.

Введение игровых методов в процесс практической подготовки обусловлено необходимостью проработки детско-родительских отношений на личностном уровне самих студентов. С этой целью применяются психокоррекционные игры, такие как «Ладовые слова», «Не глядя», «Сказка» и «Если бы я был тобой» [5, с. 142–145]. Анализ результатов их проведения демонстрирует, что регулярный обмен позитивными подкреплениями и эмоциональным теплом способствует не только гармонизации внешних коммуникаций, но и стабилизации внутреннего психоэмоционального состояния

участников. Таким образом, данные техники выступают действенным инструментом оптимизации семейного взаимодействия и развития эмпатии.

Важным аспектом подготовки является формирование компетенции учета индивидуально-психологических особенностей детей. В рамках занятий будущие педагоги учатся выстраивать стратегию взаимодействия, ориентируясь на такие проявления, как: ситуативная или устойчивая неуверенность в себе, синдром дефицита внимания и гиперактивности, повышенная утомляемость (астенические состояния), потребность в повышенном внимании, а также ригидность или замедленность темпа деятельности. На основе этого анализа формируются адресные рекомендации для учителей и членов семьи.

Поскольку ключевыми источниками конфликтов в детской среде выступают коммуникативные дефициты, будущие социальные педагоги осваивают методику обучения детей ненасильственному разрешению споров. В качестве практического инструментария рассматривается комплекс игровых упражнений, сфокусированных на различных аспектах коммуникации: знакомство и сплочение, эмоциональная разрядка, формирование самоуважения и эмпатии, развитие вербальных и невербальных навыков, а также практика кооперации.

Специальный модуль подготовки посвящен вопросу инкультурации и формирования норм поведения. Используя методические рекомендации [6], будущие педагоги осваивают техники привития детям поведенческой культуры, обеспечивая преемственность между усилиями семьи и образовательного учреждения. Практические занятия строятся вокруг тематических блоков: «Речевой этикет», «Тайна имени», «Добрые слова», «Внешний вид», «Гостевой и столовый этикет», «Семейный этикет» и др. Обучающиеся отмечают, что данный раздел не только обогащает их методический арсенал, но и обладает личностно-развивающим потенциалом.

Метод case-study находит свое применение через анализ видеоматериалов. Так, просмотр и последующее обсуждение фильма, содержащего шесть смоделированных педагогических

ситуаций («Формируя личность человека»), способствуют углубленному осмыслению проблем профессионального взаимодействия. Кроме того, студенты осваивают интерактивные формы работы с семьей: диспут-размышления, педагогический ринг и семейный клуб. Эти форматы, предполагающие включение не только родителей, но и старшего поколения (бабушек и дедушек), позволяют в collaborative-режиме находить ответы на сложные воспитательные вопросы.

Рефлексия проведенной работы позволяет констатировать высокую эффективность сюжетно-ролевых игр и ситуационных задач в формировании профессиональной готовности. У студентов отмечается развитие таких ключевых компетенций, как инициативность, самостоятельность, креативность и способность к разрешению сложных ситуаций без немедленного привлечения внешних консультантов.

Таким образом, обогащение практического опыта будущих социальных педагогов осуществляется через комплекс активных методов (игры, тренинги, дискуссии, анализ кейсов, наблюдение), что обеспечивает перевод теоретических знаний в практические умения.

Итоговая компетентностная модель выпускника включает: владение разнообразными формами и методами взаимодействия с детьми и родителями; умение применять техники воспитания культуры поведения; навыки разрешения проблемных педагогических ситуаций; сформированность адекватной самооценки, навыков саморегуляции и развитую коммуникативную компетенцию.

Таким образом, практико-ориентированная подготовка обеспечивает не только усвоение отдельных приемов, но и формирование целостной гуманистически-ориентированной профессиональной позиции, что подтверждается данными педагогического наблюдения и проявляется в готовности будущих специалистов к эффективному взаимодействию с семьей.

Литература

1. Бажин Е. Ф. Цветовой тест отношений (ЦТО): методические рекомендации / Е. Ф. Бажин, А. М. Эткинд. — Л., 1985. — 18 с.
2. Баскина Ю. В. Методика диагностики родительского отношения. — (методика «включенного конфликта»): автореф. дис. ... канд. психол. наук / Ю. В. Баскина. — М., 1992. — 18 с.
3. Белкин А. И. Основы возрастной педагогики: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / А. И. Белкин. — М.: Академия, 2000. — 192 с.
4. Бэнс Р., Кауфан С. Диагностика некоторых особенностей личности дошкольника / Р. Бэнс, С. Кауфан. — Шадринск, Шадринский Гос. Ун-т, 1994. — 20 с.
5. Котова Е. В. Детско-родительские отношения в различных типах семей: монография / Е. В. Котова. — Красноярск, 2004. — 156 с.
6. Курочкина И. М. Современный этикет и воспитание культуры поведения у дошкольников: учеб. пособ. для студ. высш. учеб. завед. / И. М. Курочкина. — М.: ВЛАДОС, 2001. — 224 с.
7. Овчарова Р. В. Практическая психология в начальной школе / Р. В. Овчарова. — М.: ТЦ Сфера, 2001. — 240 с.
8. Эйдемиллер Э. Г. Семейный диагноз и семейная психотерапия / Э. Г. Эйдемиллер, И. В. Добряков, И. М. Никольская. — СПб.: Речь, 2008. — 672 с.

МЕТОДИКА И ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

METHODS AND PRACTICE OF SOCIAL WORK

УДК 364.42.44

ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В СИСТЕМЕ ПОДДЕРЖКИ БОЙЦОВ СВО И ИХ БЛИЗКИХ (На материалах анализа научных и научно-методических публикаций)

И. Н. Бондаренко

Бондаренко Ирина Николаевна — кандидат педагогических наук, государственный советник Российской Федерации I класса, г. Москва

Контактный адрес: irninanik@yandex.ru

Статья базируется на утверждении о том, что организации социального обслуживания являются одним из ведущих акторов в системе поддержки участников (ветеранов) СВО и членов их семей. В статье проанализированы научные публикации, касающиеся основной деятельности организаций социального обслуживания в интересах названной целевой группы. Освещаются вопросы организации работы по социальному обслуживанию бойцов СВО и их близких, социальной паспортизации семей участников (ветеранов) СВО, предоставления долговременного ухода (ДУ) и социального сопровождения.

Вместе с тем в статье подчеркивается, что в период СВО, с учетом многочисленности названной целевой группы, долговременности и устойчивости ее запросов, дальнейшее возрастание роли и совершенствование деятельности организаций социального обслуживания обусловлено модернизацией социальной работы, совершенствованием законодательства в сфере социального обслуживания, развитием системы долговременного ухода (СДУ), решением ряда других сопутствующих вопросов, в том числе улучшением координации деятельности различных государственных и негосударственных структур, ответственных за соблюдение социальных гарантий и предоставление мер поддержки защитникам Отечества и их близким, взаимодействия между организациями социального обслуживания и гражданами, осуществляющими уход на основе родственных, соседских или дружеских связей.

Ключевые слова: долговременный уход (ДУ); Государственный фонд поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества»; комплексное социальное сопровождение; модернизация социальной работы; научные публикации; организации социального обслуживания; посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР); система долговременного ухода (СДУ); система поддержки; социальная работа: социальный паспорт; специальная военная операция (СВО).

SOCIAL SERVICE ORGANIZATIONS IN THE SUPPORT SYSTEM FOR SVO FIGHTERS AND THEIR FAMILY PEOPLE (Based on the analysis of scientific and scientific-methodological publications)

I. N. Bondarenko

Irina Nikolaevna Bondarenko — Candidate of Pedagogical Sciences, State Counselor of the Russian Federation, 1st Class, Moscow.

Contact: irninanik@yandex.ru

This article is based on the assertion that social service organizations are one of the leading actors in the support system for SVO participants (veterans) and their families. The article analyzes scientific publications concerning the primary activities of social service organizations for this target group. It addresses the organization of social services for SVO fighters and their families, the social certification of SVO participants (veterans) families, and the provision of long-term care and social support.

At the same time, the article emphasizes that during the SMO, given the large size of this target group and the long-term and sustainable nature of its needs, the further expansion of the role and improvement of the activities of social service organizations is due to the modernization of social work, the improvement of legislation in the field of social services, the development of the long-term care system (LTCS), and the resolution of a number of related issues, including improved coordination of the activities of various governmental and non-governmental structures responsible for ensuring social guarantees and providing support measures to defenders of the Fatherland and their loved ones, as well as interactions between social service organizations and citizens providing care based on family, neighborly, or friendly ties.

Keywords: long-term care (LTCS); State Fund for Support of Participants of the Special Military Operation “Defenders of the Fatherland”; comprehensive social support; modernization of social work; scientific publications; social service organizations; post-traumatic stress disorder (PTSD); long-term care system (LTCS); support system; social work; social passport; special military operation (SMO).

Подходы к модернизации социальной работы в условиях СВО

Среди институтов оказания поддержки участникам (ветеранам) специальной военной операции (СВО) на Украине и членам их семей значимая позиция принадлежит организациям социального обслуживания, для которых ветераны и инвалиды, особенно инвалиды вследствие военной травмы, были и остаются первоочередной категорией получателей бесплатных социальных услуг и жизненно важных видов помощи, включая социально-правовую, социально-медицинскую, социально-бытовую и психолого-педагогическую помощь.

Одно из провозглашаемых на государственном уровне требований к системе поддержки названной целевой группы состоит в том, что при любых условиях и трудностях она должна оставаться «прозрачной, понятной и доступной», что связано с необходимостью обеспечения «бесшовного» взаимодействия, улучшения координации деятельности различных акторов, ответственных за предоставление социальных гарантий и мер поддержки участникам (ветеранам) СВО и членам их семей, исключения дублирования функций, бюрократических задержек и снижения эффективности работы.

Социальные службы целесообразно и успешно «встроились» в цепочку взаимодействующих субъектов: «военно-социальные центры Минобороны России — Государствен-

ный фонд поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества» и его региональные филиалы — организации социального обслуживания», чтобы совместными усилиями в нужный момент обеспечить бойцам СВО и их родным необходимую поддержку как в период прохождения военной службы, так и после ее завершения.

Первостепенное значение при этом приобретает вопрос, какой будет в дальнейшем роль организаций социального обслуживания в системе поддержки защитников Отечества и их близких, во многом обусловленная стратегией модернизации социальной работы. Для организаций социального обслуживания принципиально важно, каким образом в условиях проведения СВО и в последующий период будет меняться (модернизироваться) социальная работа, служащая базисом их практической деятельности по поддержке участников (ветеранов) СВО и членов их семей.

Организации социального обслуживания относят поддержку защитников Отечества и их близких — детей, жен, пожилых родителей, лиц, находящихся на иждивении, — к своим приоритетным обязательствам, руководствуясь такими ценностными ориентирами социальной работы, как социальная справедливость, уважение достоинства личности, важность человеческих взаимоотношений, честность и компетентность, а также опираясь на практический опыт, сформированный десятилетиями

служения людям, находящимся в особой жизненной ситуации.

Однако, если судить по изученным тематическим научным публикациям, общая стратегическая линия модернизации социальной работы в условиях СВО и на последующий период пока лишь намечается в самых общих чертах. В теоретическом плане представление о новых горизонтах деятельности организаций социального обслуживания нуждается в уточнении и правовом подкреплении.

Социальная работа — наука, образовательная дисциплина и профессиональная деятельность — «...исторически складывалась из различных источников практики и предметных полей философских, теологических, медицинских, социально-гуманитарных, что в своей сущности и определило мультидисциплинарный характер парадигмы социальной работы. При этом как предметные поля, так и сама практика были обусловлены своими векторами исторического развития, парадигмальными сдвигами, нелинейностью, многовариантностью путей развития, темпоральностью, особенностями динамики временных процессов... Социальная работа <...> сегодня в российских условиях меняет свои сущностные исторические характеристики», — такое основополагающее высказывание находим в статье *«Изменение философии и практики социальной работы в дискурсах социальной координации: сдвиг парадигмы от менеджизма к клинике»* (2023 г.), принадлежащей М. Е. Фирсову, И. В. Мкртумовой, Н. А. Птицыной, И. Р. Бесатавашили [27, с. 10–11].

Оно подкреплено наблюдением относительно влияния пандемии коронавируса (как фактора перемен) на философию жизнедеятельности человека в обществе и одновременно на практику и идеологему повседневной социальной работы, «...что привело к системным изменениям, сдвигу парадигмы, вызвав к жизни новые формы помощи человеку» [27, с. 11].

Отмечено, что в период пандемии коронавируса модернизация социальной работы происходила под воздействием различных явлений и условий, «...среди которых:

- трансформация философии помощи: переход от дискурсов социальной политики,

равенства потребления и распределения к философии “биополитики”, где концепты “общественного здоровья” становились дискурсами “новой нормы” и “новой патологии”;

- актуализация цифровых технологий в системе административной практики и институциональной поддержки;

- реализация деятельности социальных работников в режиме проактивности в новых сферах практики и межведомственного взаимодействия» [27, с. 11].

С какой целью приведена эта объемная выдержка из статьи? Для того, чтобы подчеркнуть, что каждое воздействие глобального масштаба на жизнь общества (в том числе воздействие в пределах одной страны) порождает условия и явления, оказывающие существенное влияние на содержание и формы осуществления социальной работы с людьми, оказавшимися в зоне воздействия, становится фактором перемен. Именно коронавирусный кризис в свое время произвел такое неожиданное, шоковое воздействие и привел к изменениям социального функционирования государственных и общественных институтов по обеспечению благополучия граждан, социальной защиты, интеграции социальных групп, поддержанию стабильности и порядка в обществе.

Полагаем, что сегодня, в условиях небывалых вызовов первой четверти XXI века, отечественная социальная работа пошагово претерпевает изменения под влиянием санкционного давления на растущие экономики, перехода к справедливому многополярному геопорядку, где России по праву принадлежит достойное место, добытое столетиями свершений в экономике, политике, науке и культуре, строительстве справедливых общественных отношений, побед над завоевателями разного толка, под влиянием поворота России к новым горизонтам и новому партнерству в экономике, политике и социальной сфере, а также проведения СВО.

Современная социальная работа в России оказывается — в большей мере, чем прежде — под воздействием деглобализации, возвращения к традиционным ценностям, традиционному пониманию природы человека и его функционирования в обществе, социальной модернизации.

Понятие «социальная работа» в современных научных публикациях разъясняется по-разному. Искусственный интеллект (ИИ) по запросу продуцирует определение социальной работы как деятельности, направленной на помощь людям и социальным группам в преодолении личностных и социальных трудностей посредством поддержки, защиты, коррекции и социальной реабилитации. Нужна ли и возможна ли сегодня унификация таких разъяснений и формулировок, коль скоро сама социальная работа моделируется и воспринимается по-разному с философской и практической точек зрения?

В работах М. Р. Арпентьевой «*О природе и специфике социальной работы как деятельности (в контексте феномена понимания)*» (2023 г.) и А. Н. Сухова «*К вопросу о социальной модернизации*» (2023 г.) понятие и сущность социальной работы в изменяющихся условиях трактуются и наполняются содержанием по-разному, но в этих статьях находим ряд взаимодополняющих положений, которые необходимо зафиксировать [5; 24].

По мнению М. Р. Арпентьевой, «...социальная работа предстает как непрерывный поиск и реализация оснований собственно человеческого, т. е. духовного бытия человека и со-бытия людей друг с другом — на основе освоения глубинных пластов социальности человека как явления, не существующего вне контакта с другими людьми» [5, с. 28]. Соответственно социальная работа определяется автором «...как полиморфный, многоуровневый и многоаспектный вид социальной деятельности, ориентированной на восстановление и развитие социальности индивидуальных и групповых субъектов, социальных общностей» [5, с. 29–30]. Автор подчеркивает возрастающее значение в практике современной социальной работы диалогической парадигмы помощи нуждающемуся человеку [5, с. 30]. «В этой парадигме сущностью социальной работы, обуславливающей приоритетные и наиболее продуктивные направления организации помощи и, шире, направления социальной работы как социального института, является процесс возникновения и развития взаимопонимания субъектов. Наличие такого взаимопонимания сказывается на развитии

социальных отношений людей. Диалог предстает как понимающее взаимодействие сообществ, социальных институтов, индивидов» [5, с. 30–31].

А. Н. Сухов замечает, что социальная модернизация, понимаемая как усовершенствование, улучшение, обновление общества как объекта, «...реализуется в широком смысле через социальную политику, если таковая имеется, а в более узком, конкретном плане — посредством социальной работы с населением в различных сферах» [24, с. 43]. Автор выделяет возрастающее значение социально-психологического подхода к пониманию социальной работы: «...в отечественной теории и практике социальной работы идея синтеза психологического и социального начинает проследиваться на всех уровнях» [24, с. 44]. СВО автор воспринимает, как одну из возможных экстремальных ситуаций для осуществления психосоциальной работы с населением, при этом «...следует иметь в виду, что управлять подобными процессами в данных условиях — крайне сложная проблема. Без антикризисной компетентности и социальной ответственности здесь не обойтись» [24, с. 44].

Тем, кто сознательно вступил на путь социальной ответственности, связав свою профессиональную жизнь с социальной работой, скорее всего, хорошо известны периодические профильные издания Издательства «Социальное обслуживание»: «Отечественный журнал социальной работы» (издается с 1995 г.), журналы «Социальное обслуживание» и «Работник социальной службы».

На страницах названных журналов в 2022–2025 гг. размещено три десятка публикаций, связывающих изменения теории, методологии и практики социальной работы с влиянием происходящих событий глобального масштаба, изменений в действующем российском законодательстве, вызванных проведением СВО, а также появлением новой многочисленной категории получателей социальных услуг, предоставляемых организациями социального обслуживания, — участников (ветеранов) СВО и членов семей участников (ветеранов) СВО, членов семей погибших (умерших) или пропавших без вести участников СВО. Эти публикации по мере необходимости включены

нами в список литературы и использованы в данной статье.

Выше мы постарались в общих чертах показать, что теоретические, методологические основы и методика социальной работы в России находятся в постоянном развитии, в том числе в той части, которая касается новых подходов, отвечающих условиям, вызовам и изменениям общественных запросов, которые возникают в период проведения СВО.

В процессе поиска современных решений участие принимают не только ведущие отечественные ученые в области социальной работы, профессорско-преподавательский состав институтских и университетских кафедр социальной работы, но и многие руководители и специалисты организаций социального обслуживания, обладающие хорошей теоретической подготовкой (они нередко имеют и ученые степени) и многолетним профессиональным опытом, что прослеживается, в частности, по публикациям в названных журналах, в том числе в «Отечественном журнале социальной работы». Отметим прежде всего некоторые специальные (событийные) выпуски журнала.

«**Современной системе социальной работы в России — 30 лет**» — знаменательной дате был посвящен специальный выпуск «Отечественного журнала социальной работы» (2021 г.). Полезным для читателей будет ознакомление с содержательными статьями М. Р. Арпентьевой, Л. Г. Гусяковой, А. В. Мартыненко, А. М. Панова, М. В. Фирсова, В. А. Фокина, Е. И. Холостовой и других авторов [4; 11; 15; 18; 28; 30; 31], которые свидетельствуют о том, что за 30 лет — исторически короткий период — социальная работа стала фактором положительных перемен в жизни россиян, «...в душах и сердцах россиян нашла не просто отклик — ее миссия и ценности созвучны самым тонким струнам души российского человека, его сердечным чаяниям» [18, с. 34]. Многие достижения отечественной социальной работы позволяют успешно трансформировать ее сущность и институты применительно к условиям, складывающимся в связи с новыми вызовами, способность к трансформации заложена в самой ее сути.

На основе анализа проблем и вызовов современной социальной работы и исследо-

ваний в области научного знания о социальной работе, проведенного М. Р. Арпентьевой в статье «**Социальная работа в новейший период российской истории: теоретические подходы, проблемы и тенденции в осмыслении теории и практики**» (2021 г.), становится понятным такое авторское утверждение: «Социальная работа современности — многоуровневая, многокомпонентная, политехнологическая, полисферная, полисубъектная/полиагентная, полифункциональная и, соответственно, полирезультативная практика помощи человека человеку в его (ре)социализации. Это — полинаправленная практика работы команды специалистов» [4, с. 67]. И далее: «Мультикомпонентность социальной работы в современных условиях включает ее <...> работу с индивидами, группами, организациями и людьми в ситуациях; 1) интенсивного и масштабного страдания; 2) поиска выхода и реализации выхода из трудной жизненной ситуации; 3) поиска путей развития и совершенствования» [4, с. 67–68].

Таким образом, современная социальная работа — надежная платформа и эффективное средство оказания поддержки и помощи людям, для которых интенсивные и масштабные страдания, особые жизненные ситуации могут возникнуть вследствие вовлеченности в события СВО.

В связи с 30-летием социальной работы в нашей стране Е. И. Холостовой (безвременно ушедшей из жизни 25 ноября 2021 г.), которая внесла неоценимый вклад в развитие трех компонентов отечественной социальной работы — науки, учебной дисциплины и вида профессиональной деятельности, была опубликована развернутая статья «**Социальная защита в условиях вызовов XXI века**» [31, с. 38–45].

Обозначая подходы к пониманию категории «социальная защита», всесторонне анализируя достижения и проблемы социальной защиты и предлагая комплекс мер по ее совершенствованию в условиях современных вызовов, Е. И. Холостова сделала ряд замечаний, имеющих значение и для развития социальной работы как таковой.

Во-первых, рост числа клиентов социальных служб с различным социальным статусом (не только малообеспеченных граждан, у кото-

рых среднедушевой доход ниже уровня прожиточного минимума), обращающихся в организации социального обслуживания, что может привести к расширению спектра социальных услуг для всех категорий населения [31, с. 42]. Во-вторых, предстоящая необходимость «... изменить решение проблем целеполагания. <...> мы видим необходимость расширения функций, связанных с поддержанием активности и самостоятельности, стимулирование развития и совершенствования личностного потенциала граждан» [31, с. 42].

Именно данные моменты могут стать определяющими с точки зрения достижения наилучших результатов социальной работы в интересах тех, кто так или иначе сталкивается с социальными последствиями СВО.

В том же юбилейном номере «Отечественного журнала социальной работы» помещена статья Л. Г. Гусликовой «*Размышления о социальной работе в России: мечты и реальность*» [11, с. 61–66], где особенности становления социальной работы в России увязаны с концепцией жизненных сил человека как одной из теоретических конструкций, лежащих в основе разработки модели социальной работы. Автор напоминает о том, что «...человек и его проблемы рассматриваются в органическом единстве, взаимодействии со средой обитания» [11, с. 62]. В итоге автор формулирует мнение о возникшей необходимости разработки «...новой модели социальной работы, соответствующей современному этапу развития российского общества» [11, с. 65].

Как полагает автор, «...современная стратегия социальной работы должна ориентировать социальных работников на то, чтобы помочь клиентам оптимизировать собственные усилия по изменению ситуации, возникшей на личностном или социальном уровнях. Все это обуславливает приоритетность моделей практики социальной работы, которые позволяют социальному работнику помогать клиентам формировать и реализовать свои личностные и социальные ресурсы» [11, с. 65].

Полагаем, что именно таким образом организации социального обслуживания и социальные работники понимают миссию социальной работы с участниками (ветеранами) СВО и их семьями.

Одним из примечательных событий, связанных с темой модернизации социальной работы, стал *Всероссийский круглый стол «Отечественная социальная работа в условиях перехода к многополярному миру»* (г. Москва, 14 ноября 2022 г.), организованный Институтом психолого-социальной работы ФГАОУ ВО Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова (Сеченовский университет), Федеральным учебно-методическим объединением по укрупненной группе специальностей и направлений «Социология и социальная работа», Межрегиональной общественной организацией (МОО) «Ассоциация работников социальных служб».

В выступлениях участников (стенограмма мероприятия опубликована в «Отечественном журнале социальной работы» в начале 2023 г.) затрагивались вопросы, актуализация которых произошла в связи с переходом к многополярности не только в современных международных отношениях, но и в других важных для будущего областях, включая социальную работу. О направлениях дискуссии свидетельствует перечисление затронутых вопросов:

- девестернизация, деколонизация и другие современные геополитические вызовы: проблема поиска новой парадигмы отечественной социальной работы;
- членство российских образовательных организаций в международных ассоциациях: разрывы связей или интеграция в мировое профессиональное сообщество;
- междисциплинарный подход в подготовке специалистов социальной сферы;
- современное состояние практического поля социальной работы: уроки и выводы пост-ковидного времени;
- профессия или профессии социальной работы? Дискурсы практик и научного познания;
- социальное образование в Российской Федерации: пути перехода от американо- и европоцентризма к кросс-культурализму;
- профессиональные и образовательные стандарты: новации 2022 г. и тенденции 2023 г.;
- социальная работа — проблемы научной идентичности;

- клиническая социальная работа в здравоохранении и социальной защите: векторы развития и области пересечения;

- возможна ли отечественная модель «глокальной социальной работы» в контексте глобальных и местных перспектив [9, с. 12–39].

С начала 1920-х гг. мировые стандарты социальной работы определяли действия всех стран в ситуации унифицированного знания, унифицированного подхода. Это порождало аспекты манипуляций, проблемы слабого учета специфики социальной защиты конкретного человека, навязывание ценностей, которые чужды той или иной стране. Явления девестернизации, коренизации социальной работы осознавались как позитивные, но подчас насильно вписывались в отжившие свой срок мировые стандарты, которые во многом определяли и усложняли действия тех или иных стран. Ситуация для России актуальная, потому что российские социальные службы «...в течение 20–30 лет находились в тесном взаимодействии с западной цивилизацией. Многие их подходы, идеи, модели были взяты у нас на вооружение» [9, с. 14].

Из выступлений участников круглого стола становится понятным, что социальная работа в России находится на этапе постепенной смены поколений исследователей, преподавателей и практиков [9, с. 14].

Сегодня, когда Россия становится одним из новых центров многополярного мира, изменения неизбежно должны затронуть вопросы выбора вектора и принятия определенной стратегии развития социальной работы, перестройки философии и совершенствования практики социального образования, стандартизации в области социальной работы, взаимодействия с профессионалами в смежных профессиях, четкого осознания и необходимости очертить сферу ответственности социальной работы, в том числе по обеспечению социального здоровья общества. Ситуационно-деятельностная парадигма, характерная для первого десятилетия социальной работы в нашей стране, уступает место технолого-центристской парадигме, когда технологии, сконцентрированные на том, чтобы разрешать сложнейшие социальные ситуации, при наличии необходимых условий (инфраструктурные, финан-

совые, кадровые, научно-методические и др.) помогают кардинально улучшить ситуацию в плане социального здоровья общества [9, с. 35].

Отмечено, что СВО, также ставшая фактором изменений социальной работы, «...заставляет нас думать о наших зонах ответственности, новых направлениях социальной работы. Сегодня уже крайне актуализировались вопросы помощи семьям участников СВО. <...> Но нужно уже сейчас готовиться к тому, как работать с этими семьями в послевоенное время, как работать с теми группами населения, которые находились в зонах боевых действий либо в зонах политических конфликтов <...> уже формируется опыт такой работы, но, по мере возникновения новых проблем, социальная работа должна по всем направлениям эту ситуацию видеть, анализировать и влиять на решение вновь появляющихся задач» [9, с. 16–17].

Научной площадкой для углубленного обсуждения вопросов модернизации социальной работы являются *Холостовские чтения* (научные чтения, посвященные памяти Е. И. Холостовой). Этому научному форуму (г. Москва, 27 ноября 2024 г.), проведенному в третий раз в Российском государственном социальном университете (РГСУ), посвящен подробный отчет в «Отечественном журнале социальной работы» [26].

Акцентированно прозвучало мнение о том, что глобальный сдвиг во всей социальной организации общества, происходящий «на наших глазах», обусловлен среди прочего тем, что «...в России появилась особая категория людей, которым требуются большие объемы самых разнообразных видов социальной работы — это участники СВО и члены их семей. Их численность измеряется уже сотнями тысяч человек» [26, с. 32]. Соответственно особенности развития нашей страны в последние годы «...выдвигают перед сферой социальной работы требования изменений не только количественных (ресурсных), но и качественных (новые технологии и формы работы)» [26, с. 33].

Действительно, во время прямой линии 14 декабря 2023 г. Президент России сообщил, что в зоне СВО находятся 617 тыс. человек; позже

заявлено, что на линии боевого соприкосновения в зоне СВО находится свыше 700 тыс. бойцов ВС РФ (*встреча с лидерами фракций политических партий в Государственной думе в Ново-Огарево, 18 сентября 2025 г.*). Вместе с членами семей они составляют новую многочисленную и сложную по своей структуре категорию лиц, которые могут нуждаться в разных видах помощи и услуг, и социальная работа (как и практика социального обслуживания) не должна оставаться неизменной, не может не учитывать особенности этой категории граждан.

Целесообразно выделить несколько публикаций, напрямую касающихся изменений в социальной работе в период проведения СВО. Остановимся на статье В. А. Фокина «*Специальная военная операция и модернизация социальной работы в сложившихся условиях*», опубликованной в 2022 г. в журнале «Социальное обслуживание» [29].

Автор, проанализировав опыт участия социальных работников в решении социальных проблем российских военнослужащих и членов их семей, бойцов Вооруженных Сил ДНР и Народной милиции ЛНР, других групп населения (беженцы, дети, пожилые люди и другие), накопленный в течение первых пяти месяцев СВО, обозначил ряд основных направлений социальной работы в новых условиях: а) оперативная административно-организационная социальная работа; б) социальная работа средней перспективы; в) клиническая социальная работа, связанная с решением проблем клиентов, возникающих после проведения СВО; В. А. Фокин расшифровал входящие в эти направления виды активностей [29, с. 27–28].

Базируясь на мнении основателя российской научной школы социальной работы Е. И. Холостовой, автор напоминает читателям о разных ролях социального работника: учителя (наставника, консультанта, эксперта), адвоката, посредника [29, с. 28], в дальнейшем развивает эту мысль, говоря о ролях социальных работников во время осуществления различных видов клинической социальной работы.

Автор предлагает (по нашему мнению, с полным основанием и своевременно) определиться с содержанием понятия «социальная

работа в условиях специальной военной операции» и напоминает о существующем понятии «военно-социальная работа» (социальная работа с военнослужащими, другими лицами, вовлеченными в военные конфликты, «...под которой понимается система организационных, правовых и воспитательных мероприятий, проводимых командованием части и осуществляемых органами воспитательной работы во взаимодействии с другими органами управления, направленных на социальную защиту законных прав военнослужащих, в рамках морально-психологического обеспечения»), перечисляя далее задачи военно-социальной работы. Однако на примере мероприятий по медицинской и социальной реабилитации, социальной адаптации детей, возвращаемых из зон боевых действий, В. А. Фокин показывает, что наполнение понятия «социальная работа в условиях специальной военной операции» выглядит по-иному [29, с. 29–30].

В. А. Фокин выделяет индивидуальную работу со случаем, в том числе приводит 12-этапный алгоритм реализации метода индивидуальной работы со случаем со ссылкой на учебное пособие М. В. Фирсова и Б. Ю. Шапиро «*Психология социальной работы. Содержание и методы психосоциальной практики*» (2007 г.) [29, с. 31], очевидно, с высокой результативностью применимый в ситуациях проведения социальной работы в период СВО, а также показывает необходимость и содержание клинической социальной работы с людьми, пережившими стрессовые ситуации, «...поскольку для большинства, в частности гражданских лиц, военная операция была и есть большой стресс» [29, с. 31–33].

Завершая статью, В. А. Фокин напоминает о проблеме профессионального выгорания социальных работников: «Активная и самоотверженная работа с участниками вооруженных конфликтов, клиентами, которые испытали на себе все трудности и ужасы боевых действий, как правило, имеет серьезные последствия и для самих социальных работников» [29, с. 33]; помочь им может технология профилактики синдрома профессионального выгорания — отдельная большая тема для специального рассмотрения [29, с. 33].

В процессе модернизации деятельности социальных работников в новых условиях необходимо расширение их взаимодействия с волонтерами. Кроме того, по предположению автора, «...в обозримом будущем основным направлением модернизации социальной работы в ДНР, ЛНР и освобожденных регионах Украины является создание и развитие там нашей отечественной модели социальной работы, основанной на вековых традициях славянского милосердия и благотворительности. Естественно, никто не отрицает и внедрение передового мирового опыта, приемлемого в новых условиях» [29, с. 34].

Организации социального обслуживания и деятельность на благо бойцов СВО и их близких

Правовое обеспечение и организация работы по социальному обслуживанию бойцов СВО и их близких. Представление о социальном обслуживании как системной деятельности, направленной на обеспечение граждан доступными и качественными социальными услугами, в России сложилось давно, еще на рубеже 1990-х гг., и было закреплено юридически благодаря вступлению в силу в 1995 г. двух основополагающих федеральных законов, касающихся сферы социального обслуживания. Оба закона прекратили свое действие в связи с вступлением в силу с 1 января 2015 г. Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ).

Выделение социального обслуживания в отдельное направление в праве и законодательстве стало для своего времени прорывом, определившим создание правовой базы развития социальных услуг, способствовавшим консолидации российской системы социальных служб, ее количественному росту и качественному совершенствованию, ориентации социального обслуживания на обеспечение гражданам равных возможностей при предоставлении социальных услуг, на приоритет мер по профилактике и социальной адаптации.

Статья 1 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 195-ФЗ «Об основах социаль-

ного обслуживания населения в Российской Федерации» содержала широкое толкование основополагающего понятия «социальное обслуживание» и обозначала его как «...деятельность социальных служб по социальной поддержке, оказанию социально-бытовых, социально-медицинских, психолого-педагогических, социально-правовых услуг и материальной помощи, проведению социальной адаптации и реабилитации граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации».

Понятие «трудная жизненная ситуация» появилось в законодательстве впервые в статье 3 «Основные понятия» названного закона: «4) трудная жизненная ситуация — ситуация, объективно нарушающая жизнедеятельность гражданина (инвалидность, неспособность к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом, болезнью, сиротство, безнадзорность, малообеспеченность, безработица, отсутствие определенного места жительства, конфликты и жестокое обращение в семье, одиночество и тому подобное), которую он не может преодолеть самостоятельно». Применение данного понятия, введение которого по-прежнему считаем заметным правовым достижением, предусматривало, что социальное обслуживание направляется на снятие многих социальных рисков, которые гражданин «не может преодолеть самостоятельно», на повышение уровня социальных гарантий, активизацию способности граждан к самообеспечению благополучия посредством оказания комплекса целевых социальных услуг категориям населения, находящимся в зоне риска.

Что касается социальных услуг, то согласно пункту 3 статьи 3 данного закона они понимались как «...действия по оказанию отдельным категориям граждан в соответствии с законодательством Российской Федерации, клиенту социальной службы помощи, предусмотренной настоящим Федеральным законом» (в редакции Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ).

В пункте 1 статьи 3 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ социальное обслуживание граждан обозначается как «...деятельность по предоставлению социальных услуг гражданам»; а понятие «социальная услуга» в пункте 2 данной статьи обозначено более

широко: «...действие или действия в сфере социального обслуживания по оказанию постоянной, периодической, разовой помощи, в том числе срочной помощи, гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности и (или) расширения его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности». В данном понятии ключевым можно считать указание на предназначение оказываемой помощи: улучшение условий жизнедеятельности, расширение возможностей гражданина самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности, что в своей основе не слишком далеко отстоит от содержания ранее применявшегося понятия «трудная жизненная ситуация».

В итоге в законодательстве социальное обслуживание предстает как вид деятельности, направленной на достижение определенных социально значимых результатов, однако социальное обслуживание — это и правоотношения сторон (данному обстоятельству обычно уделяется недостаточно внимания). Такой взгляд изложен в учебном пособии Г. Г. Пашковой *«Право социального обеспечения»* (опубликовано Издательским домом Томского государственного университета (ТГУ) в 2018 г.): «Социальное обслуживание — правовая связь нуждающегося, оказавшегося в трудной жизненной ситуации, и социальной службы, в рамках которой он вправе требовать от службы выполнения установленных законодательством действий в целях оказания ему помощи или содержания для удовлетворения бытовых, духовных, материальных и иных основополагающих жизненных потребностей на условиях, в порядке и объеме, предусмотренных законодательством» [19, с. 118].

Представленная конструкция правоотношений (правовая связь) сторон выглядит несколько односторонней, поскольку автор подчеркивает особую роль в этих правоотношениях гражданина, который, действуя «самостоятельно», играет активную роль, добиваясь улучшения своего положения при содействии социальной службы. Приоритет его интересов и инициативы нами не оспаривается, но и социальные службы обязаны идти навстречу гражданину, обеспечивая реализацию его прав в сфере социального обслуживания, и гражда-

нин обязан соблюдать определенные обязательства, возникающие в правоотношениях сторон. Тот факт, что деятельность социальных служб осуществляется «на условиях, в порядке и объеме, предусмотренных законодательством», не означает, что социальные службы вправе предлагать гражданам те социальные услуги, которые могут предоставить, взамен тех социальных услуг, в которых граждане реально нуждаются.

Именно такие правоотношения, такая индивидуализированная правовая связь, возникающая на основе установленных законодательно обязательств сторон, по нашему мнению, должны формироваться при предоставлении помощи и социальных услуг в сфере социального обслуживания участникам (ветеранам) СВО и членам их семей.

На основании части 1 статьи 31 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ предоставление социальных услуг осуществляется бесплатно несовершеннолетним детям, лицам, пострадавшим в результате чрезвычайных ситуаций, вооруженных межнациональных (межэтнических) конфликтов, инвалидам боевых действий (в редакции Федерального закона от 28 декабря 2022 г. № 570-ФЗ).

В интересах участников (ветеранов) СВО и членов их семей должны осуществляться мероприятия по профилактике обстоятельств, обуславливающих нуждаемость в социальном обслуживании, — система мер, направленных на выявление и устранение причин, послуживших основанием ухудшения условий жизнедеятельности граждан, снижения их возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности. Для членов семей участников (ветеранов) СВО предусмотрено предоставление социальных услуг на дому, организация досуга и культурных мероприятий, создание условий для активного долголетия и вовлечения членов семей в общественную жизнь, предоставление услуг в стационарных условиях.

В работе Е. О. Ананьевой и П. В. Ивлиева *«К вопросу о социальном обслуживании участников СВО Российской Федерации»* (2024 г.) рассматривается тема законодательного регулирования вопросов, связанных с социальным обслуживанием участников

и ветеранов боевых действий, СВО. Кадровые военные, лица, призванные по частичной мобилизации, и добровольцы, участвующие в СВО, имеют определенный ряд преимуществ, которые доступны не только в период прохождения службы, но и после ее завершения. Однако для военнослужащих имеется отдельное законодательство, на основании которого они проходят службу, и некоторые преимущества для них уже установлены. Новые тенденции в законодательстве о социальном обслуживании, в свою очередь, коснулись и других категорий граждан, участвующих в СВО. В работе сделана попытка анализа существующих норм законодательства и возможностей их применения к отдельным категориям участников СВО [2].

В каких социальных услугах в первую очередь нуждаются участники (ветераны) СВО и их близкие? В статье *«Социальная поддержка военнослужащих и членов их семей в регионах России»* А. А. Антиповой (ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарева», г. Саранск) изложены результаты авторского социологического исследования, проведенного в апреле-мае 2024 г. с целью изучения актуальных проблем и мер социальной поддержки военнослужащих и членов их семей в г. о. Саранск (Республика Мордовия), а также сформулированы предложения по развитию системы социальной поддержки данной категории получателей социальных услуг [3].

Как сообщается, в анкетном опросе принимали участие 50 представителей семей военнослужащих (90 % мужчин, 10 % женщин), состоящих на учете в отделении социальной помощи семье и детям ГБУ «Комплексный центр социального обслуживания г. о. Саранск» в Пролетарском районе. Из них 84 % состояли в браке, 12 % — холосты (не женаты), 2 % — официально не оформили отношения, 2 % — вдовцы (вдовы). Им был задан вопрос «Какими услугами учреждений социальной защиты Вы или Ваш супруг(а) пользовались за последний год?».

Большинство семей (94 %), где есть военнослужащие, отметили востребованность социально-экономических услуг (материальная помощь); высокой (76 %) оказалась доля тех, кто отметил социально-психологическую помощь;

на третьем месте (54 %) — медицинские услуги (работа по восстановлению здоровья, реабилитация и др.); четверную позицию (38 %) заняли правовые услуги (консультирование юристом, обеспечение правовой помощью и др.); далее следовали социально-педагогические (обучение, переподготовка, повышение квалификации) и социально-культурные (посещение театров, музеев, кино, цирка) услуги (12 % и 2 % соответственно) [3, с. 12].

В итоге автор высказывает мнение, что «... материальный достаток по-прежнему является одной из насущных проблем военнослужащих и членов их семей. Выплаты военнослужащим <...> являются достаточно высокими. Однако не следует пренебрегать мерами точечной помощи семьям военных, которая им остро нужна. <...> Если семья подпадает под критерии нуждаемости, есть смысл периодических материальных выплат <...> Учет и использование консультативной помощи со стороны социальных служб, некоммерческих организаций, благотворительных и военно-патриотических фондов также позволяет существенно облегчить жизнь военнослужащим и их семьям. <...> вся необходимая информация должна быть в публичном доступе, не содержать ошибок, опечаток, двойственной трактовки. Социальный работник должен оперативно и в полном объеме оказать консультацию заявителю» [3, с. 12].

Некоторые общие подходы к организации мероприятий с данной целевой группой изложены в методическом пособии *«Организация работы с участниками специальной военной операции и членами их семей на базе учреждений социального обслуживания населения»* (2023 г.), основанном на опыте Краевого государственного казенного учреждения (КГКУ) «Ресурсно-методический центр системы социальной защиты населения» (г. Красноярск) [17]. Приступая к изучению названной публикации, мы предполагали получить ответы на многие коренные вопросы, связанные с предоставлением социальных услуг данной целевой группе, особенно ветеранам, признанным инвалидами вследствие военной травмы, и их близким, однако ожидания оправдались не в полной мере.

Концептуально материал, изложенный в книге, построен следующим образом. В целях оказания методической помощи специалистам организаций социального обслуживания автор-составитель и редакторы [И. В. Цыба, В. Г. Сухих, Е. А. Сидоренко]:

- обозначают необходимость проведения социальной реабилитации участников СВО и членов их семей силами мультидисциплинарной команды специалистов (куратор, психолог, специалист по социальной реабилитации, инструктор по адаптивной физической культуре, специалист по социальной работе, юрисконсульт, культорганизатор, социальный педагог), подробно рассказывают об обязанностях и работе каждого из перечисленных специалистов;

- обосновывают и разъясняют алгоритм работы по социальной реабилитации участника СВО и членов его семьи;

- концентрируют внимание на особенностях консультирования участников СВО и членов их семей (участники СВО «немотивированные», враждебно настроенные и проявляющие агрессию, испытывающие тревогу, участники СВО с депрессией), в том числе при суицидальных намерениях и при переживании утраты;

- приводят формы и методы, применимые в работе с участниками СВО и членами их семей (обучение участников СВО методам и приемам саморегуляции психического и соматического состояния, социально-психологический тренинг для участников боевых действий, социокультурная работа с участниками СВО и членами их семей, группы самопомощи участников СВО, арт-терапия с участниками боевых действий и членами их семей);

- выделяют в комплексе работы посредническую деятельность при социальном сопровождении участников СВО;

- формулируют некоторые практические рекомендации, которые специалисты могут дать членам семей участников СВО.

В книгу включено 16 приложений, в том числе образцы для заполнения анкеты участника СВО, программы социальной реабилитации участника СВО, комплекса профилактических и реабилитационных мероприятий, а также описание методик и упражнений для работы с представителями целевой группы.

В целом данная публикация может быть ценной по ряду аспектов, в частности, убедительно обосновывается выделение четырех этапов работы организаций социального обслуживания с участником СВО и членами его семьи (этап выявления участников СВО и членов их семей, нуждающихся в социальной реабилитации; диагностико-прогностический этап, включая заполнение социального паспорта семьи, составление программы социальной реабилитации участника СВО и членов его семьи; реализационный этап, то есть реализация программы социальной реабилитации; этап пассивного (поддерживающего) сопровождения семьи участника СВО) [17, с. 31–36]. Впрочем, некоторые базовые утверждения или подходы, изложенные в методических рекомендациях, целесообразно обсудить.

В главе первой книги при рассмотрении социально-психологических особенностей участников СВО и членов их семей приоритет отдан теме посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и влиянию его последствий на личность участника СВО [17, с. 7–17].

Там же более сжато изложено авторское представление о социальных проблемах участников СВО и членов их семей, однако в основном речь идет о возможных проявлениях деформаций личности вследствие участия в боевых действиях (в сугубо теоретическом плане, без поддержки фактами, результатами социологических исследований).

Упоминаются аддиктивное поведение, разочарование и неудовлетворенность, чувство внутренней измененности, повышенная раздражительность, вспышки гнева, бесконтрольная злоба, склонность к аутизации и прочее. Перечислены семейные и личностные проблемы, обусловленные наличием ПТСР у участника (ветерана) СВО: потеря работы или трудоспособности, злоупотребление алкоголем или наркотическими веществами, лекарственными препаратами, деструктивное поведение, нарушение межличностных и семейных отношений, потеря смысла жизни и депрессия. Вскользь (без надлежащей детализации) упомянуты проблема со здоровьем и сокращением продолжительности жизни, усложнение отношений между супругами [17, с. 17–21].

Общий итог данной главы довольно мрачен: «Таким образом, участники СВО сталкиваются с различными трудностями, которые в дальнейшем могут привести к серьезным проблемам: ухудшению здоровья, маргинализации, сокращению продолжительности жизни, появлению депрессии и психических расстройств, алкоголизму, кризису семейных отношений, неприятию обществом» [17, с. 21].

То, что названо «неприятие обществом», обосновывается в методическом пособии так: «Одной из проблем современного этапа развития Вооруженных Сил является неоднозначное отношение общества к армии, оно заключается в том, что общество накладывает определенные обязанности на военнослужащих, но не дает со своей стороны моральной поддержки и одобрения такой важной деятельности. <...> Участники СВО испытывают потребность быть понятыми обществом, ближайшим окружением. Им необходимо одобрение их действий, либо безоценочное отношение к пережитому травмирующему опыту, так как зачастую при отсутствии понимания со стороны общества участники боевых действий начинают испытывать отчуждение» [17, с. 20–21].

На страницах методического пособия встречается и такое утверждение: «Участников СВО объединяют общие стрессовые ситуации, пережитые во время боевых действий» [17, с. 65].

Безусловно, не со всеми оценками авторов данного пособия мы готовы согласиться.

Начиная с 2022 г., в условиях напряженной борьбы за освобождение от киевского нелегитимного режима исторических территорий Донбасса и Новороссии, происходит консолидация участников (ветеранов) СВО в особую социальную группу, которая занимает определенную статусную социальную позицию в обществе, наследуя образ, положение в обществе, авторитет и влияние ветеранов Великой Отечественной войны, тем более что СВО в главном — по своему воздействию на ход исторического процесса и будущее России — сравнима с Великой Отечественной войной. Объединяет представителей данной социальной группы сознание выполненного долга по защите Отечества, а не «общие стрес-

совые ситуации», которые имеют место в условиях боестолкновений.

Фиксируются и реальные изменения отношения россиян к ВС РФ и участникам (ветеранам) СВО. На современном этапе отношение большинства россиян к ВС РФ наиболее благоприятное за последние десятилетия, о чем свидетельствуют результаты социологических исследований. По данным регулярных опросов ВЦИОМ, ВС РФ традиционно пользуются у россиян наиболее высоким уровнем доверия среди общественных институтов, заметно опережая Русскую православную церковь, СМИ, правоохранительные органы, политические партии и профсоюзы. Небольшое снижение рейтинга доверия с «привычных» 80 % было зафиксировано в начале 2020-х гг., заметным оно оказалось осенью 2022 г., после отдельных военных неудач в ходе СВО. Но даже тогда о доверии армии заявляли не менее 73,5 % респондентов. Общество по собственной инициативе фокусируется на оказании материальной поддержки, волонтерстве, сотрудничестве с ВС РФ в военно-технической области, что является выражением той самой «моральной поддержки» и «понимания», которые — как следует из приведенного отрывка — общество не предоставляет армии.

Разумеется, мы учитываем существующую в социологии смысловую разницу между понятиями «доверие» (субъективная уверенность в соблюдении партнером сложившихся норм, договоренностей, обязательств, что делает возможным устойчивое воспроизводство социальных отношений) и «одобрение» (социальное одобрение — положительная оценка личности или группы в социальном контексте, основанная на стремлении человека получить признание, поддержку и одобрение своих действий, мнений или поведения со стороны окружающих).

Уверены в том, что устойчивый высокий уровень доверия со стороны общества к ВС РФ едва ли был бы возможным, если бы военнослужащие и ВС РФ в целом, особенно в период СВО, совершали действия (осуществляли деятельность), не одобряемые обществом, не отвечающие требованиям общественной морали (моральные и этические нормы, выражающие представление общества о добре и зле, спра-

ведливости и несправедливости и регулирующие поведение людей) или воинского долга. Таким образом, доверие, одобрение и моральная поддержка представляют собой взаимосвязанные характеристики взаимоотношений сторон (граждан и армии) и их соотношение в современных условиях выглядит сбалансированным.

В течение периода СВО перечень социальных гарантий, предоставляемых государством участникам (ветеранам) СВО и их близким, пополняется динамично, охватывая все стороны их жизнедеятельности как в зоне СВО, так и после увольнения военнослужащего из ВС РФ. Многие вопросы поддержки защитников Отечества решаются стремительно на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, потому что были выдвинуты в повестку дня именно «обществом», которое таким образом выражает свою озабоченность судьбой людей, защищающих Отечество, и их близких, выражает им одобрение и моральную поддержку.

Трудно представить более «стрессовую ситуацию», чем нахождение в течение нескольких суток в трубе газопровода Уренгой — Помары — Ужгород в ходе операции «Поток» с целью скрытого выхода в тыл противника, чтобы освободить г. Суджу и окончательно выбить украинских боевиков из курского приграничья. По многочисленным опубликованным интервью участников операции «Поток», в том числе находившихся в госпиталях, можно судить не только о пережитых бойцами испытаниях («...там было темно, холодно, скользко, душно, страшно. Там люди бредили от недостатка кислорода»), но и понять, осознать главное: «...каждый, кто прошел “Трубу”, по-моему, вправе не только помнить ее, но и гордиться своим подвигом» (из публикации RT на русском «*“Не знал, выйду ли я. Я бредил...”*: честный рассказ участника операции “Поток” на Курицине — что он вспомнил сейчас?», от 27 августа 2025 г.).

Кажется, что приведенные выше выдержки из методического пособия возвращают нас на несколько десятилетий назад, в период кризиса общественных отношений 1990-х гг., когда негативные настроения общества преобладали в оценке событий и явлений

окружающей действительности, в том числе в оценке ВС РФ.

Буквально одна страница в методическом пособии выделена для описания посреднической деятельности при организации социального сопровождения участников СВО, которое осуществляется «...при невозможности самостоятельного разрешения проблем участника СВО и его семьи». В данной ситуации специалист дает рекомендации и оказывает содействие в решении поставленного вопроса силами учреждений, предоставляющих такую помощь, на основе межведомственного взаимодействия [17, с. 75].

Намечены этапы осуществления посреднической деятельности при социальном сопровождении (выявление проблем участника боевых действий и его ближайшего окружения при заполнении социального паспорта или при проведении программы социальной реабилитации; выбор учреждения, которое способно наилучшим образом решить проблему; содействие в приеме участника СВО в выбранном учреждении). Подчеркивается, что инициатива установления контакта с учреждением, договоренность о встрече и проведении самой встречи остаются за получателем социальных услуг, а специалист, реализующий роль посредника, должен удостовериться в том, что участнику СВО оказана своевременная и профессиональная помощь (информация об этом находит отражение в социальном паспорте) [17, с. 75–76].

Полагаем, что именно общий подход и некоторые выводы, по большей части применимые в случаях, связанных с последствиями ПТСР и прямо не относящиеся к большинству участников СВО (о ветеранах, в том числе инвалидах, в книге не говорится), обусловили предложение автора-составителя и редакторов методического пособия обозначать действия по оказанию поддержки участникам СВО и их близким как социальную реабилитацию.

«Социальная реабилитация участников СВО и членов их семей — это система мер, направленных на поддержание процессов активной жизнедеятельности участников СВО и членов их семей, а также создание условий для предупреждения развития негативных последствий и различных социальных проблем

данной категории, успешной интеграции их в социум»; в качестве целей деятельности по социальной реабилитации участников СВО и членов их семей названы интеграция участников СВО в социум; оказание комплексной социальной поддержки участникам СВО и членам их семей [17, с. 22].

Как нам представляется, проблема сегодняшних научных публикаций заключается в том, что одно и то же понятие у разных авторов получает различное смысловое наполнение. Понятие «социальная реабилитация» исключением не является.

В теории социальной работы довольно давно и прочно закрепилось представление о социальной реабилитации, как комплексе мер, направленных на восстановление разрушенных или утраченных индивидом общественных связей и отношений, о чем свидетельствует статья О. В. Волковой *«Социальная реабилитация как направление социальной работы»* (2006 г.) [8]. Автор, очевидно, разделяет существующее мнение о том, что «...реабилитация — понятие с богатым и многообразным содержанием, имеет различные общепризнанные аспекты», в том числе юридический, психологический, социальный и медицинский [8, с. 171].

Автор приводит высказывания основоположников социальной работы в России о том, как понимать социальную реабилитацию индивида:

- М. В. Фирсов считает, что «...социальная реабилитация — это комплекс мер, направленных на восстановление разрушенных или утраченных индивидом общественных связей и отношений вследствие нарушения здоровья со стойким расстройством функций организма (инвалидность), изменения социального статуса (пожилые граждане, беженцы и вынужденные переселенцы, безработные и т. д.), девиантного поведения личности» [8, с. 172];

- Е. И. Холостовой принадлежит утверждение о том, что социальная реабилитация как восстановление способности к социальному функционированию возможна лишь в том случае и в той степени, в которой индивид обладал такой способностью до реабилитации. Развернуть в процессе реабилитации социофункциональные ресурсы индивида более, чем

они были развиты в период его нормального, непатологического развития, чаще всего невозможно [8, с. 174–175].

Участники (ветераны) СВО имеют вполне определенный социальный статус; находясь в зоне СВО, в большинстве сохраняют свои социофункциональные ресурсы и социальные навыки, поскольку поддерживают связи с семьей, встречаются с волонтерами и представителями регионов, взаимодействуют с мирными жителями освобождаемых территорий, получают отпуска (военнослужащим, включая мобилизованных, отпуск предоставляют как минимум раз в полгода и на срок не меньше, чем 14 дней, не считая времени на дорогу туда и обратно); по возвращении из зоны СВО не проявляют признаки девиантного поведения, отклоняющегося от общепринятых общественных норм.

В то время как по отношению к инвалидам вследствие военной травмы законодательство предписывает применять понятие «комплексная реабилитация и абилитация», полагаем, что не вполне корректно применять понятие «социальная реабилитация» по отношению к большинству участников СВО, которым, с учетом их статуса, состояния и условий жизнедеятельности, социальная реабилитация и не требуется. В данном случае считали бы более обоснованным применение понятий «реинтеграция» (возвращение индивида к нормальной жизни, восстановление связей и коммуникации с обществом) и «комплексное социальное сопровождение» как способ ее достижения, тем более что понятие «комплексное социальное сопровождение» де-факто используют авторы некоторых работ, которые будут рассмотрены далее.

«Цель деятельности определяет ее структуру» [8, с. 172]. Утверждение очевидное, но и фундаментальное для организаций социального обслуживания, вовлеченных в деятельность по реализации мер поддержки участников (ветеранов) СВО и членов их семей. Вклад организаций социального обслуживания в достижение социального благополучия лиц, входящих в целевую группу, раскрывает ряд публикаций, относящихся к периоду проведения СВО, в журналах Издательства «Социальное обслуживание».

Ценность данных публикаций в том, что они аккумулируют положительный опыт как следствие непрерывного взаимодействия организаций социального обслуживания с целевой группой получателей социальных услуг, способствуют заметному продвижению современных практик социального обслуживания, предлагают на системном уровне инновационные, эффективные и рациональные способы решения наиболее острых и резонансных индивидуальных и групповых проблем обслуживаемых лиц, рассказывают о взаимодействии социальных служб с другими организациями, в частности с филиалами фонда «Защитники Отечества».

Статья Е. В. Бахаревой, Т. А. Савченко и С. С. Малыхиной *«Практика поддержки в Новосибирской области участников специальной военной операции, членов их семей и семей погибших»*, опубликованная в журнале «Социальное обслуживание» в 2023 г., свидетельствует об оперативности и системности проводимой работы [6].

В Новосибирской области сформирована гибкая система адресной поддержки участников СВО и членов их семей, которая дополняется с учетом текущих потребностей; отмечено значение роли и ресурсов муниципальных районов и городских округов; работа по определению потребности в социальных услугах конкретной семьи с условием обеспечения максимальной доступности данных услуг и шаговой доступности осуществляется силами комплексных центров социального обслуживания населения (КЦСОН) муниципальных районов и городских округов Новосибирской области на постоянной основе [6, с. 19].

Организации социального обслуживания Новосибирской области в сфере предоставления услуг участникам СВО и их семьям действуют на проектной основе. Упомянуты областные проекты:

- по организации отпуска участников СВО (набор услуг по программе отпуска формируется с учетом пожеланий участников СВО и ресурсов территории);
- по реабилитации членов семей погибших военнослужащих (санаторно-курортное лечение, оказание консультационных, психологических, педагогических услуг);

• по привлечению членов семей участников СВО к организации долговременного ухода за участниками СВО;

- «Выездная приемная» и «Онлайн приемная» (обеспечение доступности помощи и социальной защиты членов семей участников СВО) [6, с. 22–23].

Остановимся подробнее на реализации Губернаторского проекта по комплексной реабилитации участников специальной военной операции, получивших ранение (действует с 1 марта 2023 г.), который стал одним из эффективных механизмов адресной системы поддержки участников (ветеранов) СВО в Новосибирской области.

В целях организации процесса предоставления индивидуальной помощи участникам проекта выдается реабилитационный сертификат; в рамках реабилитационного сертификата на основе принципов проактивного информирования, преемственности помощи по одному заявлению можно получить комплекс услуг различной ведомственной принадлежности [6, с. 20–21]. «Реабилитационный сертификат — это необходимая мера дополнительной поддержки для обеспечения условий максимального восстановления участника СВО после прохождения медицинской реабилитации» [6, с. 21].

Авторы указывают на простоту алгоритма получения и реализации реабилитационного сертификата, так как его предоставление организовано в цифровом формате, что минимизировало «сбор справок и бумаг», сделало получение сертификата простым и доступным, а запрос необходимых документов происходит в системе межведомственного электронного взаимодействия [6, с. 21]. «Реабилитационный сертификат позволяет индивидуально определить траекторию поддержки каждого участника СВО с учетом полученных травм, способствует стабилизации их психоэмоционального состояния и адаптации к новым жизненным условиям, дает возможность получить новую профессию с возможностью дальнейшего трудоустройства» [6, с. 21].

Статья Е. В. Бахаревой, Т. А. Савченко и С. С. Малыхиной отражает представление об осуществлении мер социальной поддержки участников СВО и членов их семей как о еди-

ном комплексе; проектный подход позволяет модернизировать осуществляемую деятельность, учитывать текущие потребности получателей помощи и услуг.

Дополним сказанное авторами: практика использования реабилитационного сертификата получила высокую оценку на федеральном уровне, со стороны рабочей группы по обеспечению взаимодействия органов публичной власти и организаций по вопросам мобилизационной подготовки и мобилизации, социальной и правовой защиты граждан Российской Федерации, принимающих участие в специальной военной операции, и членов их семей (образована в декабре 2022 г.), положительно оценившей ее востребованность, результативность и возможность внедрения в других регионах.

На заседании рабочей группы по вопросам СВО 16 мая 2023 г. губернатор Новосибирской области А. А. Травников рассказал об опыте создания и внедрения этого механизма поддержки ускоренно, всего за два месяца. Набор услуг, включенных в реабилитационный сертификат, постоянно расширяется и дополняется по пожеланиям бойцов СВО. Получение реабилитационного сертификата доступно всем категориям участников (ветеранов) СВО, в том числе добровольцам, бойцам ЧВК, не только тем, кто уволился по ранению, но и тем, кто намерен продолжать службу по контракту, возвращается в строй после медицинской реабилитации и восстановления.

О том, как обеспечивается оперативность и результативность деятельности социальных служб на муниципальном уровне, повествует статья Т. М. Горобец *«В единении — сила. Поддержка военнослужащих специальной военной операции и их семей в городе Усть-Илимске и Усть-Илимском районе Иркутской области»* (2024 г.) [10].

Автор, будучи директором ОГБУ «Управление социальной защиты и социального обслуживания населения по городу Усть-Илимску и Усть-Илимскому району», перечисляет основные элементы системной работы в интересах участников (ветеранов) СВО и их близких, начиная с 2022 г., для создания «спирали позитивных событий, поддержания эмоциональной сферы жен, детей участников СВО».

Общий контур повседневной деятельности социальных служб города Усть-Илимска и Усть-Илимского района выглядит следующим образом:

- введение администрацией новых муниципальных мер поддержки семей участников СВО, в том числе мобилизованных, и информирование семей о мерах социальной поддержки, действующих в Иркутской области;
- посещение семей для сбора информации, которая затем ложится в основу составления социальных паспортов;
- заключение социальных контрактов с женами военнослужащих и ветеранами СВО;
- закрепление кураторов за бывшими военнослужащими, оформленными на инвалидность после ранения;
- налаживание взаимодействия ОГБУ «Управление социальной защиты и социального обслуживания», государственного юридического бюро, органов опеки и попечительства, социальных координаторов фонда «Защитники Отечества» и подписание соглашений о сотрудничестве в рамках сопровождения семей участников СВО;
- организация консультативной помощи, правового сопровождения, проведение культурно-досуговых мероприятий и акций.

О понимании пролонгированного характера этой деятельности свидетельствует отмеченное в статье создание (в структуре Управления) отдела по работе с участниками СВО и членами их семей (июль 2023 г.), которое автор называет «важным и дальновидным», а также внедрение в практику модельной программы сопровождения участников СВО и членов их семей, разработанной Министерством социального развития, опеки и попечительства Иркутской области и Региональным ресурсным многопрофильным центром «РОСТ». Программа аккумулировала алгоритмы внутриведомственного взаимодействия при сопровождении участников СВО, членов их семей в разрезе жизненных ситуаций [10, с. 17, 18].

Системное изложение практики деятельности КЦСОН жилого района Кедровка города Кемерово представлено в статье Е. В. Каминской *«Инновационные подходы к современной деятельности комплексного центра*

социального обслуживания» (2024 г.) [13]. Одним из важнейших направлений в социальном обслуживании на дому в КЦСОН является патронаж членов семей участников СВО и полное социальное сопровождение [64, с. 94]. Функционируют специализированные структурные подразделения:

- отделение срочного социального обслуживания для предоставления срочных социальных услуг в целях оказания неотложной помощи и патронажа участников СВО и членов их семей (на момент публикации статьи помощь получили более 300 человек) [13, с. 97];
- социально-реабилитационное отделение полустационарной формы социального обслуживания по предоставлению социально-реабилитационных услуг, направленных на формирование, развитие и восстановление внутренних ресурсов человека с целью его социальной адаптации, расширения возможностей жизнедеятельности и установления продуктивного взаимодействия с социальной средой [13, с. 95].

Конкретным содержанием наполнена деятельность на благо участников (ветеранов) СВО, их родителей и супругов: при необходимости оказывается содействие в предоставлении медицинской, психологической, педагогической, юридической и иной социальной помощи; всем членам семей участников СВО, проживающим в частном секторе, доставляется твердое топливо на благотворительной основе, а тем, кто проживает в коммунальном секторе, овощные наборы. Все вопросы решаются в кратчайшие сроки. Специалисты отделения срочного социального обслуживания помогают в сборе и оформлении пакета документов на получение единовременной выплаты по ранению или в случае гибели участника СВО, осуществляют сбор информации и документов по увековечиванию памяти защитников Отечества, погибших при исполнении воинского долга [13, с. 97].

Статья Н. В. Погадаевой *«Формы и методы работы комплексного центра социального обслуживания населения с семьями участников специальной военной операции и демобилизованными гражданами»* (2025 г.) содержательно сфокусирована на перестройке деятельности муниципального авто-

номного учреждения «Комплексный центр социального обслуживания населения Кировского района города Кемерово» [20].

Автор пишет о том, что «...с начала специальной военной операции, учитывая всю значимость и ответственность, специалисты социальной службы переориентировали свою работу, направив ее на поддержку участников СВО и членов их семей. Основная ответственность легла на социальных работников-координаторов, которые контактируют непосредственно с каждым членом семьи и находятся на связи 24 часа в сутки, поддерживая и консультируя по разным вопросам» [20, с. 33].

Обязанности социальных координаторов (наименование совпадает с изначально принятым в фонде «Защитники Отечества»), действующих в сфере социального обслуживания, включают сбор и обобщение информации (уточнение сведений о составе семьи, месте работы, учебы, сроках призыва, отпусков, ранений), знакомство с членами семей участников СВО, оценку социально-бытовых условий проживания, материального положения, социального статуса, выявление потребностей и проблем каждой семьи, оказание консультативных и коммуникативных услуг, поддержку обмена опытом между семьями участников СВО по решению проблемных ситуаций, касающихся прохождения военной службы, процесса оформления выплат, льгот, отправки посылок; взаимодействие поддерживается в группах в мессенджерах [20, с. 30]. Социальный координатор непосредственно участвует в организации своевременного оформления документов в случае ранений или гибели участников СВО, содействует в организации ритуальных мероприятий [20, с. 32].

Социальные координаторы взяли на контроль проблему финансового, телефонного мошенничества, так как близкие военнослужащих относятся к категории эмоционально уязвимых граждан, разработали памятки «Что делать, чтобы не стать жертвой мошенников». Главная цель данной деятельности — максимально обезопасить и предостеречь подопечных от злонамеренных действий мошенников [20, с. 31].

«Обладая высоким профессионализмом и опытом работы, социальные координаторы

сумели расположить к себе и получили доверие со стороны членов семей и самих демобилизованных участников СВО», — так автор подводит общий итог работы социальных координаторов [20, с. 31].

Параллельно на базе КЦСОН организовано оказание социальных, реабилитационных услуг для участников СВО и членов их семей в полустационарной форме на бесплатной основе: в отделении социальной реабилитации можно воспользоваться прокатом ТСР, кабинетом физиотерапевтического лечения, процедурным кабинетом, оборудованным тренажерным залом для проведения занятий адаптивной физической культурой, кабинетом ручного и механического массажа, соляной комнатой, кедропластовой кабиной, сенсорной комнатой [20, с. 32].

Участники СВО и члены их семей имеют возможность пользоваться услугами социального такси (КЦСОН располагает двумя специально оборудованными автомобилями для перевозки маломобильных граждан), что облегчает доступ к объектам социальной инфраструктуры [20, с. 33].

На примере нескольких работ, опубликованных в журналах Издательства «Социальное обслуживание», мы в общих чертах постарались показать, как обеспечивается и осуществляется работа в сфере социального обслуживания бойцов СВО и их близких на региональном и муниципальном уровнях, а также непосредственно в организациях социального обслуживания.

В распоряжении организаций социального обслуживания есть проверенные временем эффективные социальные технологии, применение которых позволяет обеспечить участников (ветеранов) СВО и членов их семей необходимыми социальными услугами, в том числе социальная паспортизация семей участников (ветеранов) СВО, СДУ и социальное сопровождение.

Социальный паспорт семьи участника (ветерана) СВО. В 2009 г. Институт демографии, миграции и регионального развития (автономная некоммерческая организация) выпустил проектно-аналитический доклад *«Социальный паспорт гражданина Российской Федерации — инструмент управления*

качеством жизни или новый взгляд на электронное правительство», содержащий концепцию социального паспорта гражданина, который, по определению авторов [Ю. В. Крупнов, И. А. Уварова, В. А. Злобин, Т. Э. Королева], должен был включать социальный номер и идентификаторы гражданина в различных ведомственных системах (СНИЛС, ИНН и др.) [23].

Социальный паспорт был обозначен как «...совокупность социально значимых сведений, содержащих данные о реализованных правах гражданина на меры социальной поддержки и государственных услугах, оказанных гражданину органами государственной власти различных уровней» [23, с. 13].

В разделе доклада «Социальный паспорт гражданина как фундаментальный элемент государственного управления качеством жизни» на первый план выдвигалось значение объективизации картины распределения всей совокупности мер социальной поддержки по отдельным гражданам, социальным группам и фактическое существование социального паспорта на момент публикации доклада [23, с. 10]. Внедрение социального паспорта, по мнению авторов, могло бы содействовать оптимизации способа оказания государственных услуг переводом их в электронную форму, повышению результативности управления социальной политикой в целом.

В период СВО предложение о создании паспорта семей мобилизованных граждан было озвучено 6 марта 2023 г., во время рабочей встречи по видеосвязи Президента Российской Федерации В. В. Путина с губернатором Курганской области В. М. Шумковым. Глава государства рекомендовал распространить имеющийся опыт создания таких паспортов на всю страну, поскольку «идея паспорта каждой семьи мобилизованного очень хорошая».

В мае 2023 г. в СМИ появились сообщения о том, что рабочая группа по вопросам СВО представила единую форму социального паспорта участника СВО, позволяющую поддерживать в актуальном состоянии информацию о потребностях семьи бойца, отслеживать обратную связь, оперативно принимать решения по всем возникающим запросам.

В статье Е. Н. Закировой, О. А. Братцевой и М. Н. Соловьевой *«Теоретико-методологи-*

ческие основы социальной работы с участниками СВО и их семьями» (2025 г., ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет», г. Ханты-Мансийск) концепция социального паспорта выдвигается в качестве базы обеспечения системного подхода к социальной помощи, необходимого в условиях СВО; включаемые в социальный паспорт данные о военнослужащих и их семьях позволяют эффективно организовывать помощь в соответствии с индивидуальными потребностями [12, с. 21].

На основе собственного обзора ряда имеющихся научных исследований по теме поддержки и помощи семьям военнослужащих (на статьи, включенные в список литературы к данной публикации, целесообразно обратить внимание) авторы доказывают, что социальный паспорт функционирует как комплексный инструмент, помогающий не только выявить потребности, но и проследить за динамикой изменений в жизни семей, целенаправленно формировать программы помощи; использование социального паспорта как инструмента для выявления потребностей и динамики изменений в жизни семей демонстрирует системный подход к социальной помощи; объем инициированных действий указывает на высокий уровень организованности работы социальных служб и ведомств [12, с. 22].

Как справедливо полагают авторы, «...социальные программы, осуществляемые в рамках социального паспорта, являются важным и эффективным инструментом в поддержке семей военнослужащих. Однако необходимо продолжать развивать и адаптировать эти программы, принимая во внимание выявленные потребности, особенно с акцентом на психологическом, медицинском и финансовом аспектах поддержки» [12, с. 22–23]. «Реализация предложений по улучшению социальной помощи, медицинского, психологического и правового сопровождения является необходимым шагом к созданию более безопасной и поддерживающей среды для военнослужащих и их близких», — таков общий вывод статьи [12, с. 23].

На первом этапе социальной паспортизации семей участников СВО проводилась разъяснительная работа с населением, в ос-

новном в печатных СМИ и с использованием возможностей Интернета. Довольно подробно и доступно о составлении социальных паспортов и проведенных мероприятиях рассказано в интернет-публикации **«Тыл под надежной защитой. Для чего нужен и как получить паспорт семьи участника СВО»** (2023 г.) [14].

В актуальном интервью «*Ulpravda.ru. Новости Ульяновска*» Е. Брагина, директор Областного государственного казенного учреждения социальной защиты населения (ОГКУ СЗН) Ульяновской области, рассказала о том, что представляет собой социальный паспорт; о работе осенью 2022 г. по составлению социальных паспортов семей мобилизованных граждан, когда после получения списков из военкомата, специалисты созванивались с членами семей, договаривались о встрече, каждую семью посещали на дому и там составляли социальный паспорт; о работе по социальной паспортизации семей добровольцев и контрактников, а также погибших участников СВО.

Главное, что социальный паспорт позволяет видеть проблемы и решать их индивидуально, в том числе с помощью подбора социального работника, межведомственного взаимодействия и содействия бригад волонтеров

В реальности введение социальных паспортов стало одним из вызовов, с которыми столкнулись специалисты социальных служб. Определяя значимость социального паспорта как «...комплексного документа, включающего в себя социальную информацию об участнике СВО и членах его семьи, о выявленных обстоятельствах, ухудшающих условия их жизни, о мерах, предпринятых для исправления ситуации» [25, с. 132], Н. В. Торхова в статье **«Практика работы с семьями участников специальной военной операции»** (2025 г.), анализирует опыт СПб ГБУ СОН «Центр социальной помощи семье и детям Петроградского района Санкт-Петербурга» и прямо указывает на первоначальное непонимание необходимости социальной паспортизации со стороны матерей, жен, вдов участников СВО: «Женщины не понимали смысла и необходимости предоставления таких данных, раздражались и теряли доверие к социальным кураторам. Им казалось, что их пытаются контролировать,

ограничивая их личное пространство, а ценности возможной помощи на тот момент не осознавали. <...> нужно найти способ объяснить людям, что цель такого мониторинга не преследование, а забота об их благополучии» [25, с. 132].

О значении социальной паспортизации семей участников СВО упоминается во многих работах, особенно имеющих отношение к обобщению и распространению опыта работы в интересах участников СВО и их близких в сфере социального обслуживания. Неудивительно, так как наличие актуальной, максимально полной и достоверной информации о потенциальных получателях социальных услуг и о необходимости организации мероприятий по социальному обслуживанию и социальному сопровождению побуждает специалистов социальных служб к поиску наиболее эффективных, адресно ориентированных решений.

Верным и перспективным управленческим решением является разработка модуля по формированию и учету социальных паспортов членов семей участников СВО, а также индивидуальных планов работы в ведомственной информационной системе (на примере Новосибирской области). Модуль содержит всю актуальную информацию о потребностях членов семьи и оказанной органами власти помощи, что обеспечивает системный подход и повышение эффективности и управляемости деятельности по социальному сопровождению целевой группы [6, с. 20].

Сегодня наличие социального паспорта воспринимается как часть комплексной системы, гарантирующей предоставление мер поддержки семье участника (ветерана) СВО своевременно и в полном объеме.

Система долговременного ухода (СДУ). Довольно давно, в первой половине 2000-х гг., нам вместе с коллегами из субъектов Российской Федерации довелось ознакомиться с организацией долговременного ухода (ДУ) за нуждающимися в нем гражданами (на примере пожилых людей) в Австрии. Именно тогда и сложилось наше представление о ДУ как об одной из наиболее перспективных стратегий в сфере социального обслуживания, особенно граждан пожилого возраста и инвалидов (взрослых).

Соответственно, как положительный качественный сдвиг, глобальную переменную к лучшему мы воспринимаем формирование СДУ за гражданами пожилого возраста и инвалидами, проводимое в России с 2018 г. постепенно, в рамках ежегодно продлеваемого пилотного проекта, наблюдаем за тем, как пилотный проект расширялся и постепенно набирал силу [7, с. 374–392]. Сегодня он вышел на этап повсеместного внедрения в текущем рабочем режиме.

На понятийном уровне СДУ определяется как система организации и предоставления органами и организациями социальных, медицинских, реабилитационных и абилитационных услуг гражданам, нуждающимся в уходе, основанная на межведомственном взаимодействии, а уход — как совокупность действий в отношении граждан, нуждающихся в уходе, обеспечивающих безопасные условия их проживания и способствующих поддержанию оптимального уровня физического, психического и эмоционального благополучия, облегчению болезненных состояний и предотвращению возможных осложнений.

Установление понятийного аппарата, целей и задач СДУ, определение основных параметров Типовой модели СДУ, регулирование правоотношений сторон в рамках пилотного проекта ежегодно осуществляется приказами Минтруда России. В качестве образца отметим *приказ Минтруда России от 23 декабря 2025 г. № 731 «О реализации в Российской Федерации в 2026 году Типовой модели системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, нуждающимися в уходе»*.

Происходит это потому, что Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ не содержал и в редакции, действующей на момент написания данной статьи, не содержит правового обоснования ДУ и СДУ. В описании Типовой модели СДУ неоднократно подчеркивается, но не прослеживается отчетливо связь с нормами, установленными законодательством о социальном обслуживании [7, с. 382], что обусловило необходимость законодательного закрепления СДУ в системе социального обслуживания.

В мае 2025 г. на общественное обсуждение был представлен разработанный Минтрудом России законопроект, которым предусматривается с 1 января 2027 г. переход СДУ из пилотного формата в полноправную часть системы социального обслуживания, введение новых федеральных полномочий в части утверждения социального пакета ДУ, порядка и условий его предоставления, определения индивидуальной потребности граждан в такой помощи, а также дополнение понятийного аппарата в сфере социального обслуживания, в частности посредством включения понятий «долговременный уход», «социальные услуги по уходу», «социальный пакет долговременного ухода». При подготовке законопроекта учтен опыт работы в рамках пилотного проекта и международный опыт создания подобных систем. Предусматривается к 2030 г. охватить помощью в рамках СДУ около 500 тыс. нуждающихся в таком уходе граждан (*по информации пресс-центра Минтруда России от 23 мая 2025 г.*).

Масштабирование пилотного проекта происходило постепенно. На первом этапе, в 2018 г., теоретическая модель СДУ проходила апробацию на территории 12 муниципальных образований в 6 субъектах Российской Федерации (Волгоградская, Костромская, Новгородская, Псковская, Рязанская, Тульская области). В 2019 г. пилотный проект реализовывался уже в 12 субъектах Российской Федерации, в 2020 г. — в 18 регионах страны; в 2021 г. пилотный проект был распространен на 24 региона с целью охватить 5,8 % граждан, нуждающихся в ДУ; в 2022 г. в пилотный проект были вовлечены уже 34 субъекта Российской Федерации, причем его реализация осуществлялась за счет денежных средств федерального бюджета в 30 субъектах Российской Федерации, за счет денежных средств региональных бюджетов — в Республике Башкортостан, Красноярском крае, Калужской области и городе Москве. С 1 сентября 2023 г. в пилотном формате СДУ реализуется во всех регионах страны

Полагаем, что внедрение СДУ знаменует собой курс на партнерство государства, представленного соответствующими социальными службами, и российской семьи, роль которой в уходе на дому за нуждающимися в ДУ родственниками (пожилые люди, инвалиды) тра-

диционно остается высокой, для реального обеспечения гарантий доступности и качества ухода. «Разносторонняя помощь семьям в осуществлении функций по уходу, предусмотренная в рамках СДУ, позволяет сбалансировать требования социальной, профессиональной и семейной жизни, снизить влияние на семью негативных социальных и экономических факторов, вызванных высокой нагрузкой на членов семьи, которые выполняют основные обязанности по уходу» [7, с. 375].

На практике реализуются меры по оказанию материально-технической, психологической и иной помощи членам семьи, осуществляющим ДУ. По состоянию на 1 апреля 2025 г. в рамках СДУ родственники обучались правильно ухаживать за своими близкими в 871 «школе ухода», было открыто 942 пункта проката ТСР, предоставляемых на период реализации индивидуальной программы реабилитации и абилитации (ИПРА). Помощь в рамках СДУ оказывают специально обученные помощники по уходу. На 1 мая 2025 г. в рамках СДУ трудоустроены свыше 16,6 тыс. ранее не работавших родственников, почти 9 тыс. человек смогли сохранить занятость, создано более 47 тыс. дополнительных рабочих мест.

В 2022 г. мы позволили себе высказать следующее суждение: «Пока трудно говорить о том, насколько экономичной в долгосрочном периоде реализации окажется Типовая модель СДУ при прогнозируемом возрастании численности пожилых граждан, нуждающихся в долговременном уходе. Добиться оптимального результата с наименьшими затратами — всегдашний принцип, закрепившийся в сфере социального обслуживания. Достаточно очевидно, что в постпроектный период требуется создание долгосрочных механизмов финансового обеспечения СДУ, возможно, выделение отдельной статьи в региональных бюджетах» [7, с. 380–381].

О том, что вопрос законодательного и финансового обеспечения СДУ по-прежнему остается в текущей повестке, свидетельствует статья «**Финансирование долговременного ухода в России: возможен ли переход к страховой модели?**» (2025 г.), авторы которой [И. В. Ананкина, Д. Г. Бычков, О. В. Смородинов, О. А. Феоктистова] представляют Научно-исследова-

тельский финансовый институт Минфина России, г. Москва [1].

Из аннотации к данной публикации следует, что авторским коллективом проведен анализ действующей СДУ, показавший, что в настоящее время ее ресурсы сосредоточены на наиболее сложных случаях, не позволяют обеспечить предоставление услуг в полном объеме всем нуждающимся гражданам. Решение проблемы лежит в сфере финансирования СДУ. Исходя из прогнозной оценки нуждаемости в услугах ДУ, авторы определили три возможных сценария в зависимости от охвата нуждающихся граждан и предлагают вернуться к обсуждению страховой модели финансирования СДУ, которая призвана обеспечить финансовую устойчивость системы, способную адекватно реагировать на вызовы демографического старения населения России. При этом подчеркивается, что результаты данного исследования отражают позицию авторов и не являются официальной позицией Минфина России [1, с. 51].

На первое место поставим весьма примечательный абзац из статьи, содержащий ссылку на мнение Счетной палаты Российской Федерации: «В мае 2024 г., спустя всего несколько месяцев после распространения пилотного проекта на все регионы, Счетная палата Российской Федерации опубликовала анализ его реализации, указав, что “дальнейший рост масштабов ДУ сдерживается нерешенностью ключевых правовых, организационных, финансовых и кадровых вопросов”». Если основные организационные проблемы уже решены, то правовые и финансовые проблемы актуальны и на конец 2025 г.: «...“Федеральный закон № 442-ФЗ, в рамках которого реализуется пилотный проект, не регулирует отношения, связанные с предоставлением услуг долговременного ухода, не содержит понятия долговременного ухода, входящих в него социальных услуг, методологических подходов к определению контингента получателей, порядка и условий предоставления услуг долговременного ухода, требований к их оказанию и контролю за предоставлением, а также не устанавливает полномочия органов государственной власти по предоставлению услуг долговременного ухода”» [1, с. 53].

Со своей стороны скажем, что статьи Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ, устанавливающие понятия и принципы деятельности в сфере социального обслуживания, не выглядят совершенными, а положения, касающиеся получателей социальных услуг, в том числе как участников процесса предоставления социальных услуг, показаны более узко и менее убедительно, чем положения, касающиеся общих вопросов функционирования системы социального обслуживания [7, с. 309].

Названная статья содержит детальный анализ профиля и охвата нуждающихся услугами ДУ по состоянию на 31 декабря 2024 г., в том числе показано их распределение по уровням нуждаемости, по группам инвалидности, поскольку среди лиц, охваченных СДУ, более 70 % имели инвалидность [1, с. 54–55]. Проведена оценка численности населения с различными ограничениями жизнедеятельности на много лет вперед (на 1 января 2025–2046 гг.), нуждающихся в услугах ДУ [1, с. 56].

Затем авторы формулируют промежуточный итог своей работы: «Очевидно, что охват 2,1 млн человек, находящихся сегодня на социальном обслуживании (включая 173 тыс. — на обслуживании в СДУ), не отражает реальной потребности в социальных услугах даже тех пенсионеров и инвалидов, кто испытывает все три трудности (7,4 млн чел. в 2025 г.)» [1, с. 56]. Под «тремя трудностями» понимаются сразу три ограничения жизнедеятельности: трудности с передвижением, трудности с уходом за собой, трудности с осуществлением повседневной деятельности [1, с. 56]. Наличие таких трудностей и определяет установление первого, второго или третьего уровня нуждаемости в ДУ.

Затем авторы проводят прогнозную оценку стоимости СДУ, показывая «...ограничения в финансировании как самый трудно решаемый вопрос расширения СДУ» [1, с. 57–58], и анализируют модели финансирования СДУ на примере ряда стран: бюджетную, смешанную (за счет сочетания государственных и частных источников), страховую (страхование на случай необходимости ДУ), в итоге приходят к выводу, что ни одна из моделей не обеспечивает полного покрытия расходов граждан, нуждающихся в уходе [1, с. 58–59].

Далее авторы делают «...свой вклад в продвижение идеи перехода к модели социального страхования для финансового обеспечения услуг долговременного ухода» [1, с. 60]. Констатируя недостаточный охват услугами ДУ, изменение структуры контингента (существенное смещение в сторону более тяжелых случаев), учитывая масштаб потребности в услугах, необходимость обеспечить финансовую устойчивость СДУ [1, с. 61], наиболее реалистичным с точки зрения бюджетных возможностей авторы называют сценарий с охватом ДУ 1,3 млн человек к 2046 г., требующий 458 млрд рублей ежегодно [1, с. 61], приходят к заключению, что полный переход на страховую модель ДУ будет возможен после 2060 г. [1, с. 60].

Статья содержит предложение покрывать растущие расходы на обеспечение СДУ за счет дополнительных страховых взносов. Согласно расчетам авторов, для этого может потребоваться ввести надбавку к тарифу от 1 до 5 % от зарплаты. Авторы отмечают, что страховая модель пока не нашла поддержки из-за невозможности повышать фискальную нагрузку. Однако при напряженном бюджете альтернативных источников финансирования СДУ может не найтись.

«Что касается сегодняшнего дня, то в качестве возможного источника софинансирования услуг долговременного ухода можно было бы рассмотреть введение платы за услуги долговременного ухода со стороны получателей в зависимости от их материального положения на основе нормы федерального закона о социальном обслуживании. Последние три года в среднем 63 % лиц старше трудоспособного возраста и инвалидов от 18 лет и старше, охваченных социальным обслуживанием (включая СДУ), получали социальные услуги платно» [1, с. 61].

Считаем полезным ознакомление с данной статьей для всех, кто так или иначе связан с организацией и предоставлением социальных услуг, поскольку не предвидим, что система социального обслуживания в ее сегодняшнем формате сможет удовлетворить запрос населения в части ДУ без каких-либо существенных нововведений.

Разъяснение по вопросу о приоритетном праве ветеранов боевых действий — участников СВО на включение в СДУ содержит **письмо Минтруда России от 12 января 2024 г. № 26-5/10/В-223 по вопросу предоставления долговременного ухода ветеранам боевых действий — участникам специальной военной операции, нуждающимся в уходе**. В письме подчеркивается: «Указанное приоритетное право распространяется на всех участников специальной военной операции, нуждающихся в уходе, независимо от проживания в муниципальном образовании, на территории которого реализуется либо не реализуется пилотный проект». В том же письме в основных чертах определяется порядок обеспечения ветеранов СВО необходимым уходом, включая определение поставщика услуг по уходу.

В описании реализации Типовой модели СДУ в 2026 г. прямо указано, что приоритетным правом на включение в СДУ обладают инвалиды из числа участников СВО, наряду с инвалидами и участниками Великой Отечественной войны, одиноко проживающими гражданами.

Предоставление услуг помощника по уходу (от 14 до 28 часов в неделю), ТСР, переоборудование квартиры (жилого дома), обеспечение по показаниям спецавтотранспортом или услугами социального такси, содействие в решении социальных вопросов, не относящихся к сфере социального обслуживания, — тот минимум помощи и услуг организаций социального обслуживания, без которого трудно обеспечить надлежащий уход за ветераном боевых действий — инвалидом в форме социального обслуживания на дому или в полустационарной форме, улучшение условий его жизнедеятельности и (или) расширение его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности в соответствии с состоянием здоровья, возрастом, другими обстоятельствами и — в немалой степени — поддержку достоинства личности, отдавшей свои силы и здоровье защите Отечества.

В тех научных публикациях, которые нам удалось собрать для данной статьи, пока встречаются лишь отдельные фрагменты по вопросу организации СДУ. Например, в статье

Е. В. Каминской *«Инновационные подходы к современной деятельности комплексного центра социального обслуживания»* сделана попытка системно показать основы и первые положительные результаты внедрения СДУ [13, с. 93–94], но изложенное прямо не касается ветеранов боевых действий с инвалидностью.

Упомянутая выше статья Е. В. Бахаревой, Т. А. Савченко и С. С. Малыхиной содержит более развернутую информацию о том, как в регионе организовано предоставление ДУ ветеранам СВО с инвалидностью на основе специального проекта по привлечению членов семей участников СВО к организации длительного ухода за участниками СВО.

В рамках проекта обеспечивается: выявление участников СВО, нуждающихся в постороннем уходе, трудоспособных членов их семей, желающих трудоустроиться в качестве сиделки в рамках СДУ; содействие в оформлении трудоустройства, признании нуждающимся в социальных услугах участника СВО; привлечение к обеспечению качественного ухода организаций — партнеров по системе межведомственного взаимодействия. Оформление родственника в качестве сиделки не лишает гражданина права получения услуг в рамках надомного социального обслуживания. Кроме того, в Новосибирской области развивается сеть пунктов проката ТСР, на базе организаций социального обслуживания действует 52 пункта проката, которые предоставляют ТСР бесплатно, с доставкой до места проживания пользователя (осуществляется во взаимодействии с администрациями муниципальных районов и городских округов) [6, с. 22–23].

Достаточно ли вовлечения трудоспособных членов семей ветеранов СВО, нуждающихся в постоянном постороннем уходе, для поддержания устойчивого и эффективного функционирования СДУ применительно к данной целевой группе? Возможно, но возникает вопрос общего порядка: как СДУ будет обеспечиваться квалифицированными управленцами и специалистами по уходу в условиях недостаточности трудовых ресурсов в России?

При практическом решении вопросов ветеранов СВО с инвалидностью организациям социального обслуживания как уполномоченным организациям и участникам меж-

ведомственного взаимодействия принадлежит ведущая роль в СДУ. Однако кажется не вполне определенным, как организации социального обслуживания на практике взаимодействуют с гражданами, осуществляющими уход (лица из числа ближайшего окружения, осуществляющие уход за гражданами, нуждающимися в уходе, на основе родственных, соседских или дружеских связей).

В случае, когда в ДУ нуждаются ветераны СВО, предпочтительнее, чтобы осуществление ДУ возлагалось на профессиональных специалистов, поскольку есть особенность, которую нельзя не учитывать: возложение многотрудных каждодневных обязанностей по предоставлению ДУ исключительно на лиц, осуществляющих уход, которые в основном принадлежат к активным по возрасту группам населения, может привести к существенному ограничению их участия в профессиональной и общественной жизни, к непоправимой деформации жизненной стратегии этих людей. «Списывание проблемы» на традиционную обязанность близких родственников обеспечивать уход за ветераном-инвалидом представляется не в полной мере отвечающим основам современной семейной политики. Каких-либо разъяснений на этот счет, следующих из опыта работы, в доступных нам работах не обнаружилось.

На исходе 2025 г. из зоны проведения СВО уже вернулись около 167 тыс. ветеранов боевых действий; «...интеграция ветеранов СВО в мирную жизнь — это один из основных вызовов, который стоит перед властями всех уровней, необходимо создать комфортную среду для возвращения бойцов» (из выступления начальника Управления Президента Российской Федерации по общественным проектам С. Г. Новикова на заседании центрального штаба ОНФ, 23 декабря 2025 г.).

Для ветеранов СВО, в установленном порядке признанных инвалидами вследствие военной травмы, прежде всего, утративших способность к самообслуживанию и (или) передвижению, организованный с учетом индивидуальных потребностей ДУ — одна из жизненно важных социальных гарантий достойного будущего для них самих и их близких.

Социальное сопровождение. Установление и введение в практику с 1 января 2015 г. понятия «социальное сопровождение» стало реальным новшеством, предназначенным для улучшения сложившейся правовой системы организации и управления в сфере социального обслуживания.

Часть 1 статьи 22 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ устанавливает содержание социального сопровождения следующим образом: «При необходимости гражданам, в том числе родителям, опекунам, попечителям, иным законным представителям несовершеннолетних детей, оказывается содействие в предоставлении реабилитационной, медицинской, психологической, педагогической, юридической, социальной помощи, не относящейся к социальным услугам (социальное сопровождение)» (в редакции Федерального закона от 25 декабря 2023 г. № 651-ФЗ).

Суть социального сопровождения заключается в том, что организации социального обслуживания помогают облегчить доступ нуждающихся лиц к образованию, участию в трудовой, культурной, спортивной, общественно-политической деятельности, опираясь на комплексный подход и межведомственное взаимодействие в получении необходимой помощи, не относящейся к социальным услугам.

Социальное сопровождение в современной трактовке представляет собой особый вид деятельности социальных служб по решению социальных проблем клиента, уходящий корнями в тот давний период, когда российские социальные службы в силу общего состояния социальной сферы были буквально перегружены обязательствами и обязанностями по решению проблем жизнеобеспечения своих клиентов, имевшими мало общего с социальными услугами.

Одновременно социальное сопровождение — особый тип взаимоотношений со специалистами различных служб, не входящих в сферу социального обслуживания, и особая технология, направленная на выстраивание эффективного взаимодействия между сопровождающим и сопровождаемым.

Технологический потенциал сопровождения и современные подходы к организации сопровождения, применяемые в государствен-

ных и негосударственных социальных службах, наряду с оценкой тенденцией развития сопровождения как социальной технологии отражены в учебном пособии «*Современные технологии сопровождения в социальной работе*» (2023 г., Уральский федеральный университет (УрФУ), г. Екатеринбург) [16].

Авторы [М. В. Миронова, Н. С. Смолина, А. Е. Кириллова] исследуют особенности сопровождения применительно к семье, в том числе замещающей и воспитывающей ребенка с нарушениями здоровья, выделяют постинтернатное сопровождение, сопровождаемое проживание, поддерживаемое трудоустройство, обозначая социальное сопровождение как технологию, «...целью которой являются организация и координация помощи и услуг клиенту». На первый план выдвигается индивидуальная программа социального сопровождения, представляющая собой «...документ, в котором отражена система мероприятий работы с клиентом по оказанию ему различных видов социальной помощи: медицинской, педагогической, психологической, юридической и социальной» [16, с. 7]. Учебное пособие содержит описание целевых групп, принципов реализации технологии сопровождения, перечень исполнителей, обеспечивающих сопровождение.

По мнению авторов учебного пособия, термин «социальное сопровождение» приобрел «более ясные очертания» в связи с вступлением в действие Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ, потому что «...в рамках правового поля социальное сопровождение подразумевает, в первую очередь, поддержку семей с детьми, а также содействие родителям ребенка в решении семейных проблем» [16, с. 13].

Вывод же из сказанного таков: «Нормативный акцент на семью с детьми как субъекта социального сопровождения существенно ограничивает помощь тем категориям семей, которые по каким-то причинам не имеют детей, но находятся в настоящее время в трудной жизненной ситуации» [16, с. 13–14].

Однако для такого утверждения достаточных оснований не имеется. Действительно, в части 1 статьи 22 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ, наша ссылка на

которую приведена выше, присутствует (в виде вводной группы слов) нормативный акцент на лиц, обеспечивающих функционирование семьи с детьми, но данный акцент оформлен с использованием словосочетания «в том числе», а не «в первую очередь» (именно так этот акцент выделен авторами), что ставит под сомнение утверждение о существенном ограничении законодательством помощи категориям семей, не имеющих детей.

Если следовать логике авторов в данном вопросе, лицо, не имеющее семьи, и вовсе может оказаться за пределами социального сопровождения, необходимого в конкретной сложившейся ситуации, что на практике не происходит, потому что какие-либо ограничения относительно возможности получения социального сопровождения в необходимых случаях в законодательстве о социальном обслуживании отсутствуют.

Исходной точкой является право гражданина на получение социальных услуг и социального сопровождения. В принципе норма части 1 статьи 22 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ распространяется на всех граждан с некоторым акцентом на группу лиц (родители, опекуны, попечители, иные законные представители), которые при получении социального сопровождения действуют в интересах несовершеннолетних.

Перечисляя категории лиц, на которых может распространяться технология социального сопровождения [16, с. 15–16], авторы не упоминают тех, кто пострадал в результате чрезвычайных ситуаций, оказался вблизи или в зоне боевых действий и пережил воздействие травмирующих факторов, ничего не говорят о необходимости социального сопровождения тех военнослужащих, кто вернулся из зоны боевых действий, или членов их семей.

Впрочем, перечень лиц, которым может потребоваться социальное сопровождение, остается открытым, поэтому в данной публикации нам важно не наличие формального упоминания об участниках (ветеранах) СВО и членах их семей, а сформулированные авторами принципиальные моменты, применимые в работе по социальному сопровождению этой категории граждан, в том числе:

- «Сопровождение является механизмом, способствующим повышению качества жизни клиента, поддержанию его активности и укреплению ресурсов», «...в социальной работе предполагает оказание специфической помощи гражданам, которую организации социального обслуживания предоставить не могут в силу отсутствия ресурсов и/или полномочий» [16, с. 17, 15];

- «...сопровождение предполагает предоставление помощи, но в объеме, соразмерном потребностям клиента», «...создание условий для помощи клиенту, стимулирование его к осмыслению ситуации, побуждение к самостоятельности в преодолении проблемы» [16, с. 7, 14];

- «...внимание акцентируется на определенном взаимодействии, характеризующемся, с одной стороны, равной позицией субъектов сопровождения (специалиста и сопровождаемого), с другой, необходимостью совместного решения ими определенных задач» [16, с. 8].

Сказанное имеет определяющее значение для организации успешной деятельности по социальному сопровождению участников (ветеранов) СВО, для которых равноправное взаимодействие с государственными и негосударственными структурами при содействии уполномоченных лиц — единственно возможный, психологически обоснованный вариант сотрудничества при обращении в социальные службы.

Авторы учебного пособия считают, что социальное сопровождение может быть представлено как элемент комплексной системы помощи определенной категории граждан, в рамках которой решаются задачи выявления и учета нуждающихся в помощи индивидов и включения их в социум [16, с. 9].

Такая оценка социального сопровождения служит базисом для реализации его предназначения с позиции безусловного приоритета обеспечения прав, свобод и охраняемых законом интересов участников (ветеранов) СВО и их близких в системе социального обслуживания и позволяет повысить роль самих организаций социального обслуживания в межведомственном взаимодействии с другими структурами, обеспечивающими предоставление помощи и услуг данной целевой группе.

В пользу комплексного подхода в работе с гражданами целевой группы свидетельствует статья И. С. Соловьевой и Д. У. Бажаевой *«Стандарт комплексной системы в сопровождении ветеранов и инвалидов боевых действий, участников специальной военной операции и членов их семей, в том числе погибших (умерших), пропавших без вести»*, построенная на опыте работы АУ Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Сургутский социально-реабилитационный центр для ветеранов боевых действий» (2024 г.) [22].

Во вступительной части авторы указывают, что в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре оказание всесторонней помощи и поддержки ветеранам и инвалидам боевых действий, участникам СВО и членам их семей «...включает абсолютно все сферы их жизнедеятельности», оно распространяется также на военнослужащих, принимавших участие в боевых действиях в Афганистане, Чеченской Республике, Нагорном Карабахе, Абхазии, Югославии, Таджикистане, Сирии и с 24 февраля 2022 г. — в зоне СВО [22, с. 33]. Судя по тексту статьи и названию учреждения, основной состав целевой группы, с которой работает социально-реабилитационный центр, — ветераны и инвалиды вследствие военной травмы.

То, как работа по сопровождению участников (ветеранов) СВО организована в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, выглядит убедительно. В 2022 г. Правительством региона утверждена «Модель межведомственного сопровождения участников специальной военной операции и членов их семей», определены формы, этапы, схема сопровождения, перечень базовых организаций (114 организаций из числа медицинских организаций, учреждений социального обслуживания, культуры и спорта); предусмотрена трехуровневая система социальной реабилитации, учитывающая индивидуальные особенности участников СВО и ограничения жизнедеятельности [22, с. 33].

Реализация модели реабилитации и сопровождения в учреждении, имеющем социально-реабилитационный профиль, построена на комплексном подходе и индивидуальной работе с каждым человеком; комплекс оздоро-

вительных, профилактических и реабилитационных мероприятий (занятия по адаптивной физкультуре, оздоровительные мероприятия по назначению врача, психологическая помощь, культурно-досуговые мероприятия) проводится сообразно структуре военной травмы, реабилитационному потенциалу и в соответствии с составленным индивидуальным маршрутом [22, с. 34].

Читатели могут ознакомиться с подробным описанием реабилитационного процесса (реабилитация социально-медицинская, социально-психологическая, социально-бытовая адаптация и социально-средовая реабилитация, социокультурная и физкультурно-оздоровительная реабилитация), с перечнями оборудования, имеющегося в учреждении [22, с. 35–36].

Не остается без внимания авторов и организация социального сопровождения в рамках внутриведомственного, межведомственного и межсекторного взаимодействия. При этом социальное сопровождение граждан носит индивидуальный характер, обеспечивая разный подход к оказанию помощи и поддержки: первая группа — граждане целевой группы справляются с трудностями жизненной ситуации самостоятельно; вторая группа — граждане целевой группы нуждаются во внешней помощи и содействии [22, с. 36]. Учреждением заключены более тридцати соглашений с социальными партнерами по взаимодействию и сотрудничеству (организации здравоохранения, культуры, образования, общественные организации инвалидов, ветеранские организации).

В итоге в 2022–2023 гг. учреждением обслужено 483 человека, в том числе 51 % в рамках социального сопровождения, 49 % в рамках оздоровительных заездов в условиях круглосуточного пребывания; положительная динамика наблюдается у 100 % ветеранов (инвалидов) [22, с. 37].

Положительное явление с точки зрения обеспечения стабильного и результативного развития деятельности по социальному сопровождению целевой группы — наличие специализированных подразделений в структуре организаций социального обслуживания, в частности в структуре КЦСОН.

Заслуживающий тиражирования пример — создание отделений социального сопровождения участников СВО и членов их семей в КЦСОН районов города Санкт-Петербурга (первое специализированное отделение сопровождения участников СВО и их семей открыто в Невском районе в сентябре 2024 г.).

То, как организована работа отделений социального сопровождения, показывает *Положение об отделении социального сопровождения участников СВО и членов их семей Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения социального обслуживания населения «Комплексный центр социального обслуживания населения Курортного района»* (приложение 1 к приказу СПб ГБУ СОН «КЦСОН Курортного района» от 24 июня 2025 г. № 76) [21]. Выделим из текста Положения несколько принципиальных нормативных установок.

Цель деятельности отделения — организация и осуществление социального сопровождения участников СВО и членов их семей и предоставление им срочных социальных услуг для всесторонней поддержки, содействия в решении трудных жизненных ситуаций и профилактики обстоятельств, которые могут ухудшить их жизнедеятельность (*подпункт 2.1*).

Основные задачи отделения — осуществление мероприятий по содействию в предоставлении участникам СВО и членам их семей реабилитационной, медицинской, психологической, педагогической, юридической, социальной помощи, не относящейся к социальным услугам (социальное сопровождение), срочных социальных услуг в виде консультирования и социального сопровождения (*подпункт 2.2*).

Деятельность отделения осуществляется на основе добровольности социального сопровождения, межведомственности, комплексности, последовательности, этапности и непрерывности (оказание содействия на всех этапах социального сопровождения, вплоть до полного решения проблемы), индивидуального подхода в организации работы, соблюдения профессиональной этики, эмпатии и уважения к личности участников СВО и членов их семей с обеспечением конфиденциальности полу-

ченной в процессе взаимодействия информации, обеспечения защиты прав гражданина при обработке его персональных данных (*подпункт 1.18*).

Социальное сопровождение может осуществляться не только в отношении участников СВО и членов их семей, имеющих место жительства или место пребывания в Санкт-Петербурге, но и в отношении иногородних участников СВО, проходящих лечение в военно-медицинских организациях и организациях здравоохранения на территории г. Санкт-Петербурга, по обращению таких организаций в целях оказания содействия в информировании и маршрутизации в органы социальной защиты населения субъектов Российской Федерации по месту жительства участника СВО и в региональные филиалы фонда «Защитники Отечества». При необходимости на иногороднего участника СВО может заполняться социальный паспорт участника СВО (*подпункты 1.2, 1.3*).

Численность специалистов по социальной работе — социальных кураторов составляет один социальный куратор на 65 человек в год из числа участников СВО и членов их семей (*подпункт 1.8*).

Социальные кураторы осуществляют консультирование по вопросам социального сопровождения и социального обслуживания, мониторинг предоставления мер поддержки и иной помощи участникам СВО и членам их семей, а также мероприятия по содействию в предоставлении необходимой помощи.

Положение также регламентирует порядок и осуществление этапов социального сопровождения, межведомственное взаимодействие при социальном сопровождении (с указанием типологии и наименований взаимодействующих организаций), указывает основания для прекращения социального сопровождения (личное заявление гражданина об отказе от социального сопровождения, перемена места жительства (выезд для проживания за пределы Санкт-Петербурга), смерть получателя социального сопровождения).

Полагаем, что именно в период СВО социальное сопровождение стало реально востребованной формой реализации права граждан на поддержку со стороны уполномоченных

социальных служб, обрело сформировавшуюся целевую группу — участники СВО и члены их семей, а также алгоритм и конкретные методы осуществления на региональном и муниципальном уровнях. Для организаций социального обслуживания социальное сопровождение участников СВО и членов их семей стало повседневной, ответственной и социально одобряемой деятельностью.

Особый подход к участникам (ветеранам) СВО и членам их семей и метод комплексной работы в их интересах на всех уровнях (не только в системе социального обслуживания), сложившейся при осуществлении социального сопровождения, могли бы получить общее понятийное оформление именно как «комплексное социальное сопровождение участников (ветеранов) СВО», «комплексное социальное сопровождение членов семей участников (ветеранов) СВО». По нашему мнению, комплексное социальное сопровождение позволяет наилучшим образом обеспечить реинтеграцию участников (ветеранов) СВО в общество, их полноценное включение в мирную жизнь, поддержать их близких.

В заключение подчеркнем, что в условиях проведения СВО поддержка участников (ветеранов) СВО и членов их семей является одной из приоритетных задач государственной социальной политики. Уже на начальном этапе СВО на государственном уровне были предприняты целенаправленные шаги по количественному пополнению и качественному совершенствованию социальных гарантий и мер поддержки, предоставляемых лицам, вовлеченным в события СВО. Делается все возможное, чтобы участники (ветераны) СВО и члены их семей чувствовали, что имеют приоритетное право на защиту государства.

На основе политических решений быстрыми темпами создана многоуровневая комплексная система государственной поддержки участников, ветеранов СВО и их близких, семей погибших (умерших, объявленных умершими, признанных безвестно отсутствующими) при исполнении обязанностей военной службы, умерших вследствие военной травмы или заболевания после увольнения с военной службы, а также тех лиц, кто содействует решению задач СВО.

Социальные гарантии и меры поддержки нацелены не только на то, чтобы в ходе СВО привлечь граждан на защиту Отечества, достойно обеспечить ратный труд, компенсировать участникам (ветеранам) боевых действий потери здоровья, сил, времени, затраченных в период пребывания в зоне СВО, облегчить их возвращение к мирной жизни и тем более всеми доступными средствами и способами, включая предоставление социальных услуг и социальное сопровождение, поддержать членов семей участников (ветеранов) СВО.

Приоритетность прав, свобод и охраняемых законом интересов участников СВО и членов их семей, справедливость, равноправие, системный подход, оперативность принимаемых решений — основные принципы и черты государственной социальной политики по организации всесторонней поддержки названных лиц.

Социальная работа представляет собой часть социальной политики, поэтому бесспорным является определяющее значение и всестороннее влияние современной социальной политики в отношении названной целевой группы на социальную работу с ней.

Полагаем, что в повестке дня находится вопрос разработки общими усилиями ученых, исследователей, специалистов-практиков четкой, всесторонне выверенной модели социальной работы с участниками (ветеранами) СВО и членами их семей. Содержание, методы социальной работы с целевой группой, управленческие решения (возможно, в рамках разработки и реализации национального проекта по государственной поддержке участников (ветеранов) СВО и членов их семей), юридические нормы, регламентирующие вопросы социального обслуживания, ДУ и социального сопровождения должны быть усовершенствованы в целях достижения наилучшего социального результата, одобряемого обществом и целевой группой. В итоге это позволит сделать максимально предметной и эффективной деятельность организаций социального обслуживания в интересах участников (ветеранов) СВО и их близких, усовершенствовать технологии, практики и алгоритмы работы с ними.

Литература

1. Ананкина И. В. Финансирование долговременного ухода в России: возможен ли переход к страховой модели? / И. В. Ананкина, Д. Г. Бычков, О. В. Смородинов, О. А. Феоктистова // Финансовый журнал. — 2025. — Т. 17. — № 6. — С. 51–63. // URL: <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-6-51-63>.
2. Ананьева Е. О. К вопросу о социальном обслуживании участников СВО Российской Федерации [Текст] / Е. О. Ананьева, П. В. Ивлиев // Евразийский юридический журнал. — 2024. — № 1 (188). С. 287–288.
3. Антипова А. А. Социальная поддержка военнослужащих и членов их семей в регионах России [Текст] / А. А. Антипова // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2024. — Т. 15. — № 4. — 15 с.
4. Арпентьева М. Р. Социальная работа в новейший период российской истории: теоретические подходы, проблемы и тенденции в осмыслении теории и практики [Текст] / М. Р. Арпентьева // Отечественный журнал социальной работы. — 2021. — № 1. — С. 67–77.
5. Арпентьева М. Р. О природе и специфике социальной работы как деятельности (в контексте феномена понимания) [Текст] / М. Р. Арпентьева // Отечественный журнал социальной работы. — 2023. — № 2. — С. 27–41.
6. Бахарева Е. В. Практика поддержки в Новосибирской области участников специальной военной операции, членов их семей и семей погибших [Текст] / Е. В. Бахарева, Т. А. Савченко, С. С. Малыгина // Социальное обслуживание. — 2023. — № 10. — С. 19–23.
7. Бондаренко И. Н. Пожилые люди в новой России: по пути перемен. Обзор событий (1991–2021 гг.): монография / И. Н. Бондаренко. — М.: Социальное обслуживание, 2022. — 602 с.
8. Волкова О. В. Социальная реабилитация как направление социальной работы [Текст] / О. В. Волкова // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. — 2006. — № 2 (10). — С. 171–176.
9. Всероссийский круглый стол «Отечественная социальная работа в условиях перехода к многополярному миру» [Стенограмма] // Отечественный журнал социальной работы. — 2023. — № 1. — С. 12–38.
10. Горобец Т. М. В единении — сила. Поддержка военнослужащих специальной военной операции и их семей в городе Усть-Илимске и Усть-Илимском районе Иркутской области [Текст] / Т. М. Горобец // Работник социальной службы. — 2024. — № 11. — С. 16–18.
11. Гуслякова Л. Г. Размышления о социальной работе в России: мечты и реальность [Текст] / Л. Г. Гуслякова // Отечественный журнал социальной работы. — 2021. — № 1. — С. 61–66.
12. Закирова Е. Н. Теоретико-методологические основы социальной работы с участниками СВО и их семьями [Текст] / Е. Н. Закирова, О. А. Братцева, М. Н. Соловьева // Социально-гуманитарные знания. — 2025. — № 5. — С. 21–24. Текст: электронный // URL: https://socgum-journal.ru/upload/iblock/c58/cgrtnmzg6v6mynlkt3rwyjswheoo-q039/_CG3_05_2025_06_SNV.pdf (дата обращения: 26.06.2025).
13. Каминская Е. В. Инновационные подходы к современной деятельности комплексного центра социального обслуживания [Текст] / Е. В. Каминская // Отечественный журнал социальной работы. — 2024. — № 3. — С. 92–97.
14. Мариенгоф А. Тыл под надежной защитой. Для чего нужен и как получить паспорт семьи участника СВО / А. Мариенгоф // «Ulpravda.ru. Новости Ульяновска», от 26.03.2023. — Текст: электронный // URL: <https://ulpravda.ru/rubrics/soc/tyl-pod-nadzhnoi-zaschitoi-dlia-chego-nuzhen-i-kak-poluchit-pasport-semi-uchastnika-svo> (дата обращения: 02.12.2025).
15. Мартыненко А. В. Процесс становления медико-социальной работы [Текст] / А. В. Мартыненко // Отечественный журнал социальной работы. — 2021. — № 1. — С. 107–115.
16. Миронова М. В. Современные технологии сопровождения в социальной работе: учебное пособие [Текст] / М. В. Миронова, Н. С. Смолина, А. Е. Кириллова; под общ. ред. Н. С. Смолиной; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. — 140 с.
17. Организация работы с участниками специальной военной операции и членами их семей на базе учреждений социального обслуживания населения: методическое пособие для специалистов учреждений социального обслуживания населения [Текст] / КГКУ «Ресурсно-методический центр системы социальной защиты населения». — Красноярск, 2023. — 112 с.
18. Панов А. М. Конституирование профессиональной социальной работы в России: люди и события (1990–1991 годы) (к 30-летию начала процесса становления новой модели отечественной социальной работы) [Текст] / А. М. Панов // Отечественный журнал социальной работы. — 2021. — № 1. — С. 9–37.
19. Пашкова Г. Г. Право социального обеспечения: учебное пособие. — Томск: Издательский Дом

Томского государственного университета, 2018. — 160 с. — (Библиотека магистранта).

20. Погадаева Н. В. Формы и методы работы комплексного центра социального обслуживания населения с семьями участников специальной военной операции и демобилизованными гражданами [Текст] / Н. В. Погадаева // Социальное обслуживание. — 2025. — № 8. — С. 30–33.

21. Положение об отделении социального сопровождения участников СВО и членов их семей Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения социального обслуживания населения «Комплексный центр социального обслуживания населения Курортного района» (приложение 1 к приказу СПб ГБУ СОН «КЦСОН Курортного района от 24 июня 2025 г. № 76) — Санкт-Петербург, 2025. — 10 с. — Текст: электронный // URL: <http://kcsn-kurort.ru/svedeniya-ob-otdeleniyah/ssusvo/>.

22. Соловьева И. С. Стандарт комплексной системы в сопровождении ветеранов и инвалидов боевых действий, участников специальной военной операции и членов их семей, в том числе погибших (умерших), пропавших без вести (Из опыта работы АУ «Сургутский социально-реабилитационный центр для ветеранов боевых действий») [Текст] / И. С. Соловьева, Д. У. Бажаева // Социальное обслуживание. — 2024. — № 2. — С. 33–37.

23. Социальный паспорт гражданина Российской Федерации — инструмент управления качеством жизни или новый взгляд на электронное правительство. Проектно-аналитический доклад / Ю. В. Крупнов, И. А. Уварова, В. А. Злобин, Т. Э. Королева // М. : АНО Институт демографии, миграции и регионального развития, 2009. — 22 с. — Текст: электронный // URL: https://www.idmrr.ru/downloads/doklad_all_final_23_10_09_press.pdf (дата обращения: 30.09.2025).

24. Сухов А. Н. К вопросу о социальной модернизации [Текст] / А. Н. Сухов // Отечественный журнал социальной работы. — 2023. — № 2. — С. 42–47.

25. Торхова Н. В. Практика работы с семьями участников специальной военной операции [Текст] / Н. В. Торхова // Отечественный журнал социальной работы. — 2025. — № 3. — С. 130–136.

26. Третьи научные чтения, посвященные памяти Е. И. Холостовой (Холостовские чтения) [Текст] // Отечественный журнал социальной работы. — 2025. — № 1. — С. 32–62.

27. Фирсов М. В. Изменение философии и практики социальной работы в дискурсах социальной координации: сдвиг парадигмы от менеджизма к клинике [Текст] / М. В. Фирсов, И. В. Мкртумова, Н. А. Птицына, И. Р. Бесатавашвили // Отечественный журнал социальной работы. — 2023. — № 2 — С. 10–26.

28. Фирсов М. В. Социальная работа в России в исторической динамике трансформаций помогающих платформ в контексте западной цивилизации [Текст] / М. В. Фирсов // Отечественный журнал социальной работы. — 2021. — № 1. — С. 46–60.

29. Фокин В. А. Специальная военная операция и модернизация социальной работы в сложившихся условиях [Текст] / В. А. Фокин // Социальное обслуживание. — 2022. — № 6. — С. 27–36.

30. Фокин В. А. Тридцатилетие зарождения социальной работы в современной России и некоторые ответы на новые вызовы, стоящие перед ней [Текст] / В. А. Фокин // Отечественный журнал социальной работы. — 2021. — № 1. — С. 78–86.

31. Холостова Е. И. Социальная защита в условиях вызовов XXI века [Текст] / Е. И. Холостова // Отечественный журнал социальной работы. — 2021. — № 1. — С. 8–45.

**ПРАКТИКА «КОМПЛЕКСНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ЛИЦ
С ПСИХИЧЕСКИМИ ХРОНИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ
ПОСРЕДСТВОМ ФОТО- И ВИДЕОСЪЁМКИ И ВЕДЕНИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ» НА БАЗЕ ДОМА-ИНТЕРНАТА**

А. А. Иванова

Иванова Анастасия Александровна — специалист по социальной работе Кировского областного государственного бюджетного учреждения социального обслуживания «Климковский дом-интернат», Кировская область.

Контактный адрес: nastya_.91@list.ru

В статье представлен опыт учреждения социального обслуживания стационарного типа по реализации практики социальной реабилитации лиц с психическими хроническими заболеваниями, основанной на использовании фото- и видеосъёмки и ведении социальных сетей. Рассматриваются особенности организации работы, этапы реализации практики, применяемые методы и технологии, а также результаты, подтверждающие её эффективность.

Ключевые слова: социальное обслуживание; комплексная реабилитация; лица с психическими хроническими заболеваниями; практика фото- и видеосъёмки; дом-интернат.

**PRACTICE: “COMPLEX REHABILITATION OF PEOPLE WITH CHRONIC
MENTAL ILLNESSES THROUGH PHOTOGRAPHY AND VIDEO FILMING
AND SOCIAL MEDIA MANAGEMENT” AT A RESIDENTIAL HOME**

A. A. Ivanova

Anastasia Aleksandrovna Ivanova — Social Work Specialist, Kirov Regional State Budgetary Institution of Social Services “Klimkovsky Residential Home,” Kirov Region.

Contact: nastya_.91@list.ru

This article presents the experience of an inpatient social services institution in implementing a social rehabilitation practice for individuals with chronic mental illnesses based on photography, videography, and social media management. It examines the organizational aspects of the practice, its implementation stages, the methods and technologies used, and the results confirming its effectiveness.

Keywords: social services; comprehensive rehabilitation; Persons with chronic mental illnesses; photography and videography practice; boarding house.

Актуальность

Современная система социального обслуживания ориентирована на создание условий для социальной интеграции граждан, имеющих ограничения жизнедеятельности, а также на развитие их личностного потенциала и повышение качества жизни. Особую категорию получателей социальных услуг составляют

граждане с психическими хроническими заболеваниями, проживающие в стационарных учреждениях социального обслуживания.

Для данной категории характерны выраженные трудности социальной адаптации. У многих получателей социальных услуг наблюдаются нарушения коммуникативных навыков, сниженная социальная активность,

ограниченность социальных контактов, недостаточная уверенность в собственных возможностях. Нередко отмечается склонность к социальной изоляции, избеганию общения и низкая мотивация к участию в общественной жизни. В условиях стационарного проживания данные особенности могут усиливаться, что приводит к ограничению возможностей самореализации и социальной интеграции.

В связи с этим одной из важнейших задач учреждений социального обслуживания является поиск и внедрение эффективных реабилитационных технологий, направленных на активизацию личностного потенциала получателей социальных услуг, развитие их коммуникативных навыков, формирование позитивного эмоционального состояния и расширение социальных контактов.

Особое значение в современной практике социальной реабилитации приобретает использование творческой деятельности и современных цифровых технологий. Фото- и видеосъёмка, а также публикация медиаматериалов в социальных сетях позволяют создать новые формы взаимодействия, расширяют пространство коммуникации и дают возможность получателям социальных услуг почувствовать себя участниками общественной жизни.

Медиадеятельность способствует развитию у участников навыков самопрезентации, уверенности в себе, формирует чувство значимости собственной деятельности. Возможность увидеть результаты своего труда, получить положительную обратную связь от окружающих и широкой аудитории социальных сетей оказывает положительное влияние на эмоциональное состояние и мотивацию к дальнейшей активности.

Кроме того, использование фото- и видеосъёмки позволяет демонстрировать обществу реальные возможности и достижения людей с психическими хроническими заболеваниями, формируя более объективное и позитивное отношение к данной категории граждан. Публичное представление результатов их творческой деятельности способствует снижению социальных стереотипов и расширяет возможности социальной интеграции.

Таким образом, внедрение практик, основанных на использовании современных медиатехнологий, является актуальным направлением развития социальной реабилитации в учреждениях стационарного типа. Практика комплексной реабилитации посредством фото- и видеосъёмки направлена на активное вовлечение получателей социальных услуг в творческую и общественно значимую деятельность, развитие их коммуникативных и социальных навыков, а также формирование позитивного общественного восприятия людей с психическими хроническими заболеваниями.

Новизна практики

Новизна представленной практики заключается в использовании медиатехнологий — фото- и видеосъёмки, монтажа видеоматериалов и публикации контента в социальных сетях — в качестве инструмента социальной реабилитации лиц с психическими хроническими заболеваниями.

В отличие от традиционных форм культурно-досуговой работы в учреждениях социального обслуживания, данная практика предполагает активное включение получателей социальных услуг во все этапы создания медиаконтента. Участники проекта не только принимают участие в съёмках, но и участвуют в подготовке к ним, обсуждении идей видеороликов, репетициях, просмотре отснятых материалов и обсуждении реакции аудитории социальных сетей.

Особенностью практики является сочетание творческой деятельности, социальной реабилитации и современных цифровых технологий. Фото- и видеосъёмка используется не только как способ фиксации мероприятий учреждения, но и как средство развития коммуникативных навыков, повышения самооценки и формирования социальной активности участников.

Публикация созданных материалов в социальных сетях позволяет расширить пространство социальной коммуникации, вывести результаты деятельности получателей социальных услуг за пределы учреждения и обеспечить их взаимодействие с широкой аудиторией. Таким образом формируется открытая

информационная среда, способствующая формированию позитивного общественного отношения к людям с психическими хроническими заболеваниями.

Использование медиатеатральности в качестве инструмента социальной реабилитации позволяет создать новые формы вовлечения получателей социальных услуг в общественную жизнь, стимулирует их творческую активность и способствует развитию личностного потенциала.

Описание практики

Практика реализуется с января 2025 года на базе КОГБУСО «Климковский дом-интернат» Белохолуницкого района Кировской области.

В основе практики лежит использование фото- и видеосъёмки как инструмента социальной реабилитации. Получатели социальных услуг принимают участие в создании фото- и видеоматериалов, отражающих их участие в культурных, досуговых, трудовых и спортивных мероприятиях учреждения.

Форматы создаваемого контента включают:

- видеозаписи чтения стихотворений и литературных произведений;
- поздравительные видеоролики к государственным и календарным праздникам;
- танцевальные и музыкальные выступления;
- репортажные ролики с мероприятий учреждения;
- фото- и видеоотчёты о повседневной жизни получателей социальных услуг.

Созданные материалы размещаются на официальной странице учреждения в социальной сети «ВКонтакте», а также на информационных ресурсах Министерства социального развития Кировской области.

Получатели социальных услуг принимают активное участие на всех этапах создания контента: подготовка к съёмке, выбор темы, обсуждение публикации, просмотр результатов. Это позволяет формировать у участников чувство значимости собственной деятельности и повышает уровень их социальной активности.

Целью практики является создание условий для комплексной социальной реабилитации лиц с психическими хроническими заболеваниями посредством использования современных цифровых коммуникаций, направленных на развитие социальной активности, коммуникативных навыков и расширение социального взаимодействия.

Задачи практики:

1. Формирование у получателей социальных услуг мотивации к участию в общественной жизни учреждения.
2. Развитие навыков общения и самопрезентации.
3. Расширение круга социальных контактов.
4. Снижение уровня социальной изоляции.
5. Формирование навыков самоорганизации и соблюдения социальных норм.
6. Развитие творческих способностей и инициативы.
7. Формирование позитивного общественного образа людей с психическими хроническими заболеваниями.
8. Внедрение современных цифровых технологий в практику социальной реабилитации.

Целевая аудитория

Лица, имеющие психические хронические заболевания, проживающие в стационарных учреждениях социального обслуживания.

Кадровые ресурсы

Организация и реализация практики осуществляется командой специалистов учреждения: заместитель директора по социальной работе, специалист по социальной работе, социальные работники и инструктор по труду.

Техническое обеспечение

Съёмки проводятся с использованием смартфона и зеркальной камеры. Для обеспечения устойчивости изображения используются штативы.

Монтаж видеоматериалов выполняется специалистом по социальной работе с использованием программ Adobe Premiere Pro и Video Maker. Использование данных программ позволяет создавать качественные видеоролики, пригодные для размещения в социальных сетях.

Этапы реализации практики

Реализация практики включает несколько последовательных этапов.

1. Подготовительный этап.

На данном этапе формируется рабочая группа из числа специалистов учреждения. В состав рабочей группы входят заместитель директора по социальной работе, специалист по социальной работе, социальные работники и инструктор по труду. Распределяются функциональные обязанности между специалистами, определяются направления взаимодействия и формы сопровождения получателей социальных услуг в процессе реализации практики.

Заместитель директора по социальной работе обеспечивает организационную поддержку реализации практики, способствует её развитию и интеграции в систему социально-реабилитационной работы учреждения, а также контроль за соблюдением требований действующего законодательства при публикации фото- и видеоматериалов.

Координация деятельности и общее руководство реализацией практики осуществляются специалистом по социальной работе. Он обеспечивает организацию съёмочного процесса, разрабатывает и предлагает сценарные идеи, проводит фото- и видеосъёмку, а также выполняет монтаж отснятых материалов. В его задачи также входит планирование съёмок, взаимодействие с участниками проекта, подготовка медиаматериалов к публикации и размещение контента на официальных страницах учреждения в социальных сетях.

Социальный работник оказывает помощь в сопровождении получателей социальных услуг во время подготовки и проведения съёмок, обеспечивает их психологическую поддержку, помогает участникам адаптироваться к условиям съёмочного процесса и способствует созданию благоприятной эмоциональной атмосферы.

Инструктор по труду принимает участие в подготовке творческих номеров и репетиций, помогает участникам разучивать тексты, движения и элементы выступлений, а также оказывает содействие в подготовке реквизита и сценических образов.

Слаженное взаимодействие специалистов различных направлений позволяет создать условия для безопасного и комфортного участия получателей социальных услуг в медиадеятельности, а также обеспечивает комплексный реабилитационный эффект реализуемой практики.

Одним из важных элементов подготовительного этапа является определение целевой группы участников практики. Первоначально для участия было выбрано 20 участников с диагнозом F71 и F20 (в возрасте от 35 до 60 лет, преимущественно мужчины). Кроме того, около 50 проживающих эпизодически принимают участие в съёмках, связанных с освещением повседневной жизни учреждения.

Следующим шагом является проведение разъяснительной работы с получателями социальных услуг. Участникам подробно объясняются цели и задачи проекта, правила участия в съёмках, особенности публичного размещения материалов. Особое внимание уделяется формированию у участников понимания значимости их участия в медиапроекте и созданию атмосферы доверия и добровольности.

На подготовительном этапе также определяется формат будущего медиаконтента. Специалистами учреждения совместно с участниками обсуждаются возможные темы и направления видеороликов.

Кроме того, определяются площадки для размещения медиаматериалов. Основной платформой для публикации контента является официальная страница учреждения в социальной сети, где регулярно размещаются видеоролики, фотографии и репортажи о жизни интерната.

2. Практический этап.

Практический этап является основным этапом реализации практики и направлен на непосредственное вовлечение получателей социальных услуг в процесс создания медиаконтента.

На данном этапе регулярно проводятся фото- и видеосъёмки, которые проходят в среднем 1–2 раза в неделю. Съёмки могут носить как репортажный, так и постановочный характер.

Репортажные съёмки фиксируют текущую жизнь учреждения: культурные мероприятия,

праздничные программы, концерты, спортивные события, творческие занятия и повседневную деятельность проживающих. Такие съёмки позволяют продемонстрировать активную и насыщенную жизнь дома-интерната.

Постановочные съёмки предполагают более тщательную подготовку и включают разработку идеи видеоролика, распределение ролей между участниками и проведение репетиций. В ходе подготовки участники совместно со специалистами обсуждают сценарий будущего ролика, выбирают тематику выступления, подбирают костюмы и реквизит.

Особое внимание уделяется подготовке участников к съёмочному процессу. Перед съёмками получатели социальных услуг выполняют ряд подготовительных действий:

- подбирают сценические образы и костюмы;
- готовят реквизит;
- выполняют макияж;
- разучивают тексты стихотворений и песен;
- готовят танцевальные номера;
- участвуют в репетициях.

Такая подготовительная работа способствует развитию у участников навыков самоорганизации, ответственности и взаимодействия в коллективе.

Кроме того, в ходе практического этапа большое внимание уделяется формированию социально-бытовых навыков. Участники учатся соблюдать правила поведения на мероприятиях, следить за аккуратностью внешнего вида, корректно взаимодействовать с окружающими и уверенно вести себя перед камерой.

В качестве примера практической реализации занятия по созданию видеоконтента может быть приведён формат съёмки ролика «Сериал «Кухня»», включающий этапы подготовки, приготовления блюда и его презентации (Приложение 2).

Съёмки проводятся как на территории дома-интерната, так и за его пределами. Участники проекта принимают участие в съёмках во время выездных мероприятий, концертов, праздничных программ, спортивных и культурных событий.

После проведения съёмок осуществляется отбор и подготовка медиаматериалов. Участ-

ники проекта совместно со специалистом по социальной работе просматривают отснятые материалы, обсуждают наиболее удачные фрагменты и принимают участие в выборе видеороликов для дальнейшей публикации. Такой формат работы позволяет повысить заинтересованность участников и формирует у них чувство причастности к созданию медиаконтента.

Монтаж видеороликов осуществляется специалистом по социальной работе с использованием программ Adobe Premiere Pro и Video Maker. Для съёмок используются смартфон и зеркальная камера, а также штативы, обеспечивающие стабильность изображения.

Готовые фото- и видеоматериалы размещаются в социальных сетях учреждения. В среднем публикуется 2–3 поста в неделю. На сегодняшний день создано около 30 видеороликов, посвящённых различным событиям и творческим выступлениям участников.

После публикации материалов проводится обсуждение с участниками проекта. Получатели социальных услуг знакомятся с опубликованными материалами, просматривают их вместе со специалистами, обсуждают полученные отклики аудитории и делятся своими впечатлениями. Это способствует формированию позитивной самооценки и повышает мотивацию к дальнейшему участию в проекте.

3. Оценочный этап.

Данный этап направлен на анализ результатов реализации практики и выявление её реабилитационного эффекта.

Оценка эффективности практики осуществлялась мультидисциплинарной бригадой учреждения, в состав которой входят заместитель директора по социальной работе, специалист по социальной работе, социальные работники и инструктор по труду, врач-психиатр. Комплексная оценка проводилась на основе анализа целевых показателей с использованием балльной шкалы и сопоставления результатов по принципу «до / после» участия получателей социальных услуг в медиатеатральности.

В качестве ключевых показателей эффективности были определены параметры, отражающие уровень социальной активности

и вовлечённости участников проекта. К ним относятся:

- уровень межличностного взаимодействия;
- эмоциональная устойчивость;
- степень замкнутости;
- самостоятельность в повседневной деятельности;
- готовность к участию в коллективных мероприятиях;
- инициативность и проявление творческой активности.

Специалисты учреждения осуществляли систематическое наблюдение за поведением участников, фиксируя изменения в динамике. Результаты наблюдений обсуждались на заседаниях мультидисциплинарной бригады, что позволяло объективно оценивать эффективность реализуемых реабилитационных мероприятий и при необходимости корректировать работу.

По результатам наблюдений отмечается положительная динамика по ряду показателей. Участники стали проявлять большую уверенность в себе, активнее вступать в коммуникацию с окружающими, чаще принимать участие в коллективных мероприятиях учреждения. У многих получателей социальных услуг снизился уровень замкнутости и повысилась заинтересованность в творческой деятельности.

Дополнительно проводился опрос получателей социальных услуг, участвующих в практике, с целью оценки их удовлетворённости участием в проекте. Участники отмечали, что участие в съёмках вызывает положительные эмоции, способствует развитию творческих способностей и позволяет почувствовать свою значимость.

Важным элементом оценочного этапа является анализ обратной связи аудитории социальных сетей. На сегодняшний день официальная страница учреждения насчитывает 394 подписчика. Публикуемые материалы вызывают интерес пользователей, что подтверждается увеличением количества просмотров и отметок «нравится». Положительная реакция аудитории способствует формированию у участников проекта чувства гордости за результаты своей деятельности.

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о положительном влиянии практики на процесс социальной реабилитации получателей социальных услуг. Участие в создании медиаконтента способствует развитию коммуникативных навыков, повышению самооценки и расширению социальной активности проживающих.

Таким образом, поэтапная реализация практики обеспечивает её устойчивость и эффективность, а также позволяет использовать медиатеатральность как современный инструмент социальной реабилитации людей с психическими хроническими заболеваниями.

Методы и технологии реабилитации

В процессе реализации практики используется комплекс социально-реабилитационных методов и технологий, направленных на развитие социальной активности, коммуникативных навыков и личностного потенциала получателей социальных услуг.

Одним из ключевых методов является метод социальной активности, основанный на вовлечении участников в различные виды общественно значимой деятельности. Участие в съёмках, подготовке видеороликов и культурных мероприятиях способствует формированию у получателей социальных услуг интереса к коллективной деятельности и повышает их социальную включённость.

Важное место в реализации практики занимает использование элементов арт-терапии. Подготовка творческих выступлений, чтение стихотворений, участие в танцевальных и музыкальных номерах позволяют участникам выражать свои эмоции, раскрывать творческие способности и формировать позитивное отношение к собственной деятельности.

Также в практике применяется метод медиатерапии, который предполагает использование средств фото- и видеосъёмки как инструмента развития личности. Работа перед камерой способствует формированию уверенности в себе, развитию навыков самопрезентации и преодолению психологических барьеров.

В ходе реализации практики активно используется метод групповой работы. Подготовка к съёмкам, проведение репетиций, обсуждение сценариев и совместный просмотр

готовых видеоматериалов формируют у участников навыки взаимодействия, сотрудничества и взаимной поддержки.

Дополнительно применяется метод позитивного подкрепления. Положительная реакция аудитории социальных сетей, выраженная в комментариях, просмотрах и отметках «нравится», оказывает стимулирующее воздействие на участников, повышает их мотивацию и способствует формированию устойчивого интереса к дальнейшему участию в проекте.

Комплексное использование данных методов позволяет повысить эффективность социальной реабилитации и способствует развитию у получателей социальных услуг навыков общения, инициативности и социальной активности.

Результаты реализации практики

Оценка эффективности реализации практики проводилась в отношении 20 получателей социальных услуг по принципу сопоставления показателей «до» и «после» участия в медиа-деятельности.

Методы оценки:

- наблюдение специалистов;
- анализ поведения;
- обсуждение на заседаниях мультидисциплинарной команды.

Согласно п.5.16 ГОСТ Р 57888–2017: «Для количественной оценки нарушений используют следующую универсальную шкалу: 0 — нет нарушений, 1 — легкие, 2 — умеренные, 3 — тяжелые, 4 — абсолютные. Факторы окружающей среды по аналогичной шкале определяют степень воздействия в качестве барьера или облегчающего фактора (со знаком +)»¹.

Результаты осмотра занесены в бланк оценки целевых показателей, разработанный автором на основании ГОСТ Р 57888–2017 (Приложение А).

В данном исследовании были использованы показатели, отражающие уровень активности и участия получателей социальных услуг, и включали: межличностные взаимодействия, эмоциональную устойчивость, замкнутость и самостоятельность в повседневной деятельности.

¹ ГОСТ Р 57888–2017. Целевые показатели реабилитационных услуг: дата введения 2019–01–01

По окончании запланированных мероприятий МДБ провела повторную оценку состояния получателей социальных услуг, чтобы оценить эффективность реабилитационных мероприятий в динамике. Далее, в соответствии с ГОСТ Р 57960–2017, по каждому гражданину было рассчитано среднее по степени выраженности нарушений до и после проведения реабилитации, по формуле:

$$F = \frac{U}{J},$$

где

F — среднее значение по степени выраженности нарушения;

U — сумма индивидуальных показателей всех нарушений;

J — количество нарушений.

Также была рассчитана индивидуальная оценка достижения цели программы по формуле:

$$G = \frac{F_{\text{до}}}{F_{\text{после}}},$$

где

G — индивидуальная оценка достижения цели программы;

$F_{\text{до}}$ — среднее значение по степени выраженности нарушения до реабилитационного цикла;

$F_{\text{после}}$ — среднее значение по степени выраженности нарушения после реабилитационного цикла².

Согласно п. 6.16 ГОСТ Р 57960–2017: «значения, находящиеся в диапазоне менее 1, являются неудовлетворительным результатом реабилитации, более 1, но менее 1,5 — удовлетворительным, от 1,5 до 2 — хорошим и более 2 — отличным»³.

² ГОСТ Р 57960–2017. Национальный стандарт Российской Федерации. Реабилитация инвалидов. Оценка результатов реабилитационных услуг.

³ ГОСТ Р 57960–2017. Национальный стандарт Российской Федерации. Реабилитация инвалидов. Оценка результатов реабилитационных услуг.

Показатель	До участия	После участия	Динамика
Межличностное взаимодействие	1,85	1,6	+13,5 %
Эмоциональная устойчивость	2,0	1,8	+10 %
Замкнутость	0,45	0,4	+11,1 %
Самостоятельность	1,7	1,6	+5,9 %

Таблица 1. Динамика показателей выраженности нарушений

По итогам реализации практики зафиксирована устойчивая положительная динамика по всем направлениям (Таблица 1). Средний балл выраженности нарушений по показателю «межличностные взаимодействия» снизился с 1,85 до 1,6 (–13,5 %), по показателю «эмоциональная устойчивость» — с 2,0 до 1,8 (–10 %), по показателю «замкнутость» — с 0,45 до 0,4 (–11,1 %), по показателю «самостоятельность» — с 1,7 до 1,6 (–5,9 %). Положительная динамика зафиксирована у 75 % участников по двум и более показателям.

В целом средний показатель выраженности нарушений по выбранным параметрам снизился с 1,5 до 1,35, что составляет 10 % положительной динамики и свидетельствует о повышении уровня социального функционирования участников практики.

В ходе реализации практики отмечена положительная динамика личностных изменений у участников. По наблюдениям специалистов у большинства получателей социальных услуг сформировалась устойчивая положительная эмоциональная реакция на участие в практике, проявлявшаяся в интересе, вовлечённости и стремлении к повторному участию.

Одновременно у участников отмечено развитие коммуникативных и социально-бытовых навыков: соблюдение инструкций, выполнение последовательных действий, подготовка к съёмке, взаимодействие с другими участниками и ориентирование в повседневных и цифровых ситуациях.

В ходе реализации практики у ряда участников были зафиксированы значимые положительные изменения в поведении, эмоциональном состоянии и уровне социальной активности.

Так, один из участников проекта на начальном этапе категорически отказывался от участия в съёмках и публичных выступлениях, избегал контактов с окружающими и предпочитал оставаться наблюдателем. В процессе постепенного вовлечения ему было предложено участие в небольших эпизодах видеороликов без текста. Постепенно участник стал проявлять интерес к съёмочному процессу, присутствовать на репетициях и наблюдать за подготовкой других участников. В дальнейшем он самостоятельно выразил желание принять участие в записи стихотворения. В настоящее время участник охотно участвует в съёмках, разучивает стихотворения и уверенно читает их на камеру.

Другой участник проекта ранее практически не принимал участия в коллективных мероприятиях и редко вступал в общение с другими проживающими. После включения в практику он стал активно участвовать в репетициях и подготовке видеороликов, чаще взаимодействовать с другими участниками проекта и проявлять интерес к творческой деятельности. Со временем он начал высказывать собственные идеи для будущих видеороликов и предлагать варианты сценических выступлений.

Подобные примеры свидетельствуют о положительном влиянии медиадеятельности на эмоциональное состояние и социальную активность получателей социальных услуг. Участие в проекте способствует формированию уверенности в себе, развитию коммуникативных навыков и повышению мотивации к участию в общественной жизни учреждения.

Публичное размещение фото- и видеоматериалов и положительная обратная связь аудитории социальных сетей способствовали формированию у участников чувства социальной значимости и повышению самооценки. Дополнительным подтверждением эффективности практики является участие созданных в ходе её реализации фото- и видеоматериалов во всероссийских конкурсах. Так, два видео-

ролика были представлены на конкурс видеороликов Всероссийского общества инвалидов «Мы можем ВСЁ!», один из которых был отмечен поощрительным призом. Кроме того, танцевальные и вокальные видеовыступления, подготовленные с участием получателей социальных услуг, принимали участие во Всероссийских конкурсных программах и были отмечены дипломами I и II степени, что свидетельствует о высоком уровне представленных материалов и значимости практики за пределами учреждения.

Анализ статистических данных официальной страницы учреждения в социальной сети «ВКонтакте» демонстрирует устойчивую положительную динамику (Рисунок 1). За период реализации практики количество подписчиков увеличилось с 245 до 394 человек, что свидетельствует о росте интереса к публикуемому контенту и деятельности учреждения в целом.

По данным встроенной аналитики социальной сети зафиксированы:

- 8,7 тыс. посещений страницы (+16 %);
- 292,6 тыс. просмотров контента (+16 %);
- 19,4 тыс. охвата аудитории (+79 %);
- рост подписок на уведомления о публикациях;
- увеличение переходов по кнопке действия на 84 %.

Таким образом, практика продемонстрировала высокую социальную и коммуникационную эффективность, что подтверждается не только положительной динамикой личностных изменений у получателей социальных услуг, но и объективными цифровыми показателями: ростом охвата аудитории на 79 %, увеличением количества подписчиков почти в 1,6 раза и устойчиво высокой вовлечённостью пользователей социальных сетей.

Полученные результаты соотносятся с компонентами активности и участия Международной классификации функционирования (МКФ), что подтверждает реабилитационный характер практики.

Перспективы развития практики

Практика комплексной реабилитации посредством фото- и видеосъёмки обладает значительным потенциалом для дальнейшего развития и расширения.

Одним из перспективных направлений является обучение получателей социальных услуг основам видеомонтажа и работы с цифровыми технологиями. Это позволит расширить их участие в создании медиаконтента и сформировать новые навыки, связанные с использованием современных информационных технологий.

Планируется развитие материально-технической базы практики, в том числе создание небольшой медиастудии на базе учреждения, оснащённой необходимым оборудованием для проведения съёмок и монтажа видеоматериалов.

Важным направлением дальнейшего развития является расширение участия в региональных и всероссийских конкурсах творческих и медиапроектов. Это позволит продемонстрировать результаты деятельности получателей социальных услуг на более широком уровне и повысить узнаваемость практики.

Дальнейшее развитие практики будет способствовать расширению возможностей социальной реабилитации получателей социальных услуг, развитию их творческого потенциала и укреплению их социальной интеграции.

Социальная и практическая значимость

Реализация практики комплексной реабилитации посредством фото- и видеосъёмки оказывает значимый социальный эффект как для получателей социальных услуг, так и для учреждения в целом.

Для участников проекта практика стала возможностью проявить свои творческие способности, почувствовать собственную значимость и получить положительный опыт участия в общественной жизни учреждения. Участие в съёмках способствует формированию у получателей социальных услуг уверенности в себе, развитию коммуникативных навыков и расширению круга общения.

Важным результатом является повышение социальной активности участников. Многие получатели социальных услуг стали более охотно участвовать в культурных и досуговых мероприятиях, проявлять инициативу в подготовке творческих выступлений и предлагать собственные идеи для видеороликов.

Практика также способствует формированию благоприятного психологического климата в учреждении. Совместная подготовка видеороликов, участие в репетициях и обсуждение результатов работы объединяют участников, способствуют развитию взаимной поддержки и укреплению межличностных отношений.

Кроме того, публикация фото- и видеоматериалов в социальных сетях позволяет демонстрировать обществу активную и творческую жизнь получателей социальных услуг, что способствует формированию более позитивного общественного восприятия людей с психическими хроническими заболеваниями.

Таким образом, практика оказывает комплексное влияние на процесс социальной реабилитации получателей социальных услуг и способствует их более успешной социальной адаптации.

Литература

1. Арт-терапия. Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник материалов III Международной научно-практической конференции (Кемерово, 19 апреля 2024 г.) / Г. В. Акименко, Л. В. Гукина, Ю. Ю. Кирина, А. И. Копытин, А. М. Селедцов, А. С. Яковлев ; отв. ред. Г. В. Акименко. — Кемерово: КемГМУ, 2024. — 638 с.
2. ГОСТ Р 57888–2017. Целевые показатели реабилитационных услуг: дата введения 2019–01–01 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200157659>.
3. ГОСТ Р 57960–2017. Национальный стандарт Российской Федерации. Реабилитация инвалидов. Оценка результатов реабилитационных услуг. Основные положения: дата введения 2019–01–01 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200157813>.
4. Инновационные технологии социальной реабилитации и абилитации лиц пожилого возраста и инвалидов: монография / под ред. д-ра пед. наук С. С. Лебедевой, к. пед.н. Ю. Ю. Платоновой. — СПб.: СПбГИПСПР, 2021. — 184 с.
5. Использование МКФ и оценочных шкал в медицинской реабилитации / Г. Е. Иванова, Е. В. Мельникова, Н. А. Шамалов [и др.] // Вестник восстановительной медицины. — 2018. — № 3. — С. 14–20.
6. Комплексный подход в организации социально-средовой и социокультурной реабилитации граждан с психическими расстройствами в условиях стационарного учреждения социального обслуживания / С. Н. Земцов, В. В. Парфеевец // Социальная работа: теория, методы, практика. — 2022. — № 5. — С. 144–153.
7. Конвенция о правах инвалидов: Принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 года № 61/106: Ратифицирована Федеральным законом от 03.05.2012 № 46-ФЗ // Конвенции и соглашения: [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml.
8. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
9. Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья // Всемирная организация здравоохранения.
10. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ: [принят Государственной Думой 20 июля 1995 года; одобрен Советом Федерации 15 ноября 1995 года] // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/
11. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/
12. Приказ Минтруда России от 18.09.2024 № 466н (ред. от 29.09.2025) «Об утверждении порядка разработки и реализации индивидуальной программы реабилитации и абилитации инвалида, индивидуальной программы реабилитации и абилитации ребенка-инвалида и их форм, а также порядка привлечения к разработке индивидуальной программы реабилитации и абилитации инвалида и индивидуальной программы реабилитации и абилитации ребенка-инвалида реабилитационных организаций и порядка координации реализации индивидуальной программы реабилитации и абилитации инвалида и индивидуальной программы реабилитации и абилитации ребенка-инвалида, включая мониторинг такой реализации и предоставление информации о результатах мониторинга в высший исполнительный орган субъекта Российской Федерации» // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_497933/

13. Фототерапия как технология социальной работы / И.В. Антонович — URL: https://www.tsutmb.ru/nayk/nauchnyie_meropriyatiya/int_konf/mezhdunarodnyie/10_10_2014_stanovlenie_professii_sotsialnyy_rabotnik_metodologii_modeli_i_tekhnologii/2_zarubezhnye_i_otechestvennye_modeli_i_opyt_sotsialnoy_raboty_i_sotsialnogo_obrazovaniya/fototerapiya-kak-tehnologiya-sotsialnoy-raboty/

14. Рожкова Ю. В. Социальная реабилитация лиц, страдающих психическими расстройствами / Ю. В. Рожкова // Омский научный вестник. — 2006. — № 2. — С. 273–276. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-reabilitatsiya-lits-stradayuschih-psihicheskimi-rasstroystvami/viewer>

15. Bland R. C., Nixon G. W.H. A Social Rehabilitation Programme for the Long-Stay Mental Hospital Patient. / R. C. Bland, G. W.H. Nixon. — The British Journal of Psychiatry, 2018. — 121(6), 641–645 p. — URL: <https://sci-hub.ru/https://doi.org/10.1192/bjp.121.6.641>

16. Rauch A., Cieza A., Stucki G. How to apply the International Classification of Functioning, Disability and Health (ICF) for rehabilitation management in clinical practice / A. Rauch, A. Cieza, G. Stucki. — Switzerland: Eur J Phys Rehabil Med, 2008. — URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/18762742/>

Бланк оценки для определения целевых показателей

ФИО получателя социальных услуг _____

Возраст _____

Пол _____

Диагноз по МКБ _____

Цели / Показатели	Оценка / Баллы									
Общая цель: социализация										
Цель программы:										
Цель 1: самообслуживание										
Цель 2: развитие коммуникативных навыков										
Цель 3: самоорганизация досуговой деятельности										
Целевые показатели										
Нарушения	Степень выраженности									
	1	2	3	4	5					
Речь										
Функция подвижности рук										
Мелкая моторика										
Межличностные взаимодействия										
Психическая устойчивость										
Замкнутость										
Несамостоятельность										
	Вспомогательный фактор					Барьер				
	+4	+3	+2	+1	0	1	2	3	4	
Технические средства реабилитации										
Материально-техническая база учреждения										
Семья и ближайшие родственники (вне учреждения)										
Ближайшее окружение (друзья) (в учреждении)										
Квалифицированные сотрудники учреждения										
	Влияние персональных факторов									
	Позитивное +		Нейтральное 0			Отриц. –				
Слух										
Зрение										
Ходьба (передвижение в помещении и вне помещения)										

**Пример организации занятия по созданию видеоролика «Сериал „Кухня“»
в рамках социальной реабилитации**

Форма занятия: групповая.

Продолжительность: 60–90 минут.

Целевая группа: получатели социальных услуг с психическими хроническими заболеваниями.

Количество участников: 5–8 человек.

Цель занятия: формирование и развитие навыков социально-бытовой и коммуникативной реабилитации посредством участия в создании видеоролика о приготовлении пищи.

Задачи:

- формировать навыки самостоятельной бытовой деятельности (приготовление пищи);
- обучать соблюдению техники безопасности на кухне;
- развивать коммуникативные навыки и взаимодействие в группе;
- повышать уровень вовлеченности и уверенности в себе;
- развивать навыки самопрезентации через участие в видеосъемке.

Структура занятия

1. Вступительная часть (10–15 минут):

- приветствие участников;
- объяснение формата занятия;
- обсуждение блюда (например: салат, выпечка, горячее блюдо);
- повторение правил техники безопасности (осторожное обращение с ножами, соблюдение гигиены, аккуратность при работе с продуктами).

2. Основная часть (45–60 минут).

Этап 1. Подготовка (10–15 минут):

- подготовка продуктов;
- организация рабочего места.

Съемка:

- крупные планы продуктов;
- комментарии участников («Сегодня мы готовим...»).

Этап 2. Приготовление блюда (20–30 минут):

- выполнение последовательных действий:

о нарезка;

о смешивание;

о оформление блюда.

Съемка:

- процесс приготовления;
- участие каждого;
- короткие реплики участников.

Этап 3. Презентация результата (10–15 минут):

- демонстрация готового блюда;
- участники рассказывают, что они делали, что им понравилось.

Съемка:

- финальный результат;
- «презентация блюда»;
- позитивные эмоции.

3. Заключительная часть (10–15 минут):

- просмотр отснятого материала (при возможности);
- обсуждение: «Что получилось?», «Что было интересно?»;
- поощрение участников;
- подведение итогов.

Методы работы:

- практическая деятельность (приготовление пищи);
- наблюдение;
- беседа;
- групповая работа;
- метод включения в деятельность;
- позитивное подкрепление.

Реабилитационный эффект

Социально-бытовая реабилитация:

- формирование навыков приготовления пищи;
- соблюдение техники безопасности;
- развитие самостоятельности.

Социально-коммуникативная реабилитация:

- развитие навыков взаимодействия;
- участие в коллективной деятельности;
- формирование уверенности в себе.

Медиареабилитация:

- развитие навыков самопрезентации;
- снижение коммуникативных барьеров;
- вовлеченность через участие в съёмке.

Рекомендации специалисту:

- учитывать индивидуальные возможности участников;
- распределять задания по уровню сложности;
- обеспечивать безопасность;
- поощрять инициативу;
- создавать ситуацию успеха для каждого участника.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ НЕФОРМАЛЬНОГО УХОДА ЗА ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ В МАЛЫХ СЁЛАХ КАРЕЛИИ

А. И. Ермолаева

Ермолаева Анастасия Ивановна — специалист по связям с общественностью отдела по развитию системы социального обслуживания государственного бюджетного учреждения Республики Карелия «Карельский ресурсный центр развития социальных технологий», г. Петрозаводск.

Контактный адрес: razvitie.rk-press@yandex.ru

Одной из ключевых демографических тенденций Республики Карелия является высокий уровень старения населения: доля жителей в возрасте 60 лет и старше достигает 27,4 %, что заметно превышает среднероссийский показатель (24,0 %). В малых сёлах государственная система социального обслуживания функционирует в соответствии с региональными стандартами. Наряду с государственными сервисами закономерно складываются неформальные практики заботы — семейные и соседские — которые не заменяют, а органично дополняют существующую систему.

В контексте проведенного исследования автор рассматривает заботу прежде всего как особый вид работы, выполняемой в рамках определенных социальных и экономических отношений. Рассмотрено, каким образом в условиях ограниченного доступа к формальной помощи складываются устойчивые режимы неформальной заботы, какие агенты в них вовлечены и как распределяется ответственность между ними.

Ключевые слова: неформальный уход; специфика социального обслуживания в малых селах; старение населения.

CHARACTERISTICS OF ORGANIZING INFORMAL CARE FOR THE ELDERLY IN SMALL VILLAGES OF KARELIA

A. I. Ermolaeva

Anastasia Ivanovna Ermolaeva — Public Relations Specialist, Department of Social Services Development, Karelian Resource Center for the Development of Social Technologies, State Budgetary Institution of the Republic of Karelia, Petrozavodsk.

Contact: razvitie.rk-press@yandex.ru

One of the key demographic trends in the Republic of Karelia is the high rate of population aging: the proportion of residents aged 60 and over reaches 27.4 %, significantly exceeding the Russian average (24.0 %). In small villages, the state social services system functions in accordance with regional standards. Alongside state services, informal care practices—family and neighborhood-based—are naturally emerging, organically complementing, rather than replacing, the existing system.

In the context of this study, the author views care primarily as a special type of work performed within the framework of specific social and economic relations. The study examines how stable informal care regimes develop in conditions of limited access to formal assistance, the agents involved, and how responsibilities are distributed among them.

Keywords: informal care; specifics of social services in small villages; population aging.

Введение

По данным Территориального органа
Федеральной службы государственной статисти-

стики по Республике Карелия, численность
постоянного населения Республики Карелия
на начало 2024 года составила 523,9 тыс. чело-

век, из которых 418,8 тыс. человек (79,9 %) проживают в городской местности и 105,1 тыс. человек (20,1 %) — в сельской. Одной из ключевых демографических тенденций Республики Карелия является высокий уровень старения населения: доля жителей в возрасте 60 лет и старше достигает 27,4 %, что заметно превышает среднероссийский показатель (24,0 %). При этом отмечается увеличение численности рассматриваемой категории граждан на 7,05 % по сравнению с данными на 1 января 2017 года при одновременном снижении общей численности населения на 10,6 % за аналогичный период¹.

В малых сёлах Республики Карелия государственная система социального обслуживания функционирует в соответствии с региональными стандартами. При этом специфика сельской местности — низкая плотность населения, большие расстояния между населёнными пунктами, сезонная труднодоступность — требует особых форм доставки услуг. Логика работы формальных служб объективно ориентирована на концентрацию ресурсов в районных центрах. Именно поэтому рядом с государственными сервисами естественным образом складываются неформальные практики заботы — семейные и соседские — которые не заменяют, а органично дополняют существующую систему.

В контексте нашего исследования мы будем рассматривать заботу прежде всего как особый вид работы, выполняемой в рамках определенных социальных и экономических отношений². Данный подход позволяет рассмотреть помощь не только с точки зрения заботящегося, но и с точки зрения самого процесса осуществления заботы, способов ее реализации, условий, и задействованных ресурсов.

¹ Региональная программа «Активное долголетие» на период 2025–2030 годов. Текст: электронный // Распоряжение Правительства Республики Карелия от 28 января 2025 года № 29р-П: [сайт]. URL: https://gov.karelia.ru/upload/iblock/7e8/8vhytxpn2luv90gg3k7eb2wy2xo8bcym/29r_P.pdf (дата обращения: 23.12.2025)

² Чернова Ж. В. Кто, о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы и семейной политики. Текст: электронный // Журнал исследований социальной политики. 2011. № 9 (3). С. 297. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kto-o-kom-i-na-kakih-usloviyah-dolzhen-zabotitsya-gendernyy-analiz-rezhimov-zaboty-i-semeynoy-politiki> (дата обращения: 25.12.2025).

Отдельно стоит ограничить понятие неформальной заботы. В ряде исследований она понимается в первую очередь как забота, которая в сельской местности может играть значимую роль в связи с недоступностью формальной помощи или с проблемами, связанными с получением формальной помощи, например в связи с ограниченной работой государственных сервисов³. При этом в сельском контексте такие практики часто выходят за рамки семейных отношений и включают широкий круг акторов — от соседей и до представителей локальной инфраструктуры повседневной жизни.

Таким образом, аналитический фокус исследования смещается с формальных институтов социальной политики на повседневные механизмы обеспечения заботы о пожилых в малых сёлах Республики Карелия. Это позволит нам рассмотреть, каким образом в условиях ограниченного доступа к формальной помощи складываются устойчивые режимы неформальной заботы, какие агенты в них вовлечены и как распределяется ответственность между ними.

Материалы и методы

Материалами для анализа послужили полуструктурированные интервью с пожилыми жителями (N = 17), а также с лицами, осуществляющими заботу о них (N = 4).

Анализ интервью был направлен на выявление повседневных практик помощи, форм и механизмов неформальной заботы, а также круга акторов, вовлечённых в поддержку пожилых людей. В ходе анализа были выделены основные агенты неформальной заботы: родственники; близкие друзья/соседи). Такой подход позволил рассмотреть заботу как распределённую систему практик, формирующуюся на уровне конкретного сельского сообщества.

³ Галкин К. А. Соседская помощь и забота о пожилых людях с хроническими заболеваниями в периферийных поселениях. Текст: электронный // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. № 24 (2). С. 8 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sosedskaya-pomosch-i-zabota-o-pozhilyh-lyudyah-s-hronicheskimi-zabolevaniyami-v-periferiynih-poseleniyah> (дата обращения: 25.12.2025).

Результаты

Несмотря на постепенное ослабевание родственных форм заботы центральным и наиболее важным агентом остается семья. Анализ интервью показал, что семейная забота реализуется в разных форматах — от регулярной повседневной помощи до эпизодических форм участия. Однако прослеживается устойчивая тенденция, связанная с возрастом заботящихся: регулярную поддержку чаще оказывают представители старшего поколения — пенсионеры и лица предпенсионного возраста, тогда как участие более молодых членов семьи, как правило, носит эпизодический характер и ограничивается визитами в выходные дни и праздничные периоды. При этом в практики заботы нередко вовлекаются не только ближайшие родственники, но и более дальние члены семьи — невестки, племянники и другие родственники, которые в отдельных случаях берут на себя часть обязанностей по поддержке пожилого человека. Такое расширение круга заботящихся позволяет частично компенсировать территориальную разобщённость семей и ограниченную доступность формальной помощи.

Формы семейной заботы преимущественно носят практический характер и связаны с выполнением физически трудоёмких и повседневных задач. Респонденты упоминают помощь по хозяйству, заготовку дров, уборку, сопровождение в поездках, а также помощь в приобретении продуктов и лекарств. Так, например, один из информантов отмечает: *«Ну, полностью как бы я за ней ухаживаю. Я ее мою, переодеваю, помогаю кормить, лекарства даю. Что мы еще-то с ней делаем? Ну, вот если что-то там какие-то пролежни начинаются у нас из-за того, что она уже долго лежит, уже четвёртый год. Обрабатываю это всё, сама.»* (Заботящийся, информант 2).

Финансовая поддержка со стороны семьи встречается реже и, как правило, исходит от детей, которые проживают вне села. При этом многие пожилые респонденты подчёркивают, что не склонны принимать регулярную материальную помощь, даже в условиях невысоких доходов. В ряде случаев, напротив, пожилые сами продолжают оказывать финансовую поддержку детям или внукам: *«Тоже помогаю, чем могу. Если моя помощь нужна где-то*

и морально, материально, всегда пожалуйста. Не только родственникам. Могу и друзьям помочь» (Пожилый, информант 5), что свидетельствует о сохранении активной роли пожилых в семейных отношениях и стремлении избегать позиции «получателя помощи».

Отдельным направлением семейной поддержки становится помощь в освоении и использовании современных технологий. Более молодые члены семьи помогают пожилым настраивать интернет, пользоваться мобильной связью и цифровыми сервисами, что расширяет возможности общения и доступа к информации. *«Я научилась пользоваться вот, когда сын уехал, поехал в Финляндию... И вот он уезжает в Финляндию и говорит: «Мама, я тебе оставляю компьютер»... Он мне показал, как там надо делать. Написал на бумажке: «Нажми на это, нажми на это»... Приехали Аня с Лёшей, приехали из Муезерки. Ну я ей говорю: «Я буду нажимать, а вы смотрите... как включить, как что». Потом стала спрашивать. Они научили, как писать сообщения. Потом научили, как отправлять открытки. В общем, всё это я освоила»* (Пожилый, информант 4). В сельских условиях такая «цифровая забота» приобретает особое значение, позволяя пожилым сохранять связь с родственниками и внешним миром.

Большинство информантов характеризуют отношения с родственниками как хорошие или близкие и отмечают регулярное общение. Однако для пожилых, проживающих в одиночестве, этого общения часто оказывается недостаточно. Контакты с семьёй в таких случаях преимущественно поддерживаются по телефону или через интернет, что не компенсирует дефицит повседневного присутствия и живого взаимодействия: *«Ну, так да, звонит один раз в 10 дней, через 10 дней один раз. Я уже считала, 10 дней прошло, Ира должна звонить...»* (Пожилый, информант 2). Таким образом, даже при наличии устойчивых семейных связей пожилые люди могут испытывать чувство социальной изоляции.

Для более детального рассмотрения роли семьи в системе неформальной заботы целесообразно обратиться к двум контрастным эмпирическим кейсам, отражающим различные режимы семейной поддержки в сельской местности.

Первый кейс: супружеская пара, где супруга осуществляет уход за незрячим супругом. В данном случае жена взяла на себя роль ключевого агента по поддержке, реализуя функции повседневного ухода, неформальной медицинской помощи и социальной интеграции мужа. Она организует общение с друзьями, совместные прогулки, тем самым способствуя сохранению включенности и активности мужа. Одновременно этот кейс наглядно показывает — семейная забота во многом ограничена нехваткой специализированного оборудования, трудностями доступа к медицинским услугам и невозможностью часто выезжать за пределы населенного пункта.

Второй кейс: семейная забота невестки о родителях мужа. Пожилые родственники проживают в неблагоустроенном доме при ограниченном доступе к медицинской помощи, в связи с чем семья берёт на себя основной объём заботы, включая помощь по хозяйству, заготовку дров и уборку, а также повседневную и неформальную медицинскую поддержку. Существенное значение в данном случае имеет и эмоциональная забота, связанная с регулярным общением и поддержанием ощущения стабильности.

Однако, в условиях ограничений регулярности семейной поддержки и доступности формальных услуг важную роль в системе неформальной заботы о пожилых в малых сельских поселениях Республики Карелия играют соседи. Соседская помощь носит преимущественно неинституциональный и повседневный характер и основана на территориальной близости, устойчивых социальных связях и практиках взаимности.

Формы соседской взаимопомощи включают широкий спектр бытовых и хозяйственных задач. Информанты упоминают помощь в мелком ремонте, работах по дому и на приусадебном участке, заготовке дров, уборке территории, а также трансфер в соседние города и села: *«Надо вот мне брата повезти в Муезерку, анализы сдавать. Сосед заведет машину, и мы поехали, съездили, и даже поможет его водить мне, под руку его захватит, и все»* (Пожилый, информант 3). В ряде случаев именно соседи становятся ключевым ресурсом мобильности пожилых людей, особенно при

отсутствии личного транспорта или регулярного сообщения с районным центром.

Принципиальной особенностью соседской заботы является её взаимный характер. Пожилые люди, выступающие получателями помощи, одновременно сохраняют активную позицию и включаются в практики обмена, оказывая ответную поддержку в пределах своих возможностей: *«Ну, это, конечно, как? Вот если бы на моем месте, да, я готова помочь, если меня там попросят, даже если не попросят, могу предложить свою помощь»* (Пожилый, информант 2). Такая помощь может принимать форму присмотра за домом, помощи по хозяйству, передачи продуктов с огорода или участия в повседневном общении. При этом в литературе отмечается, что в периферийных поселениях такие практики довольно распространены, и исследователи, занимающиеся изучением сельской местности, отмечают существенную роль сложных сетей взаимообмена и символического обмена в российских селах¹. Это говорит о том, что местное сообщество является важным ресурсом заботы для жителей села, и потому пожилые активно пользуются помощью местного сообщества. Забота местного сообщества способствует включению пожилых людей в социальную жизнь и обеспечивает им доступ к ресурсам, которые в сельской местности в силу ряда причин часто ограничены.

В отличие от семейной заботы, основанной на родственных обязательствах, соседская взаимопомощь опирается на неформальные нормы доверия и взаимного участия. Она не предполагает постоянства или полной ответственности за пожилого человека, однако обеспечивает важную форму повседневной поддержки, особенно в ситуациях, когда помощь требуется оперативно или эпизодически.

¹ Богданова Е. Режим заботы о пожилых маломобильных людях в периферийных поселениях: успехи и неудачи в преодолении социального. Текст: электронный // Критическая социология заботы. 2019. № 5 (2) С. 281. — URL: https://www.researchgate.net/publication/356673502_Bogdanova_Elena_2019_Rezim_zaboty_o_pozilyh_malomobilnyh_ludah_v_periferijnyh_poseleniah_uspehi_i_neudaci_v_preodolenii_socialnogo_isklucenia_Ss_277-310_v_Borozdina_Ekaterina_Temkina_Anna_Zdravomyslov (дата обращения: 26.12.2025).

Многими исследователями данной тематики отмечается, что в современном российском селе сохраняется ресурс сообществ, проявляющийся в персонализированных взаимодействиях, практиках взаимопомощи, в моральной обусловленности социальных коммуникаций и взаимодействий. При этом неформальная забота о пожилых в сельском сообществе все еще опирается на устойчивые долгосрочные социальные связи. Даже если более молодые родственники существуют и вовлекаются в заботу дистанционно, остается нереализованным запрос на повседневную, приближенную заботу или «присмотр» за состоянием здоровья пожилого человека. Вследствие этого все более востребованной становится модель соседской или же семейной ассистированной помощи, в которую включены соседи и для которой актуально правило, согласно которому «заботится тот, кто рядом»¹. И, действительно, карельские села — это малые сообщества, где люди находятся в постоянном тесном взаимодействии, и соседи берут негласную ответственность за пожилого соседа.

Таким образом, соседская взаимопомощь выступает значимым элементом неформальной системы заботы в сельской местности, дополняя семейную поддержку и частично компенсируя дефицит формальных услуг.

Отдельным аспектом, который важно упомянуть, является отношение самих пожилых к получаемой помощи. Для части информантов характерна боязнь оказаться обузой для родственников, прежде всего в финансовом и физическом плане: *«Ну, не хочется стареть, не хочется говорить о том, что я старая, я немощная»* (Пожилый, информант 2). Даже при наличии потребности в поддержке пожилые нередко стремятся сохранять самостоятельность и ограничивать объем семейной помощи: *«Лучше его пожалеть. А дети живут в городе... я не хочу пока никого просить, хочу сама»* (Пожилый, информант 9).

¹ Богданова Е, Галкин К., Низамова А. Этики соседской заботы о пожилых в российском селе: на пути к общинному менеджериализму. Текст: электронный // Социологическое обозрение. 2024. № 23 (3). С. 303. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etiki-sosedskoy-zaboty-o-pozhilyh-v-rossiyskom-sele-na-puti-k-obschinnomu-menedzherializmu> (дата обращения: 25.12.2025).

Нежелание усиливать зависимость от родственников связано и с отказом от переезда, который нередко предлагают дети. Несмотря на объективные бытовые и инфраструктурные трудности, пожилые остаются привязанными к селу как пространству привычной жизни, социальных связей и личной автономии. Село рассматривается не только как физическое пространство, но и как значимая часть идентичности, связанная с жизненным опытом, социальными связями и ощущением автономии.

Таким образом, неформальная забота о пожилых в малых сельских поселениях Республики Карелия формируется как совокупность практик, реализуемых разными акторами — семьёй, соседями и локальными неформальными посредниками. Семья обеспечивает базовую и наиболее устойчивую поддержку, соседская взаимопомощь опирается на негласные нормы взаимной ответственности и территориальную близость частично компенсирует институциональные ограничения. Взаимодействие этих акторов формирует гибкий, но структурно уязвимый режим заботы, устойчивость которого во многом зависит от плотности социальных связей и личной вовлечённости участников.

Заключение

На основании проведенного исследования нам удалось сделать выводы о дифференцированности неформального режима заботы о пожилых людях в Республике Карелии. В периферийных поселениях наряду с самым важным источником помощи — государством, немаловажную роль играет потенциал местного сообщества и семьи. При этом в контексте заботы о пожилых именно потенциал неформальных агентов заботы, как показало наше исследование, может компенсировать недостатки и проблемы, связанные с государственными формами помощи в сельских поселениях. Это является той составляющей заботы, которая позволяет пожилым: во-первых, стареть, находясь дома, в комфортной для себя обстановке; во-вторых, не быть исключёнными из общества, а постоянно находиться во взаимодействии с заботящимися. Неформальные агенты заботы выполняют не только регламентирующие функции, но и ассистирующие, что

особенно важно в контексте села, где нередко они представляют собой единственную альтернативу государственным сервисам заботы.

Таким образом, неформальная забота является мощным ресурсом морального удержания пожилого человека в обществе. В отличие от формализованных отношений «получатель социальных услуг — специалист», соседская и семейная помощь почти всегда носит двусторонний характер. Пожилые люди не только принимают поддержку, но и сами по мере сил участвуют в жизни сообщества — помогают советом, присмотром за домом, мелкой работой по хозяйству, эмоциональной поддержкой других. Такая взаимность позволяет пожилому человеку не оказаться в пассивной позиции «получателя», а сохранить чувство собственной нужности и активности.

Помимо этого, неформальная забота выступает важнейшим условием для реализации принципа «старения на месте» (ageing in place). Для пожилого человека возможность оставаться в своём доме, в знакомой деревне, среди привычных вещей и инфраструктуры — это не просто вопрос комфорта, а основа сохранения идентичности, автономии и психологического благополучия. Именно семья и соседи создают повседневную поддержку, которая позволяет пожилому человеку не переезжать в стационарные учреждения или к детям в город. Помощь в заготовке дров, уборке снега, приготовлении пищи, сопровождение в поездках — всё это рутинные, но жизненно необходимые действия. Когда они регулярно выполняются близкими людьми, отпадает необходимость в кардинальной смене жизненной ситуации. Здесь как раз и открывается поле для совместной работы государства и тех, кто находится рядом с пожилым человеком.

Таким образом, для обеспечения достойного ухода за пожилыми в малых сёлах необходимо комплексное взаимодействие формальных и неформальных агентов заботы. Государственные службы предоставляют профессиональную медицинскую помощь, социальные услуги. Ближайшее окружение и местное сообщество обеспечивают регулярную повседневную поддержку, эмоциональное участие, сохранение привычного окружения и возможность старения на месте. Только совместная

работа обеих сторон позволяет создать устойчивую модель заботы о пожилых¹.

Литература

1. Богданова Е, Галкин К., Низамова А. Этики соседской заботы о пожилых в российском селе: на пути к общинному менеджериализму. — Текст: электронный // Социологическое обозрение. 2024. — № 23 (3). — С. 285–313. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etiki-sosedskoy-zaboty-o-pozhilyh-v-rossiyskom-sele-na-puti-k-obshinnomu-menedzherializmu> (дата обращения: 25.12.2025).

2. Богданова Е. Режим заботы о пожилых мало-мобильных людях в периферийных поселениях: успехи и неудачи в преодолении социального. — Текст: электронный // Критическая социология заботы. 2019. — № 5 (2). — С. 277–310. — URL: https://www.researchgate.net/publication/356673502_Bogdanova_Elena_2019_Rezim_zaboty_o_pozilyh_malomobilnyh_ludah_v_periferijnyh_poseleniah_uspehi_i_neudaci_v_preodolenii_socialnogo_isklucenia_Ss_277-310_v_Borozdina_Ekaterina_Temkina_Anna_Zdravomyslov (дата обращения: 26.12.2025).

3. Галкин К. А. Соседская помощь и забота о пожилых людях с хроническими заболеваниями в периферийных поселениях. — Текст: электронный // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2021. — № 24 (2). — С. 7–30. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sosedskaya-pomosch-i-zabota-o-pozhilyh-lyudyah-s-hronicheskimi-zabolevaniyami-v-periferiynih-poseleniyah> (дата обращения: 25.12.2025).

4. Региональная программа «Активное долголетие» на период 2025–2030 годов. — Текст: электронный // распоряжение Правительства Республики Карелия от 28 января 2025 года № 29р-П: [сайт]. — URL: https://gov.karelia.ru/upload/iblock/7e8/8vhytxpn2luv90gg3k7eb2wy2xo8bcym/29r_P.pdf (дата обращения: 23.12.2025).

5. Чернова Ж. В. Кто, о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы и семейной политики. — Текст: электронный // Журнал исследований социальной политики. — 2011. — № 9 (3). — С. 295–318. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kto-o-kom-i-na-kakih-usloviyah-dolzhen-zabotitsya-gendernyy-analiz-rezhimov-zaboty-i-semeynoy-politiki> (дата обращения: 25.12.2025).

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–78-10118 (<https://rscf.ru/project/24-78-10118/>).

**РЕАБИЛИТАЦИЯ СЕМЬИ:
ОТ ЗАВИСИМОСТИ К ЗДОРОВОЙ ЖИЗНИ ВМЕСТЕ С ДЕТЬМИ
(Опыт реализации социальной практики
«Во благо ребенка» в Республике Коми)**

Т. Д. Киселева

Киселева Татьяна Дмитриевна — начальник отдела по развитию форм работы с семьей и детьми Государственного автономного учреждения Республики Коми «Региональный центр развития социальных технологий».

Контактный адрес: rcrst@mintrud.rkomi.ru

В статье анализируется острота проблемы алкоголизации семей в Республике Коми и представлены результаты внедрения инновационной социальной практики «Во благо ребенка». Раскрываются ключевые элементы технологии: мотивационное интервьюирование как метод работы с родителями, а также организация семейных клубов для восстановления детско-родительских отношений. Особое внимание уделено изменению профессиональной парадигмы специалистов: переходу от директивного осуждения к партнерству и формированию внутренней мотивации у клиента.

***Ключевые слова:** алкоголизация семей; социальная практика; социальная технология; реабилитация семей; семейные клубы; детско-родительские отношения.*

**FAMILY REHABILITATION:
FROM ADDICTION TO A HEALTHY LIFE WITH CHILDREN
(Experience with the “For the Good of the Child” social practice in the Komi Republic)**

T. D. Kiseleva

Tatyana Dmitrievna Kiseleva — Head of the Department for the Development of Forms of Work with Families and Children, State Autonomous Institution of the Komi Republic “Regional Center for the Development of Social Technologies”.

Contact address: rcrst@mintrud.rkomi.ru

This article analyzes the severity of the problem of alcohol abuse in families in the Komi Republic and presents the results of implementing the innovative social practice “For the Good of the Child.” Key elements of the technique are discussed: motivational interviewing as a method of working with parents, as well as the organization of family clubs to restore parent-child relationships. Particular attention is paid to changing the professional paradigm of specialists: a transition from directive condemnation to partnership and the development of intrinsic motivation in clients.

***Keywords:** alcohol abuse in families; social practice; social technology; family rehabilitation; family clubs; parent-child relationships.*

«Алкоголь является хорошим «растворителем». Он хорошо растворяет браки, дружбу, семьи, но только не проблемы». Автор этого афоризма остался неизвестным, но с этой горь-

кой истиной трудно спорить. Что делать, если этот «растворитель» уже попал в кровеносную систему семьи? Забирать ребенка или пытаться вылечить систему? В Республике Коми

два года работает проект «Во благо ребенка», доказывающий: иногда спасти ребенка можно лишь через принятие его, казалось бы, бесперспективных родителей.

По данным Росстата, Республика Коми входит в число лидеров по объему продаж алкоголя в России. Семьи, где хотя бы один родитель страдает зависимостью, составляют значительную долю от всех семей, находящихся на профилактическом учете. За этой статистикой — судьбы детей, которые ежедневно сталкиваются с насилием, холодом и эмоциональным отвержением.

Перед системой профилактики традиционно встает дилемма: с одной стороны — необходимость защитить ребенка (вплоть до изъятия из семьи), с другой — понимание, что алкоголизм — это хроническое заболевание, а не «злая воля» родителя. Социальная практика «Во благо ребенка», разработанная специалистами Регионального центра развития социальных технологий Республики Коми и поддержанная Благотворительным фондом «Абсолют-помощь», стала попыткой найти «третий путь»: не карать и не устраняться, а комплексно сопровождать семью.

Реализацию практики условно можно разделить на два последовательных этапа. Первый этап охватил период с февраля 2024 года по февраль 2025 года и носил характер апробации технологии в 19 учреждениях социального обслуживания Республики Коми (к завершению этапа их число сократилось до 15 по организационным причинам). Второй этап (апрель 2025 г. — март 2026 г.) был посвящен масштабированию: к настоящему моменту в реализации практики участвует 21 учреждение Республики Коми, что позволило охватить всю территорию региона.

Ключевым барьером на пути помощи «пьющим родителям» является не только тяжесть самого заболевания, но и внутренняя позиция помогающего. Следует признать, что в обществе высок уровень осуждения таких семей. Этот стигмат переносится и на профессионалов. «Я знала, что им нельзя доверять», «С ними бесполезно работать» — типичные фразы, блокирующие помощь.

Поэтому именно с переподготовки кадров началась работа в рамках практики: приори-

тетное внимание было уделено дополнительной профессиональной подготовке сотрудников социальных служб республики. Финансовая поддержка фонда позволила не только приобрести оборудование, но и, что важнее, пригласить ведущих федеральных экспертов: психиатра-нарколога Александра Панарина и психотерапевта Сергея Борзова.

Специалистов-кураторов учили менять установку: не «я спасатель, а он преступник», а «я партнер, помогающий найти выход». То есть акцент был сделан на формировании более гибкого, неморализаторского взгляда на зависимого родителя и освоении техник, позволяющих выстраивать сотрудничество даже в сложных случаях.

Ключевым инструментом работы с родителями в рамках практики стало мотивационное интервью (МИ) — метод, хорошо зарекомендовавший себя в мировой наркологии и психотерапии зависимостей.

Мотивационное интервью — это один из методов работы с зависимостью от алкоголя или других веществ. Разработанный Р. Миллером и С. Ролником, данный подход опирается на научную основу и имеет доказанную эффективность.

В 2015 году опубликовано исследование, показавшее преимущества использования мотивационного интервью в лечении алкогольной зависимости. Работа проводилась под руководством А. Трусовой, Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В. М. Бехтерева.

В отличие от лобовой атаки («Вам надо бросить пить, иначе заберут ребенка!»), которая вызывает лишь защитную агрессию, МИ действует тоньше. Специалистам в рамках обучения объяснили, почему тактика прямого убеждения, агрессивного противостояния и спора не только неэффективна, но и контрпродуктивна: она усиливает сопротивление и делает изменение поведения менее вероятным. Мотивация к изменениям, согласно философии МИ, должна исходить от самого человека, а не навязываться извне.

В структурированном виде процесс мотивационного интервью, в рамках практики, включает в себя несколько последовательных шагов (или процессов).

Вовлечение. На этом этапе специалист фокусируется на создании безопасного и доверительного пространства. Без этого невозможна никакая дальнейшая работа. Специалист сознательно избегает морализаторства, обесценивания, осуждения и непрошенных советов. Вместо этого используются открытые вопросы («Как вы думаете, почему сложилась такая ситуация?»), аффирмации (поддержка сильных сторон клиента: «Вы работаете и заботитесь о семье — это очень важно»), рефлексии (отражение услышанного) и обобщения. Когда родитель чувствует, что его не оценивают, а пытаются понять, снижается уровень стресса и возрастает готовность к диалогу.

Фокусирование. На данном этапе стороны договариваются о конкретной теме обсуждения. Специалист мягко, но последовательно сужает разговор до проблемы употребления алкоголя, если родитель сам не выводит беседу в это русло. Важно, что это происходит с согласия клиента («Если вы не против, давайте сегодня поговорим о том, как употребление спиртного сказывается на вашей повседневной жизни»).

Побуждение. Это, пожалуй, самый тонкий и технически сложный этап. Специалист работает с феноменом амбивалентности — одновременным сосуществованием в сознании родителя желания измениться и желания оставить все как есть. Задача не в том, чтобы «переспорить» клиента, а в том, чтобы усилить высказывания в пользу изменений. Для этого используются специальные техники: «вопросы о крайностях» («Что будет самое хорошее, если вы бросите пить, и что самое плохое, если продолжите?»), «линейка важности» («Оцените по шкале от 0 до 10, насколько для вас важно измениться?»), а также взгляд в будущее («Как изменится ваша жизнь через два года, если...»). Когда родитель сам проговаривает аргументы «за», эти аргументы обретают для него личный смысл.

Планирование. Переход к составлению плана действий возможен только тогда, когда родитель демонстрирует готовность к изменениям. План должен быть сгенерирован в первую очередь самим клиентом. Если специалист видит необходимость что-то добавить, он сначала спрашивает разрешения, затем дает информацию коротко и в виде нескольких аль-

тернатив, чтобы у родителя оставалось чувство контроля над процессом.

Бросить пить — важный шаг. Но для многих родителей он становится лишь началом долгого пути: алкоголь успел «растворить» самое ценное — привязанность, живое общение, радость совместной игры. Человек отказывается от зависимости, но вдруг понимает: он почти забыл, как быть родителем.

Как заново научиться понимать ребенка, выстраивать с ним отношения, находить общий язык и просто весело проводить время вместе? На эти вопросы отвечает особая реабилитационная среда — **Семейный клуб**.

Это не просто пространство встреч, а продуманная система поддержки. Здесь родители с опытом зависимости получают шанс восстановить утраченные связи — сначала с самими собой, потом — с детьми и окружающим миром.

Чтобы создать такую среду, мало желания — нужны специальные знания и навыки. Поэтому специалисты-кураторы прошли специальное обучение, которое было проведено экспертами Национального фонда защиты детей от жестокого обращения (также в рамках финансовой поддержки Благотворительного фонда «Абсолют-помощь»).

В основе работы клуба — четкая логика, которую его создатели описывают через два ключевых понятия: «дефициты» и «мишени». Дефициты — это проблемные зоны, типичные для семей, столкнувшихся с зависимостью:

- недостаток родительских компетенций: непонимание возрастных потребностей ребенка, сложности с выстраиванием дисциплины, нехватка игровых навыков;

- дефицит совместного досуга: родители не знают, чем заняться с ребенком, как организовать интересное и полезное времяпрепровождение;

- нарушенные социальные связи: замкнутость, изоляция, привычка общаться только в кругу людей с похожими проблемами.

Мишень же — это цель: не заменить родителя, не взять его функции на себя, а помочь восполнить эти дефициты. Достигается это через обучение и совместную деятельность — когда родители на практике осваивают новые способы взаимодействия, пробуют их в без-

опасной обстановке и постепенно возвращают себе уверенность.

Семейный клуб показывает: восстановление семьи — это не просто отсутствие зависимости. Это кропотливая работа, в которой каждый шаг к ребенку становится шагом к себе.

Два года практики «Во благо ребенка» позади. Охвачено 193 семьи за первый этап и 228 семей — за второй, проведено сотни мотивационных интервью, десятки клубных встреч. Что показали эти два года?

Вывод первый: мотивация рождается не в приказе, а в диалоге.

За два этапа практики специалисты провели 430 мотивационных интервью. Результат: у 201 родителя уровень готовности к изменениям вырос, у значительной части (218) остался как минимум стабильным, что для хронической зависимости уже неплохо.

Это значит, что деликатный, безоценочный подход не ломает, не травмирует и не загоняет родителя в глухую оборону. Даже если человек не готов бросить пить сегодня, он не уходит с мыслью «меня не поняли, меня осудили». Он уходит с мыслью «надо подумать». И это уже победа.

Как сказал один из кураторов в неформальной беседе: «Раньше я давила, требовала, пугала комиссией по делам несовершеннолетних. А теперь просто слушаю. И знаете — они сами начинают говорить: «а ведь правда, пора завязывать».

Вывод второй: семейный клуб — это не кружок, а реанимация отношений. В цифрах это выглядит так: 58 семей на первом этапе и 59 на втором показали устойчивую положительную динамику в детско-родительских отношениях. Всего — 117 семей, где дети и родители снова научились слышать друг друга.

Семейный клуб превратился в настоящую реабилитационную среду, где родители обретают утраченное искусство общения с ребенком: учатся заново играть, вести доверительные беседы и просто быть рядом — без напряжения, без агрессии, без необходимости прибегать к алкоголю.

Вывод третий: главный итог — дети остаются в семьях. Эффективность социальной работы часто оценивают по одному критерию: удалось ли избежать изъятия ребенка из род-

ной семьи. За два года работы программы лишь 17 семей столкнулись с лишением или ограничением родительских прав — это трагический, но единичный показатель на фоне общей картины. Подавляющее большинство семей удалось поддержать в трудный период и сохранить их целостность.

Да, порой приходилось временно помещать детей в отделения социальной реабилитации. Но такая мера стала не приговором, а временной паузой — возможностью стабилизировать ситуацию. В большинстве случаев ребенок смог вернуться домой, а с семьей продолжалась планомерная работа.

Вывод четвертый: ахиллесова пята — текучесть кадров. Успех любой социальной программы зависит не только от методик и финансирования, но и от людей, которые ее реализуют. Однако практика наглядно продемонстрировала одну из самых острых проблем социальной сферы — высокую текучесть кадров.

Всего было обучено 50 специалистов отрасли. На первом этапе практики ушли 13 обученных кураторов, еще 10 покинули команду на втором этапе. Каждый такой уход — не просто строчка в отчете: за ним стоит реальная семья, теряющая своего проводника.

Новый специалист, пусть даже талантливый и опытный, не может просто продолжить работу с того места, где остановился предыдущий. Ему нужно время, чтобы стать «своим», заслужить доверие, понять особенности ситуации. Этот период адаптации требует времени — ресурса, который особенно ценен, когда речь идет о благополучии детей.

Вывод пятый: практика имеет право на дальнейшую жизнь. Практика «Во благо ребенка» — не волшебная таблетка. Она не превращает хронических алкоголиков в образцовых родителей за три месяца. Она не дает стопроцентной гарантии, что дети не попадут в приют. Ее ключевой вклад заключается не только и не столько в конкретных цифрах, сколько в смене профессиональной парадигмы: от осуждения и директивности к партнерству и поиску внутренней мотивации, от борьбы с симптомом к восстановлению отношений. Она дает рабочую, воспроизводимую, человеческую модель. Модель, где спе-

циалист — не надзиратель, а помощник. Где родитель не враг, а человек с болезнью. Где ребенок не заложник, а главный, ради кого все затевается.

Опыт Республики Коми показывает, что даже при неблагоприятном региональном фоне профессиональная, гибкая и долгосрочная работа приносит плоды. Главный из них — дети остаются в семьях, а семьи получают шанс на изменение. И этот шанс, как свидетельствует практика, может быть реализован, когда на стороне родителя и ребенка оказывается не карающая инстанция, а квалифицированный, обученный и эмпатичный помощник.

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ РЕЕСТРАХ ПОСТАВЩИКОВ: ФОРМЫ ОБСЛУЖИВАНИЯ, ТИПЫ ОРГАНИЗАЦИЙ, ЛИЦЕНЗИРОВАННОСТЬ (СТАТИСТИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

И. С. Романычев

Романычев Илья Сергеевич — кандидат социологических наук, доцент, Центр компетенций по развитию и обучению социальных работников Института дополнительного профессионального образования работников социальной сферы, г. Москва.

Контактный адрес: Romanychevilya@mail.ru

В статье приводятся аналитические данные по представленности негосударственных коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей в сфере социального обслуживания. Исследование основано на данных Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. Рассматриваются количественные тенденции, закрепляющие десятилетний период наличия коммерческих поставщиков социальных услуг в региональных реестрах. Приведены данные о специфике присутствия коммерческого сектора среди организаций стационарной, полустационарной, надомной форм обслуживания, а также смешанных форм. Также выявляются особенности положения коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей по типам организаций социального обслуживания. Отдельно рассматриваются статистические данные о лицензировании коммерческих поставщиков по медицинскому и образовательному профилям. Фиксируются явные специфические особенности коммерческого сектора в сфере социального обслуживания, что позволяет говорить о его особом месте среди поставщиков социальных услуг.

Ключевые термины: социальное обслуживание; социальная работа; поставщик социальных услуг; реестр поставщиков социальных услуг; коммерческие организации; индивидуальные предприниматели; бизнес; лицензия.

NON-GOVERNMENTAL COMMERCIAL ORGANIZATIONS AND BUSINESSMEN IN REGIONAL SUPPLIER REGISTERS: FORMS OF SERVICE, TYPES OF ORGANIZATIONS, LICENSING (STATISTICAL OVERVIEW)

I. S. Romanychev

Ilya Sergeevich Romanychev — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Competence Center for the Development and Training of Social Workers, Institute of Further Professional Education of Social Workers, Moscow.

Contact address: Romanychevilya@mail.ru

The article provides analytical data on the representation of non-governmental commercial organizations and businessmen in the field of social services. The study is based on data from the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. Quantitative trends are considered, consolidating the ten-year period of availability of commercial social service providers in regional registries. Data are provided on the specifics of the presence of the commercial sector among organizations of stationary, semi-stationary, home-based forms of service, as well as mixed forms. The peculiarities of the situation of organizations of the commercial organizations and businessmen by type of social service organizations are also revealed. Statistical data on the licensing of commercial suppliers by medical and educational profiles are considered separately. Explicit specific features of the commercial sector in the field of social services are recorded, which allows us to speak of its special place among social service providers.

Keywords: *social services; social work; social service provider; register of social service providers; commercial organizations; individual entrepreneurs; business; license.*

Негосударственные поставщики социальных услуг вот уже более десяти лет занимают значимое место в сфере социального обслуживания. Законодательная легализация их выхода на рынок социальных услуг произошла в 2015 году, с вступлением в силу Федерального закона № 442-ФЗ от 28 декабря 2013 года «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». Именно тогда произошло внедрение ряда новшеств, позволивших негосударственным организациям законно конкурировать с государственной сферой социального обслуживания.

К важнейшему новшеству, ознаменовавшему новый этап взаимодействия государственного и негосударственного секторов в социальной сфере, можно отнести реестр поставщиков социальных услуг, в который теперь могли быть включены не только государственные организации социального обслуживания, но и организации коммерческого и коммерческого секторов, а также индивидуальные предприниматели. В каждом регионе действует свой реестр поставщиков, который, в свою очередь, регулярно обновляется при занесении в него новых субъектов предоставления социальных услуг.

Другим нововведением стала индивидуальная программа предоставления социальных услуг, которая постепенно превратилась в значимый элемент механизма разработки и реализации государственного задания. Про экономическую значимость ИППСУ в профессиональной литературе упоминается мало, однако роль индивидуальных программ в финансовом планировании деятельности государственных и негосударственных поставщиков остаётся важной.

К числу актуальных для данного направления новшеств также можно отнести законодательные механизмы регулирования финансового обеспечения уставной деятельности негосударственных организаций социального обслуживания, а также индивидуальных предпринимателей. Эти механизмы подразумевают предоставление субсидий из бюджетов различных уровней, проведение закупок социальных

услуг, получение средств от граждан, получающих услуги за полную или частичную плату, а также выплату компенсаций поставщикам, включённым в реестр поставщиков, но не участвующим в выполнении государственного задания (заказа). Таким образом, более десяти лет назад у негосударственных организаций и предпринимателей появилась возможность получать государственные деньги за социальное обслуживание граждан.

Если про некоммерческие организации имеется достаточное количество упоминаний в публикациях, в том числе научных, то деятельность коммерческого сектора социального обслуживания рассматривается не так часто. Коммерческие организации и индивидуальные предприниматели, осуществляющие социальное обслуживание, остаются неким альтернативным полем осуществления социальной работы, чьи подходы и методики достойны глубокого изучения. Однако в данной статье мы постараемся осветить определённую статистическую информацию о данных субъектах социальной работы, опираясь в первую очередь на официальные сведения, представленные Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации [3].

По данным на 2024 год во все региональные реестры поставщиков социальных услуг было включено 6 642 поставщика социальных услуг. Из них коммерческих организаций — 417, индивидуальных предпринимателей — 264 (далее — предприниматели). Это составляет 6,3 % и 4 % соответственно. Тем не менее, можно констатировать, что порядка 10 % поставщиков соцуслуг являются представителями бизнес-сообщества. Распределение по формам социального обслуживания представлено в таблице 1.

Обращает внимание значительная представленность бизнес-сектора в предоставлении срочных социальных услуг — 30,8 %. Однако стоит упомянуть, что, согласно федеральному закону № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», срочное обслуживание не является самостоятельной формой обслуживания.

**Таблица 1. Представленность коммерческого сектора
по формам социального обслуживания**

Форма/вид услуг/ сочетание форм	Всего поставщиков	Коммерческих организаций	Предпри- нимателей	Совокупная доля коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей в количестве поставщиков по данной форме/сочетании форм
На дому	1 142	166	67	20,4 %
Полустационар	906	70	58	14,1 %
Стационар	1 696	105	36	8,3 %
Срочные услуги	107	10	23	30,8 %
Стационар + полустационар	643	8	1	1,4 %
Стационар + полустационар + на дому	594	8	0	1,3 %
Стационар + на дому	253	11	0	4,3 %
Полустационар + на дому	1 301	39	79	9,1 %

Её представленность в статистической отчётности диктуется уникальностью методик, часто не подходящих ни под одну из трёх форм обслуживания. К этому стоит добавить относительно низкую долю подобных поставщиков среди их общего числа, что может говорить о несрабатывании закона больших «чисел». Но несмотря на это, присутствие бизнеса в предоставлении срочных услуг нуждается во внимательном изучении.

Явное преимущество по привлечению коммерческого сектора к оказанию социальных услуг имеет социальное обслуживание на дому. В исключительном виде поставщики данной формы обслуживания имеют в своём составе 20,4 % представителей коммерческого сектора. При учёте смешанных форм, где надомное обслуживание присутствует наряду с иными формами, коммерческий сектор занимает 35 % сферы надомных услуг. Полустационарное социальное обслуживание отстаёт ненамного. По тому же принципу подсчёта, с добавлением полустационара, присутствующего в комплексных организациях, 25,9 % поставщиков полустационарных услуг являются представителями коммерческого сектора. Стационарные организации имеют в своём числе наименьшую долю коммерческого сек-

тора, однако стоит оговориться, что за единицу измерения в данном случае берется именно организация, а не количество получателей услуг или самих предоставленных услуг.

Если обратиться к типам организаций и сегментированию в них коммерческих структур, то картина становится в чём-то уникальной. Те организации, чьи типы и названия официально утверждены на государственном уровне (центры социального обслуживания, реабилитационные центры, дома-интернаты, геронтологические центры), в сфере «коммерческой» социальной работы присутствуют в минимальном количестве. Так, дома-интернаты для престарелых и инвалидов представлены только 27-ю коммерческими организациями и 16-ю предпринимателями из 579-и поставщиков; реабилитационные центры для лиц с ограниченными возможностями здоровья — 25-ю коммерческими организациями и 9-ю предпринимателями из 323-х поставщиков; наконец, центры социального обслуживания имеют в своём числе только 9 коммерческих организаций и ни одного предпринимателя, и это при том, что в целом по России подобных организаций 1 838 и это наиболее массово представленный вид организации социального обслуживания.

Ситуация проясняется, когда при просмотре статистического отчёта мы доходим до столбца «иные организации». И в целом, из 417-и коммерческих организаций 341 является по типу «иной организацией», что составляет 82 %. В ситуации с предпринимателями картина почти такая же — из 264-х предпринимателей-поставщиков социальных услуг 239 представляют работу «иных организаций», а это 90 %.

Феномен «иных организаций» в официальной статистике по социальному обслуживанию в целом не несёт никакого секрета — речь идёт об организациях, чьё наименование расходится с официально утвержденными названиями государственных учреждений. При знакомстве с региональными реестрами поставщиков социальных услуг становится очевидно, что коммерческий сектор представлен такими типами организаций, как социально-медицинские патронажные службы, дома сестринского ухода, сервисные службы «тревожная кнопка», культурно-просветительские центры, службы социального такси и многие другие. Здесь прослеживается наличие неординарного и в чём-то более креативного подхода к определению целевой аудитории получателей услуг, подбору услуг для удовлетворения нужд граждан, организации системы предоставления услуг и т. д.

Картина с лицензированием поставщиков социальных услуг и, в частности, коммерческого сектора, на медицинскую или образовательную деятельность, представлена в таблице 2.

Можно констатировать, что медицинское лицензирование поставщиков социаль-

ных услуг присутствует в половине организаций социального обслуживания (51 %), вне зависимости от секторной принадлежности. Однако коммерческие организации обнаруживают существенное отставание от общей картины — медицинское лицензирование их деятельности не достигает показателя в 31 %, что отчасти может объясняться их меньшим присутствием в сфере стационарного обслуживания, где медицинский аспект всегда играл большую роль. Что же касается наличия лицензии на медицинскую деятельность у индивидуальных предпринимателей, то здесь наблюдаются крайне маленькие количественные показатели, в целом рисующие картину «немедицинского» профиля деятельности данных субъектов социального обслуживания. В ситуации с образовательными лицензиями также наблюдается явное отставание от среднестатистических показателей — 3,8 % лицензированных коммерческих организаций и 3 % лицензированных предпринимателей против 16 % общестатистического результата по всем поставщикам.

Ситуация становится интереснее при анализе лицензирования по формам обслуживания. Данные представлены в таблице 3, где присутствует информация о поставщиках по основным формам социального обслуживания (без учёта комплексных поставщиков), что в целом рисует картину распределения лицензионных прерогатив.

Первое, что бросается в глаза — опережение коммерческими организациями среднестатистического показателя по медицинскому лицензированию полустационарного обслу-

Таблица 2. Уровень лицензированности коммерческих поставщиков на осуществление медицинской и образовательной деятельности

	Всего поставщиков, кол-во/доля	Имеют лицензию на осуществление медицинской деятельности, кол-во/доля	Имеют лицензию на осуществление образовательной деятельности, кол-во/доля
Организации, включенные в региональные реестры поставщиков	6 642/100 %	3 394/51 %	1 064/16 %
Коммерческие организации	417/100 %	128/30,7 %	16/3,8 %
Индивидуальные предприниматели	264/100 %	7/2,6 %	8/3 %

Таблица 3. Уровень лицензированной коммерческих поставщиков на осуществление медицинской и образовательной деятельности по формам социального обслуживания

	Стационар		Полустационар		На дому	
	Кол-во	Доля	Кол-во	Доля	Кол-во	Доля
Организации, включенные в региональные реестры поставщиков	1 696	100 %	906	100 %	1 142	100 %
из них имеют лицензию на осуществление медицинской деятельности	1 430	84 %	229	25 %	174	15 %
из них имеют лицензию на осуществление образовательной деятельности	325	19 %	146	16 %	29	2,5 %
Коммерческие организации:	105	100 %	70	100 %	166	100 %
из них имеют лицензию на осуществление медицинской деятельности	57	54 %	26	37 %	24	14 %
из них имеют лицензию на осуществление образовательной деятельности	1	1 %	10	14 %	3	2 %
Индивидуальные предприниматели:	36	100 %	58	100 %	67	100 %
из них имеют лицензию на осуществление медицинской деятельности	2	6 %	2	3 %	0	0 %
из них имеют лицензию на осуществление образовательной деятельности	0	0 %	6	10 %	1	1,5 %

живания — 37% против 25%. При более пристальном рассмотрении общих данных, в том числе по типам учреждений, можно увидеть, что отчасти это обусловлено работой частных реабилитационных центров для лиц с ограниченными возможностями здоровья — из 70-и коммерческих полустационарных организаций 20 являются именно реабилитационными центрами. 42 организации относятся к вышеупомянутым «иным организациям», что в целом не опровергает значимость реабилитации в превалировании медицинского лицензирования у частных полустационаров. В сфере стационарного обслуживания наблюдается отставание коммерческого сектора от общих показателей — 54% коммерческих стационаров, имеющих медицинские лицензии, против 84% в общей статистике по поставщикам-стационарам. Также наблюда-

ется примерно одинаковая доля медицинского лицензирования в целом по поставщикам и по коммерческим поставщикам в сфере социального обслуживания на дому — 15% и 14% соответственно.

Однако стоит обратить внимание на относительно высокую долю наличия лицензий на образовательную деятельность у предпринимателей, осуществляющих полустационарное обслуживание. Именно этот показатель достигает 10% и кажется очень значимым на фоне общего слабого лицензирования медицинской и образовательной деятельности у предпринимателей. При этом нельзя сказать, что этот показатель слишком сильно отстаёт от общей картины образовательного лицензирования полустационаров — общий показатель составляет 16%. Не углубляясь в распределение по типам организаций (а в ситуации с предпри-

нимателями наличие организации с названием и статусом может быть весьма условным явлением), можно констатировать наличие в среде предпринимателей, осуществляющих полустационарное социальное обслуживание, значимой ниши, имеющей, возможно, культурно-просветительскую и обучающую направленность. По образовательной деятельности также наблюдается явное отставание коммерческого сектора стационарного обслуживания от общих показателей по стационарным поставщикам — 1 % лицензированных коммерческих организаций-стационаров против 19 % лицензированных стационаров в целом по поставщикам.

Представленная картина касается форм социального обслуживания, типов организаций и уровня лицензированности в среде коммерческих поставщиков социальных услуг. Одной из особенностей данного анализа является рассмотрение коммерческого сектора именно в соотношении с «мейнстримом» — общими тенденциями по поставщикам социальных услуг, а не в сравнении с государственными или некоммерческими поставщиками. Безусловно, при альтернативном подходе могли бы быть выявлены тенденции или закономерности, несколько корректирующие предложенные выводы. Но и в данном случае можно увидеть систему отличий, рисующих образ негосударственного коммерческого поставщика социальных услуг, занимающего на протяжении

десяти лет законное и отнюдь не случайное место в среде субъектов социального обслуживания. И выявленные тенденции, в первую очередь, отражают намерения осуществлять социальное обслуживание исходя исключительно из потребностей нуждающихся граждан и социальных прерогатив сегодняшнего дня.

Литература

1. Архипова Е. Б., Бородкина О. И. Социальное пространство негосударственного сектора услуг в России: региональные аспекты // *TerraEconomicus*. — Том 23. — № 2. — 2025. — С. 62–76.
2. Кручек И. В., Новохацкая И. П. Формирование правовой модели коммерческого рынка социальных услуг в сельской местности // *Вопросы российского и международного права*. — Том 6. — № 10B. — 2016. — С. 308–318.
3. Отчёт по форме 1-соцобслуживание 2024 год. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. — Электронный доступ: <https://mintrud.gov.ru/ministry/opengov/18>
4. Ромайкин П. Д. Финансовая поддержка социальных предпринимателей в контексте развития негосударственного социального обеспечения // *Инновации и инвестиции*. — 2025. — № 8. — С. 586–588.
5. Садыков Р. М., Большакова Н. Л., Хамадеева Р. Х. Социальная деятельность негосударственных организаций в отношении семей с детьми // *Вестник университета*. — 2021. — № 4. — С. 189–194.
6. Юнгхольм Свен-Эрик. Гуманистические ценности социальной работы // *Отечественный журнал социальной работы*. — 2024. — № 2. — С. 181–197.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE NEWS

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

XV ЮБИЛЕЙНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ (ФОРУМ) «ФОРМЫ И МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ» (17–18 сентября, Улан-Удэ)

INFORMATION LETTER

15TH ANNIVERSARY INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE (FORUM) “FORMS AND METHODS OF SOCIAL WORK IN VARIOUS SPHERES OF LIFE” (September 17–18, Ulan-Ude)

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (ВСГУТУ), Министерство социальной защиты населения Республики Бурятия, Гродненский государственный медицинский университет приглашают принять участие в работе XV Юбилейной Международной научно-практической конференции (Форума) «**Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности**», посвященной семье как основе единства народов в России.

Конференция состоится **17–18 сентября 2026 г.** в г. Улан-Удэ на базе Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления.

К участию в конференции приглашаются представители академического сообщества, преподаватели учреждений высшего профессионального образования, специалисты организаций и учреждений социальной сферы, здравоохранения, образования, силовых структур, а также все заинтересованные лица.

К обсуждению предлагаются следующие вопросы:

1. Семья как основа единства народов России.
2. Проблемы демографии и пути их решения.
3. Технологии сопровождения семей и участников СВО.
4. Формы и методы социально-медицинской работы.
5. Вопросы общественного здоровья и здравоохранения.
6. Вопросы гериатрии и геронтологии.
7. Формы и методы социально-психологической помощи и поддержки.
8. Формы и методы социально-педагогической деятельности.
9. Социальная работа в сфере социальной защиты населения.
10. Социальная работа в учреждениях здравоохранения.
11. Социальная работа в учреждениях образования.
12. Социальная работа в силовых структурах.
13. Проблемы реабилитации и эрготерапии.
14. Новые социальные технологии как ответ на вызовы современности.

15. Исторические аспекты социальной работы.

16. Актуальные проблемы миграционных процессов в условиях глобализации.

В рамках конференции предполагается:

- Пленарное заседание.
- Секционные семинары.
- Круглые столы.

По материалам конференции будет издан **сборник трудов**. Электронный вариант сборника будет выставлен на сайте ВСГУТУ и разослан авторам. Публикация в сборнике **бесплатная**.

Рассылка электронного сборника авторам — октябрь 2026 г.

Командировочные расходы (проезд, проживание) за счет направляющей стороны.

Внимание! Сборник будет размещен в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Рабочие языки конференции: Русский и английский.

По желанию и заявкам участников 16–19 сентября 2026 г. за отдельную плату будут организованы экскурсионные программы.

Для участия в конференции необходимо **до 3 сентября 2026 г.** предоставить следующие документы:

1) заявку на участие в конференции, в которой необходимо указать сведения об авторе (авторах):

Форма заявки участника

Фамилия, имя, отчество автора	
Название статьи	
Место работы, должность	
Ученая степень, ученое звание	
Контактный телефон, E-mail	
Форма участия	Очная или заочная
Я намереваюсь	– только опубликовать статью – выступить с докладом на секции конференции выступить с докладом на пленарном заседании конференции
Необходимость бронирования гостиницы	Да или нет
Культурная программа	Например: Дружеский ужин

2) статью в электронном варианте с указанием **УДК** необходимо направить по электронной почте;

Статья и заявка должны быть присланы прикрепленными файлами. Название файла со статьей должно включать фамилию автора (первого соавтора). В теме письма указать «СР 2026, фамилия первого автора».

Статья и заявка отправляются на адрес: E-mail: konfsw@mail.ru

Дэбэевой Туяне Базаржаповне.

ЮБИЛЕИ

ANNIVERSARIES

УДК 331.5.024.5

СЛУЖБА ЗАНЯТОСТИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: 35 ЛЕТ ЭФФЕКТИВНОЙ РАБОТЫ НА РЫНКЕ ТРУДА

М. Н. Максимова, К. А. Тазетдинова

Максимова Маргарита Николаевна — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Экономической теории и социальной работы ФГБОУ ВО «Казанский государственный медицинский университет» Минздрава России.

Контактный адрес: soc90@mail.ru

Тазетдинова Клара Алексеевна — заместитель министра труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан, преподаватель кафедры Экономической теории и социальной работы ФГБОУ ВО «Казанский государственный медицинский университет» Минздрава России.

Контактный адрес: mtsz@tatar.ru

35-летний юбилей своей деятельности отмечает Служба занятости Республики Татарстан. За минувшие годы служба прошла достойный путь становления и развития, превратившись в эффективную, технологически передовую структуру, которая успешно решает важнейшие задачи на рынке труда.

Благодаря слаженной работе команды службы занятости и проводимой государственной политике в сфере труда, в Татарстане сегодня отмечается исторически низкий уровень безработицы. За 35 лет службе занятости удалось снизить уровень общей безработицы с 6 % (115,2 тыс. чел.) до 1,7 % (34,9 тыс. чел.; по России — 2,2 %).

В занятость было вовлечено более 358 тыс. чел., а за последние 5 лет — более 92 тыс. чел. Уровень занятости населения составляет 62,3 % (по России — 61,6 %). Через центры занятости населения прошли 4 млн человек, 2,9 млн. которых нашли доходное занятие, в том числе 160 тыс. за последние 10 лет.

Особое внимание уделяется трудоустройству участников СВО и людей с инвалидностью. В Татарстане создаются реальные и работающие решения для поддержки тех, кто особенно нуждается в помощи после возвращения к мирной жизни.

Ключевые слова: Служба занятости Республики Татарстан; трудоустройство; рынок труда; центры занятости; 35 лет Службе занятости Республики Татарстан.

EMPLOYMENT SERVICE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN: 35 YEARS OF EFFECTIVE OPERATION IN THE LABOR MARKET

M. N. Maksimova, K. A. Tazetdinova

Margarita Nikolaevna Maksimova — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economic Theory and Social Work at Kazan State Medical University of the Russian Ministry of Health.

Contact address: soc90@mail.ru

Klara Alekseevna Tazetdinova — Deputy Minister of Labor, Employment, and Social Protection of the Republic of Tatarstan, Lecturer in the Department of Economic Theory and Social Work at Kazan State Medical University of the Russian Ministry of Health.

Contact address: mtsz@tatar.ru

The Employment Service of the Republic of Tatarstan is celebrating its 35th anniversary. Over the past few years, the service has undergone a remarkable process of development, becoming an effective, technologically advanced organization that successfully addresses critical challenges in the labor market.

Thanks to the coordinated work of the employment service team and the state's labor policy, Tatarstan currently enjoys a historically low unemployment rate. Over the past 35 years, the employment service has reduced the overall unemployment rate from 6 % (115,200 people) to 1.7 % (34,900 people; the national average is 2.2 %).

More than 358,000 people were employed, and over the past five years, more than 92,000 people. The employment rate is 62.3 % (the national average is 61.6 %). Employment centers have served 4 million people, 2.9 million of whom have found gainful employment, including 160,000 over the past 10 years.

Particular attention is paid to the employment of SVO participants and people with disabilities. In Tatarstan, real and effective solutions are being developed to support those who are particularly in need of assistance after returning to civilian life.

Keywords: *Employment Service of the Republic of Tatarstan; employment; labor market; employment centers; 35th Anniversary of the Employment Service of the Republic of Tatarstan.*

Служба занятости Республики Татарстан отмечает 35-летний юбилей своей деятельности. Это не просто юбилейная дата.

Это — период становления, развития и, что особенно важно, доказанной эффективности государственной политики занятости.

За эти годы служба занятости прошла путь от учета безработных — к полноценному управлению рынком труда.

Становление службы занятости Республики Татарстан

Работа службы занятости Республики Татарстан начиналось в 1991 году — сложнейшие условия трансформации экономики, время тотального спада производства, массовых сокращений, невыплат зарплат и гиперинфляции.

В Татарстане, как и по всей России, служба начинала практически с нуля: регистрация безработных, выплата пособий, организация общественных работ и первых программ переобучения.

Первые центры занятости населения открылись в республике в мае 1991 года. В отличие от многих регионов, где создание службы затянулось до 1992–1993 годов, Татарстан одним из первых в стране сформировал полноценную сеть центров занятости.

В 1993 году система столкнулась с масштабным кризисом: из-за крупного пожара

54 тысячи работников КАМАЗа — гиганта отечественного автопрома и градообразующего предприятия г. Набережные Челны — остались без работы. Этот инцидент стал «боевым крещением» для молодой службы занятости Татарстана, продемонстрировав необходимость гибких механизмов оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации в промышленности.

К 1995 году в республике уже действовало более 40 территориальных подразделений службы занятости — от крупных городов до отдалённых районов. Такая плотная инфраструктура позволила оперативно снять социальное напряжение и сохранить квалифицированные кадры для крупных предприятий нефтехимии и машиностроения. Работа велась не только через регистрацию безработных, но и через активные программы переобучения и организации временной занятости, что предотвратило отток инженерно-технических специалистов из региона.

В этих условиях служба занятости выполняла базовую, но крайне важную функцию — поддерживать человека.

И уже тогда был заложен *главный принцип*, который сохраняется и сегодня: **служба занятости — это не учет, это — возвращение человека к труду.**

За 35 лет построили рынок труда на основе показателей экономического развития и инвестиционной привлекательности.

Основа успеха службы занятости — наш человеческий капитал.

В условиях стремительных технологических изменений, цифровой трансформации и новых экономических вызовов, вопрос грамотного планирования кадровой политики приобретает особую актуальность.

Республика обладает значительными трудовыми ресурсами — это более 2 миллионов человек экономически активного населения (2079,7 тыс. чел. – 3 % трудовых ресурсов России).

За 35 лет в занятость было вовлечено более 358 тыс. чел., а за последние 5 лет — более 92 тыс. чел.

Уровень занятости населения составляет 62,3 %. Республика Татарстан входит в тройку лидеров по субъектам Приволжского федерального округа (Нижегородская область — 63,2 %, ПФО — 60,5 %, РФ — 61,6 %).

За эти 35 лет службе занятости удалось снизить уровень общей безработицы с 6 % (115,2 тыс. чел.) до 1,7 % (34,9 тыс. чел.) — один из самых низких в Приволжье (ПФО — 1,5 %, РФ — 2,2 %).

Через наши центры занятости населения прошли 4 млн человек, 2,9 млн. которых нашли доходное занятие, в том числе 160 тыс. за последние 10 лет.

Необходимо вспомнить 2020 год — «пандемийный» год, когда за неделю все центры занятости России перешли на онлайн-формат приема. Помогли в это сложное время более 237 тыс. жителям республики по различным вопросам, связанными с занятостью.

Единая цифровая платформа — ЕЦП РАБОТА РОССИИ

2020 год также стал годом внедрения Единой цифровой платформы (ЕЦП) в сфере занятости и трудовых отношений «Работа России». Сегодня ЕЦП объединяет единую базу вакансий и резюме по всей стране, позволяет оказывать все меры государственной поддержки в сфере занятости в электронном виде.

Процесс поиска работы и подбора кадров становится быстрым, прозрачным и доступным. Все проверено, нет рекламы, все бесплатно и надежно — вакансии проходят

проверку центрами занятости и поступают от крупнейших коммерческих ресурсов.

В Татарстане платформа интегрирована в интерактивный портал службы занятости (portal.tatartrud.ru), что позволило перейти к проактивным сервисам и повысить эффективность трудоустройства.

Сервисы портала «Работа России» позволяют проанализировать данные о трудоустройстве выпускников вузов и профессиональных образовательных организаций, движении рабочей силы.

Работа с работодателями

Служба занятости Республики Татарстан на протяжении 35 лет выстраивает эффективное сотрудничество с работодателями региона. Служба занятости Республики Татарстан — *надежный партнёр для предприятий всех форм собственности, помогая оперативно решать кадровые вопросы.*

Взаимодействие с работодателями реализуется через комплекс мероприятий.

1. Ярмарки вакансий: позволяют обеспечить прямой контакт работодателя и соискателя.

Только за последние 5 лет было проведено 2 264 ярмарок вакансий, в том числе более 470 специализированных ярмарок. В ярмарках приняли участие 12 тыс. работодателей, которые представили 495,3 тыс. вакансий.

Ярмарки вакансий посетили 222,8 тыс. человек. По результатам проведенных ярмарок трудоустроены 28,1 тыс. человек.

Всероссийская ярмарка вакансий. Четвертый год подряд масштабным мероприятием становится Всероссийская ярмарка трудоустройства «Работа России. Время возможностей». Ярмарка проводится обычно на 2 уровнях — региональном и федеральном одновременно по всей стране.

В 2026 году региональный этап состоялся 17 апреля, а федеральный планируется 27 июня 2026 года.

Ярмарка за свое время проведения собрала более чем на 311 площадках по Республике Татарстан 3 283 предприятий республики, в том числе 386 предприятий ОПК. Ярмарку посетили более 98 тыс. человек. Численность трудоустроенных граждан составила 10,3 тыс. человек.

17 апреля на 46 площадках республики 346 предприятий предоставили более 8,7 тыс. (8 792) вакантных рабочих мест. Посетили Ярмарку 10,9 тыс. человек (10 912 человек), из них 1 131 человек получили предложения от работодателей в день ярмарки.

2. Деловые клубы работодателей — площадки для обмена опытом, обсуждения актуальных тенденций рынка труда и выработки совместных решений

Сегодня в Республике Татарстан на базе центров занятости населения созданы и успешно функционируют 8 Клубов работодателей в 8 районах и городах республики, а именно: «Работодатель» (г. Набережные Челны), «ЦЗН-ПРО-Кадры» (г. Нижнекамск), «Клуб работодателей» (Альметьевск, Бугульма, Азнакаево), «Вектор карьеры» (Лаишево), «Митап сообщество #Кадровики решают» (Заинск), «Профи-Кадры» (Кукмор).

Регулярная и разноформатная работа клубов (*круглые столы, информационные семинары, организация совместных мероприятий по профессиональной ориентации, экскурсии на предприятия, тематические деловые завтраки, маркетинговые визиты, мастер-класс от HR-эксперта и др.*) способствует оперативному решению кадровых вопросов и эффективному информированию работодателей.

За период существования клубов проведено более 80 заседаний, в которых приняли участие более 1,5 тыс. работодателей (1572 работодателя).

3. Временная занятость работников, находящихся под риском увольнения — ещё один инструмент взаимодействия с предприятиями: поддержка работников, находящихся под риском увольнения путем предоставления субсидии на организацию временных работ.

Так, в 2024 году 421 работник 5 предприятий, в 2025 году — 6,7 тыс. работников 2 предприятий участвовали во временных работах в период неполной занятости на основном месте работы.

4. За счет средств федерального и республиканского бюджетов организуются программы обучения сотрудников предприятий и взрослого населения под нужды бизнеса.

В наиболее сложные для реального сектора экономики Республики Татарстан пе-

риоды служба занятости поддерживала стратегии сохранения и развития персонала предприятий своими программами. Через центры занятости населения обучено более 69 тыс. работников таких предприятий, как ПАО «КАМАЗ», АО «Зеленодольский завод имени А. М. Горького», АО «Казанский вертолетный завод», АО «КВАРТ», АО «Производственное объединение «Завод имени Серго», АО «Радиоприбор», МУП «Метроэлектротранс» и других.

В рамках национальных проектов «Демография» и «Кадры» для расширения возможности трудоустройства и обеспечения наиболее качественной занятости обучено 48,2 тыс. граждан, в том числе таких категорий, как женщины, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком до 3 лет; граждане в возрасте 50 лет и старше; молодежь; ветераны СВО и члены их семей.

5. Работодатели могут также претендовать на получение субсидии:

– **на частичную компенсацию заработной платы при трудоустройстве** таких категорий граждан как ветераны боевых действий, участники СВО и члены их семей, инвалиды, уволенные с военной службы, освобожденные из мест лишения свободы, одинокие и многодетные родители от 3 до 6 МРОТ (*приказ СФР от 29.12.2024 № 2714*). В 2025 году трудоустроено 80 человек, в 2026 году — 49 человек, с преобладанием ветеранов боевых действий и инвалидов;

– **на частичную компенсации затрат на выплату заработной платы** при трудоустройстве работников на предприятия ОПК из других регионов. Максимальный размер субсидии 422, 7 тыс. руб. при отработке года после переезда.

В 2025 году — 8 предприятий получили субсидию на 49 человек, в текущем 7 предприятий трудоустроили 13 человек. (ООО «Федерал-Могол Набережные Челны», АО «Электросоединитель», ООО «Торговый Дом «КАМА», ООО «Нижнекамский механический завод», АО «ТАНЕКО», АО «Химзавод им. Л. Я. Карпова», ООО Авторемонтный Завод «Кориб»);

– **на создание рабочих мест для инвалидов I и II групп и инвалидов из числа участников СВО всех групп инвалидности (до 200 тыс. руб.).** В 2025 году создано 26 рабочих мест,

в т.ч. 13 рабочих мест для трудоустройства инвалидов из числа участников СВО. В 2026 году создано 2 рабочих места, в том числе 1 для инвалида из числа участников СВО.

Сотрудники службы занятости и в дальнейшем готовы быть хорошей опорой для предприятий в вопросах кадрового обеспечения.

Работа с гражданами

Взаимодействие с гражданами строится также через комплекс ключевых направлений поддержки.

В основе работы — индивидуальной подход к каждому обратившемуся с учетом его жизненной ситуации. Специалисты службы занятости определяют профессиональный потенциал, учитывают пожелания и способности, а затем предлагают конкретный путь к достойной работе.

За 35 лет 194,5 тыс. безработных граждан получили новые профессии или повысили свою квалификацию.

Взаимодействие с гражданами осуществляется по следующим направлениям:

1) Профессиональное консультирование и подбор работы — персональные консультации специалистов, помощь в составлении резюме, подбор вакансий с учётом квалификации и опыта, организация встреч с работодателями.

Профориентационные программы службы занятости ориентированы на все категории жителей республики.

Приоритетная целевая аудитория — молодежь от 14 лет. За 35 лет центрами занятости населения оказано 3,2 млн. профориентационных услуг — это более чем две трети населения Республики Татарстан. 72 % получателей услуг — школьники и молодежь, для которых профориентация — мостик между учебной и профессиональной деятельностью.

2) Трудоустройство несовершеннолетних

Организация временного трудоустройства несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учебы время способствует подрастающему поколению в профессиональном самоопределении, патриотическому воспитанию, привлечению к обще-

ственно-полезному труду, поддержке семей с детьми, профилактике правонарушений и безнадзорности среди несовершеннолетних.

За 35 лет 1,7 млн несовершеннолетних граждан смогли получить свои первые профессиональные навыки и приобщиться к труду, за последние 5 лет — более 63 тыс., в 2025 почти 12 тыс. несовершеннолетних граждан.

Активно включены и заинтересованы в вопросах организации занятости трудоустройства несовершеннолетних граждан органы исполнительной власти муниципальных районов, ежегодно выделяя финансирование из местных бюджетов на оплату труда подростков для работы бюджетных организациях. В 2026 году — 39 муниципальных образований.

Наиболее активно трудоустраивают несовершеннолетних в г. Набережные Челны — ежегодно более 3 тыс. подростков, г. Казани и Нижнекамского района — более 1 тыс. подростков, Альметьевского района — более 800 человек, Заинского района — более 700 человек, Сабинского, Зеленодольского, Бугульминского, Елабужского районов — это более 450 школьников ежегодно.

3) Организация предпринимательской деятельности — не менее эффективная мера вовлечения граждан в трудовую и профессиональную деятельность.

Содействие в организации предпринимательской деятельности за 35 лет получили 64 тыс. безработных граждан, из которых 53,1 тыс. безработных граждан открыли собственное дело, получив единовременную финансовую поддержку в размере 145.100 рублей.

В рамках данной меры поддержки граждане проходят профессиональное обучение основам предпринимательской деятельности, получают методическое сопровождение в разработке бизнес-планов.

Наиболее востребованные направления:

- сельское хозяйство,
- бытовое обслуживание населения,
- культура,
- спорт,
- организация досуга и развлечений,
- торгово-розничная деятельность.

4) Работа с инвалидами — в центре деятельности службы занятости населения.

По состоянию на март 2026 года уровень занятости инвалидов трудоспособного возраста в Татарстане достиг 32,5 % (при среднероссийском 27,74 %), что обеспечивает республике 1 место в ПФО и 11 место по России. Из 114,9 тысяч инвалидов трудоустроены 37,3 тысячи.

Это результат системной работы, которую проводят на протяжении многих лет.

Ключевой элемент — *персональное сопровождение каждого обратившегося инвалида*. При обращении в службу занятости гражданину назначается куратор, который подбирает необходимые меры государственной поддержки и подходящие вакансии с учетом индивидуальных особенностей соискателя.

Важный инструмент содействия занятости инвалидов — *система квотирования рабочих мест*. В Татарстане установлена квота в размере 2 % от среднесписочной численности работников для предприятий с численностью от 36 до 100 человек включительно и 3 % от среднесписочной численности работников для организаций с численностью более 100 человек. *На сегодняшний день работодателями рассчитано 14 074 квотируемых рабочих места, на которых трудоустроен 11 271 инвалид, что составляет 80,08 % от квоты.*

Наиболее активные работодатели, которые обустривают рабочие места для комфортной работы данной категории граждан, например: на Казанском авиационном заводе имени С. П. Горбунова — филиал ПАО «Туполев» создан цех для работников с нарушением слуха. Диалог работников предприятия организован через сурдопереводчика, который сотруднику, инвалиду по слуху, обеспечивает контакт с администрацией и коллегами, тем самым способствуя их интеграции в трудовую, общественную, культурную и спортивную жизнь объединения.

На АО «Казанское моторостроительное производственное объединение» для студентов Казанского национального исследовательского технического университета — КАИ имени Туполева, имеющих ограниченные возможности здоровья по слуху, проводятся экскурсии по цехам завода для знакомства с его производственной базой. После окончания вуза ребятам предоставляется возможность трудоустроиться на предприятие. Такие экскурсии для студен-

тов с ограниченными возможностями по слуху на ведущие предприятия промышленности вселяют в них уверенность в завтрашнем дне, востребованности их как специалистов, служат ключевым фактором при выборе дальнейшей жизненной траектории.

Успешны предприятия Республики во все-российском рейтинге работодателей, трудоустраивающих участников движения «Абилимпикс». По итогам 2025 года шесть организаций Татарстана вошли в ТОП-10 российских работодателей, что свидетельствует о высоком уровне социальной ответственности бизнеса в республике.

Служба занятости Татарстана в партнерстве с бизнесом продолжит обеспечивать эффективную профессиональную интеграцию граждан с инвалидностью.

5) Одна из ключевых, социально значимых задач последних лет — **поддержка участников специальной военной операции и членов их семей.**

Служба занятости превратилась в центр жизненных ситуаций, где помогают вернуться к мирной жизни тем, кто защищал Родину.

Одно из главных изменений — **проактивный формат работы**. Службы занятости не ждут, когда участник СВО сам придёт в центр занятости. Мы идём к нему сами. Специалисты службы занятости сами уточняют текущую занятость и потребности путем превентивных обзоров.

В результате **более 3,3 тыс. участников СВО** получили полную информацию о доступных государственных мерах поддержки в сфере занятости. Служба занятости выстроила чёткую, многоуровневую систему помощи. Результаты говорят сами за себя. **Ключевые итоги:**

- Более 65 % обратившихся участников СВО трудоустроены — это 303 человека, включая 54 гражданина, имевших судимость. Это не статистика, а возвращённые судьбы;

- 305 человек прошли профессиональную ориентацию;

- 65 участников получили психологическую поддержку;

- 104 гражданина прошли социальную адаптацию.

Специально для участников СВО на базе центров занятости созданы и функциони-

руют 15 клубов — «Работа для СВОих» (Казань, Елабуга, Лениногорск, Чистополь, Азнакаево, Заинск) «СВОих не бросаем» (Нижнекамск), «Занятость участников СВО и членов их семей» (Альметьевск), «Вместе со СВОими» (Бугульма, Зеленодольск), «Маяк для СВОих» (Лаишево), «BeZБергэ» (Бавлы).

Это площадки для общения, консультаций и трудоустройства в кругу «своих». Проведено более 60 заседаний клубов, в которых приняли участие более 270 человек (279 человек).

Также запущена образовательная программа «Килэчэк яЗмыш», направленная на развитие предпринимательских компетенций. Уже 30 человек (включая 12 участников СВО) получили субсидию в размере 145 100 рублей на старт предпринимательской деятельности.

Служба занятости работает не одна. Ключевые партнёры:

- Военный комиссариат Республики Татарстан.
- Фонд «Защитники Отечества» (558 консультаций, 355 совместных мероприятия).
- Бюро медико-социальной экспертизы по Республике Татарстан.
- Социальный фонд России, Татмедиа и другие ведомства.

С 2026 года работодатели для ветеранов боевых действий могут резервировать отдельные виды работ (профессии), а с сентября текущего года предприятия с численностью работников более 200 человек будут обязаны установить квоту в размере 1 % от среднесписочной численности работников.

Благодаря предоставляемому комплексу услуг служба занятости не просто помогает найти работу. Она стараемся вернуть людям уверенность в завтрашнем дне.

Одна из стратегических задач, которую предстоит решать службе занятости — это долгосрочное обеспечение предприятий кадрами.

Ключевым компонентом этой системы стало внедрение *единого комплексного механизма прогнозирования кадровой потребности*.

С 2024 года изменилась система прогнозирования потребности экономики республики в кадрах. Новая Методика предлагает единые подходы к формированию прогноза кадровой

потребности экономики, что помогает определить стратегические направления развития региона.

Важное преимущество нового подхода — учет не только потребностей, связанных с экономическим ростом, но и необходимость замещения рабочих мест из-за выхода сотрудников на пенсию.

Согласно прогнозу, *среднегодовая численность занятых в экономике республики (общая кадровая потребность)* в рассматриваемом среднесрочном периоде к 2032 году увеличится на 16,92 тыс. человек (с 2083,86 тыс. человек в 2025 году до 2100,78 тыс. человек в 2032 году).

Наибольший прирост численности занятых ожидается в транспорте и хранении (+14,96 тыс. чел.), здравоохранении (+11,66 тыс. чел.), научной и технической деятельности (+5,40 тыс. чел.), деятельности в области информации и связи (+4,23 тыс. чел.), сельском хозяйстве (+4,20 тыс. чел.).

Снижение численности занятых ожидается в сфере образования (-12,89 тыс. чел.), что объясняется снижением категории граждан, нуждающихся в образовании, а именно детей с 3-х лет и молодежи до 22 лет (с 940,1 тыс. человек или 23,4 % в 2025 году до 916,1 тыс. человек или 22,7 % к 2032 году), **торговле** (-11,08 тыс. чел.), **административной деятельности** (-4,56 тыс. чел.), **обрабатывающем производстве** (-2,78 тыс. чел.), **государственном управлении** (-2,33 тыс. чел.).

Необходимая структура занятых: наибольшую долю имеют специалисты высшего уровня квалификации — более 20 %, квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочих родственных занятий — более 13 %, руководители — более 13 %, операторы производственных установок и машин, сборщики — более 12 %. Неквалифицированные рабочие в структуре занятых составляют чуть более 9 %.

Достичь прироста числа занятых сможем при обеспечении ежегодного замещения 51,37 тыс. человек, в том числе выходящих на пенсию в связи с достижением пенсионного возраста и на вновь создаваемые рабочие места.

Наибольшее замещение потребуется в обрабатывающем производстве (8,1 тыс. человек), образовании (6,91 тыс. человек), здраво-

охранении (6,87 тыс. человек), транспортировке и хранении (5,82 тыс. человек), строительстве (3,83 тыс. человек), торговле (2,97 тыс. человек).

Прежде всего, нужно замещать специалистов и квалифицированных рабочих со средним профессиональным образованием и профессиональной подготовкой — 55 % или 28,25 тыс. человек.

Наибольшая потребность в квалифицированных рабочих у работодателей в промышленности, строительстве и транспорте — 8,68 тыс. человек, операторах установок и машин, водителях — 6,70 тыс. человек, специалистах средней квалификации — 6,06 тыс. человек.

В структуре замещения на специалистов с высшим образованием и руководителей приходится 37 % или 18,83 тыс. человек.

Замещение неквалифицированных работников потребует в количестве 4,29 тыс. человек или 8 %.

Данный прогноз ложится в основу формирования контрольных цифр приема по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования. Это эффективный инструмент закрытия кадровой потребности работодателей.

Отметим, что ежегодно из ВУЗов и СУЗов выпускается порядка 48 тыс. специалистов (СПО — 18,4 тыс. ежегодно, из ВО — 29,1 тыс. ежегодно), что позволяет закрывать 92 % замещающей кадровой потребности (51,37 тыс. человек).

Именно молодежь — ключевой кадровый ресурс. Не случайно Правительство Российской Федерации перед системой общего и профессионального образования, службой занятости, отраслевыми министерствами ставит задачу обеспечить сопровождение и маршрутизацию молодежи.

Минтрудом России, Минпросвещения России и Минобрнауки России в 2025 году утверждены *Методические рекомендации для регионов России, которые устанавливают механизмы и контрольные точки внедрения системы профориентации и маршрутизации молодежи.*

В городах и районах республики с 2017 года служба занятости и профессиональные образовательные организации и вузы

совместно содействуют выпускникам в трудоустройстве в рамках соглашений о сотрудничестве (и совместной деятельности по координации усилий и обмену актуальной информацией по содействию занятости выпускников образовательных организаций). Сегодня действуют 106 Соглашений: 86 с учреждениями СПО и 20 — с вузами. Их суть — превентивно определить студентов старших курсов под риском нетрудоустройства и инициативно организовать для них индивидуальный карьерный маршрут. Высокие показатели занятости молодежи достигаются, в том числе, благодаря такому подходу.

Заключено соглашение и в сфере общего образования, закрепив сотрудничество Центра занятости населения Республики Татарстан и муниципальных органов управления образованием в проведении профориентационных мероприятий для школьников.

За 35 лет служба занятости Республики Татарстан прошла значительный путь развития, постоянно совершенствуя инструменты поддержки рынка труда.

2025 год стал переломным благодаря национальному проекту «Кадры». В рамках комплексной модернизации обновлены 49 центров занятости общей площадью более 11 тыс. кв. м: ремонт, единый фирменный стиль, современная мебель и оборудование.

К началу 2026 года все центры работают под единым брендом «Кадровые центры «Работа России». услуги оказываются в соответствии с едиными стандартами с учетом индивидуального подхода и адресной поддержки.

Новые услуги, комплексный подход к решению вопросов клиентов, удобная навигация, выделенные функциональные зоны работы с посетителями, цифровые сервисы, персональные консультанты, расширенный банк вакансий — все это Служба занятости нового времени.

Профессиональное признание

Центры занятости населения Республики Татарстан признаются лучшими в России — Кадровый центр г. Набережные Челны (1 место в 2022 году), Альметьевского района (2 место в 2025 году).

В основе работы службы — это ее люди. Нейсарова Лейсен Минкадиловна — лучший

специалист по работе с ветеранами боевых действий, включая участников СВО и членов их семей (3 место в 2025 году); Фатхуллина Альбина Камиловна — Лучший специалист в области кадрового менеджмента (2 место в 2024 году).

Лучшие проекты — Кадровый центр по г. Набережные Челны и Тукаевскому району 1 место в категории «Во имя семьи» (2024 год), «Лучшая клиентоцентричная практика службы занятости населения» (финалист конкурса профессионального управления «Проектный Олимп»).

Признание на федеральном уровне заслужили проекты Заинского и Кукморского территориальных центров занятости.

Из более чем 200 участников Кадровый центр в Зеленодольском районе стал победителем во Всероссийском конкурсе ответственного трудоустройства подростков в номинации «Лучшая программа трудоустройства подрост-

ков в конфликте с законом и трудной жизненной ситуации».

По итогам восьмого акселератора использования Единой технологии проработки жизненных ситуаций специалисты Кадрового центра Республики Татарстан уверенно заняли 1 место, а их жизненная ситуация «Трудоустройство людей с инвалидностью, в том числе участников СВО» были признана самой лучшей за всю историю акселератора.

Это не просто победа в профессиональной программе. Это признание того, что в Татарстане создаются реальные и работающие решения для поддержки тех, кто особенно нуждается в помощи после возвращения к мирной жизни.

Спасибо всем сотрудникам, работодателям и коллегам из муниципальных образований. 35 лет вместе, и впереди новые победы для нашей республики!

Учредитель и издатель

ООО Издательство «Социальное обслуживание»
(129075, Москва, ул. 3-я Новоостанкинская, 4–58)

Издается при поддержке
Межрегиональной общественной организации
«Ассоциация работников социальных служб»

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ. — 2026. — № 1.

*Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

*Свидетельство о регистрации средства массовой
информации ПИ № ФС77–62585 от 31 июля 2015 г.*

**Почтовый индекс журнала в отделениях АО «ПОЧТА РОССИИ»
по Электронному каталогу — П0992**

Редакторы

А. М. Панов, Е. А. Чулкова

Компьютерная верстка и макетирование

Д. А. Буланов

Корректор

Е. А. Чулкова

Цена договорная